

К1286174

ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

сборник
научных
трудов

ВОЛОГДА 1997

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Сборник научных трудов

**ВОЛОГДА
«РУСЬ»
1997**

ББК 63 З(Ч)
П 78

+ СБУ КМУ

Печатается по решению редакционно-издательского совета Вологодского государственного педагогического университета.

Проблемы эволюции общественного строя и международных отношений и истории западноевропейской цивилизации: Сборник научных трудов. — Вологда, ВГПУ, издательство «Русь», 1997.

В сборнике рассматривается ряд актуальных проблем истории западноевропейской цивилизации, начиная с античности и заканчивая новейшим временем. В нем впервые публикуется перевод одного из ярких памятников эпохи Реформации. Сборник приурочен к 60-летнему юбилею заведующего кафедрой всеобщей истории ВГПУ доктора исторических наук, профессора Ю. К. Некрасова. Адресован студентам, преподавателям, научным работникам и всем интересующимся историей.

**Ответственный редактор — доктор исторических наук,
профессор Ю. К. Некрасов
Ответственный за выпуск — М. В. Васильева**

**Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор А. В. Камкин,
кандидат исторических наук,
доцент И. С. Башенькина.**

0503010000 — 069
П _____
Г 76 (03) — 97

ISBN 5-87822-036-069

Профессор Ю. К. Некрасов

К 60-летию профессора Ю. К. Некрасова

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Поводом для подготовки и издания этой книги послужил 60-летний юбилей доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова, который уже почти два десятилетия возглавляет кафедру всеобщей истории Вологодского педагогического университета. Поэтому есть основания хотя бы кратко сказать о самом юбиляре.

Ю. К. Некрасов родился 10 мая 1935 года в Архангельске. После окончания в 1953 году лучшей в те времена в Вологде мужской средней школы № 1 учился сначала на историческом факультете Ленинградского университета, а затем на историко-филологическом факультете Вологодского педагогического института. В 1958—1960 годах он проходил срочную службу в рядах Советской Армии. С декабря 1960 года Некрасов работает в Вологодском пединституте: сначала заведующим кабинетом философии, а с сентября 1962 года — ассистентом кафедры истории. В 1964—1967 годах обучался в аспирантуре на кафедре истории древнего мира и средних веков Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию. После аспирантуры Некрасов работал старшим преподавателем и с 1970 года — доцентом кафедры всеобщей истории. В 1972 году он был избран деканом исторического факультета и занимал эту должность до перехода в конце 1975 году в старшие научные сотрудники. В качестве такового Некрасов был прикомандирован к кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Вернувшись из докторантury, в феврале 1978 году он занял должность заведующего кафедрой всеобщей истории. В 1982 году Некрасов защитил докторскую диссертацию, в 1985 году ему было присвоено ученое звание профессора. Таким образом, в Вологодском пединституте юбиляр прошел путь от студента и лаборанта до доктора наук и профессора.

Учителями Ю. К. Некрасова были известные историки-медиевисты: М. П. Лесников, М. М. Смирин и А. И. Данилов, оказавшие сильное влияние на его становление как ученого. Круг

научных интересов Некрасова хронологически очерчен XIV—XV веками, географически — территориями Священной Римской империи германской нации, особенно ее юго-западным регионом. Центральная проблема его исследований — возникновение и развитие явлений раннего капитализма, главным образом в горнорудной промышленности и текстильных ремеслах. Другой темой, которая привлекла внимание Некрасова, была социально-экономическая история немецких городов, эволюция их социальной структуры и социально-политическая борьба в них. Социальные противоречия в немецком обществе с наибольшей остротой проявились в эпоху Реформации и Крестьянской войны, чем и обусловлен его интерес к этим событиям. Они и образуют третью проблему, исследование которой заняло значительное место в научной деятельности Некрасова. Упомянуты выше научные проблемы, figurально выражаясь, и являются теми «тремя книгами», на которых зиждется творчество юбиляра. В этой читатель может убедиться, ознакомившись со списком научных трудов профессора Ю. К. Некрасова, помещенным в сборнике.

Научные труды Ю. К. НЕКРАСОВА

1967

1. Большая Равенсбургская компания на рынках Западной Европы (последняя четверть XV — первая половина XVI вв.) // Вопросы всеобщей истории. Учен. зап. Вологодского гос. пед. ин-та. Вологда, 1967. С. 33—62.

2. Горные предприятия аугсбургских торговых компаний в Тироле и Каринтии в первой половине XVI в. // Учен. зап. Вологодского гос. пед. ин-та. Вологда, 1967. Т. 32. Вып. 2 (гуманитарные науки). С. 74—98.

3. Торговые и торгово-промышленные компании Южной Германии XV—XVI вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1967. 18 с.

1968

4. Торговые и торгово-промышленные компании Южной Германии XV—XVI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1968. 450 с.

1969

5. Очерк из экономической истории Германии конца XV — начала XVI вв. (По материалам южнонемецких торговых и торгово-промышленных компаний) // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV—XVI вв. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 449. Вологда, 1969. С. 3—192.

1971

6. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв. (по материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вып. 1. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 518. Вологда. 1971. С. 89—156.

1973

7. Проблемы раннего капитализма в германских землях в освещении М. М. Смирнова // Ежегодник германской истории. 1971. М., 1973. С. 438—448.

8. К социально-экономической истории Аугсбурга в XV в. // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 148—159.

9. Социальная борьба в Аугсбурге в середине и начале второй половины XV в. // Там же. С. 435—444.

1975

10. Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в. (ход движения и социальный состав участников) / Средние века. Вып. 38. М., 1975. С. 129—149.

11. Происхождение и программа деятельности радикально-бюргерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. // Средние века. Вып. 39. М., 1976. С. 142—161.

12. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975. С. 179—203.

1977

13. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны (май — сентябрь 1524 г.) // Ежегодник германской истории 1976. М., 1977. С. 267—292.

14. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хроники XVI в.) // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. истор. Вып. 4. М., 1977. С. 63—79.

15. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // Средние века Вып. 41. С. 121—142.

1978

16. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хроники XVI в. // Ежегодник германской истории. 1977. М., 1978. С. 189—201.

17. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1624 — весна 1625 г.) // Средневековый город. Вып. 5. Саратов, 1978. С. 74—96.

1979

18. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднесредневековые в Англии и Германии. М., 1979. С. 31—64.

19. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (весна — лето 1625 г.) // Средневековый город. Вып. 6. Саратов, 1979. С. 79—99.

20. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI вв.) // Там же. С. 152—156.

21. Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XIV—XVI вв.) // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI—XVII вв. М., 1979. С. 56—93.

1982

22. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в городах Швабии и немецкоязычной Швейцарии XIV—XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1982. 32 с.

23. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в городах Швабии и немецкоязычной Швейцарии XIV—XVI вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1982. Т. 1. 397 с.; Т. 2: 159 с.

1984

24. Советский историк о «германском варианте» раннего капитализма // Средние века. Вып. 47. М., 1984. С. 342—348.

25. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Учебное пособие. Вологда, 1984. 96 с.

1985

26. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.). Вологда, 1985. С. 83—100.

1986

27. Концепция «революция простого человека» в современной западногерманской историографии // Ежегодник германской истории. 1985. М., 1986. С. 227—246.

28. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имуществ // История социалистических учений. М., 1986. С. 215—234.

1987

29. (В соавторстве с Ю. С. Васильевым). Крестьянство Руси и Западной Европы в XIV—XVII вв. // Октябрь и северное крестьянство. Тезисы докладов и сообщений к научно-практической

конференции. Вологда, 16—17 октября 1987 г. Вологда. 1987.
С. 51—55.

1988

30. Эволюция социального строя Швабии и Швейцарского союза в XIV—XVI вв. // Классы и сословия феодального общества. М., 1986. С. 193—198.

1989

31. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории: эпоха феодализма. Ижевск, 1989. С. 84—94, 168—173.

1993

32. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993. С. 54—80.

33. (В соавторстве с М. В. Васильевой). Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэля Затлера и Ганса Шмида // Там же. С. 120—137.

34. Комментарии к переводу «Земского У устройства». См.: Чуянов А. Ф. Михаэль Гайсмайер и его «Земское У устройство» // Там же. С. 110—117.

1995

35. Городские хроники XIV—XVI вв. как источники по истории Германии // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 160—165.

РИМ И АЛЬБА: К ПРОБЛЕМЕ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В АРХАИЧЕСКОМ РИМЕ*

В соответствии с римской традицией основателем города Рима и его первым царем считается Ромул. Большинством современных исследователей эта фигура считается мифологической. В античной историографии она была введена с целью создания для названия города героя-эпонима, который выполнял функцию начальной точки отсчета в развитии римского общества и государства¹. Однако, строго говоря, эпонимом Рима (лат. *Roma*) должен считаться не Ромул, а его легендарный брат-близнец Рем, или, в другой более ранней версии, Ром (лат. *Romus*) (Strabo V, 3, 2). Имя Ромула в этом случае также выглядит производным от имени брата². Хотя относительно этимологии их имен имеется обширнейшая литература, ее рассмотрение в данном случае не входит в нашу задачу. Не случайно, видимо, в античности относительно названия Рима в ходу были и другие версии. Наиболее популярным из них было возведение его к некой героине или богине с именем *Roma* (Plut. Rom. 1) Согласно этим версиям, Рома, и следовательно Ром, было именем не латинского, а греческого корня. Греческие, пеласгические, тирренские и иные восточносредиземноморские корни первых поселенцев римского семихолмья представляют собой отдельную проблему, исследование которой предполагает углубление в докородской период римской истории³. Объектом же нашего внимания является последующий за воцарением Ромула временной отрезок.

Наличие в числе потенциальных инициаторов царской «династии» Рима героя и героини с одинаковым знаковым («тронным») именем явно перекликается с традицией архаической сакральной царской власти, открытой в свое время Дж. Фрэзером⁴. В римской традиции сохранилось немало сведений в пользу именно такого понимания царской власти. Все римские цари, исключая Нуру Помпилия и изгнанного Тарквния, умерли насильственной смертью. Традиционное описание обстоятельств их гибели очень напоминает сакральное умерщвление. Тит Гаций погиб во время жертвоприношения в Лавинии, заколотый жертвенными вертелами (Liv. I, 14, 2). Вероятно, в этом содержится прозрачный намек на то, что жертвой был он сам. Ромул, подобно Энею (по одной из

* Статья подготовлена в рамках проекта «Возникновение гражданского общества античного Рима», разрабатываемого «втором при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96-01-00156).

версий также считавшемуся основателем Рима), исчез при стечении масс народа на Козьем болоте, вознесшись на небо во время поднятой Юпитером бури⁵. Он был приравнен к богам и стал Квирином. По иной версии, его разорвали на части патриции — явный мотив очень древней формы жертвоприношения, весьма соответствующий обрядам плодородия, тесно связанным с представлениями о магическом влиянии сакрального царя на природу. Тулл Гостилий сгорел со своим домом от молнии Юпитера, подобно древнему альбанскому царю Аремулу Сильвию, якобы наказанному этим божеством за заносчивость (Aug. Vict. Orig. gentis Romanae XVII, 2—3). Другой царь альбанской династии Авентин, давший название одному из римских холмов, то ли погиб, то ли исчез, подобно Ромулу и Энею (Augustin. De civ. Dei XVIII, 21). Смерть Анка Марция скрыта традицией, но из всех римских царей он правил самый короткий срок и довольно странным образом уступил власть выходцу из Этрурии. Его преемник Тарквиний Приск погиб от топоров наемных убийц, посланных сыновьями Анка Марция. Сервий Туллий был убит, убегая от посланцев ставшего его преемником Тарквния Суперба. Его бегство подозрительно напоминает ритуальный бег римского «царя священнодействий» (тех *vascogum*) во время праздника Регифугий. Дочь Сервия, бывшая женой Тарквния Суперба, перенесла тело отца, сидя на колеснице, выступающей здесь символом царской власти⁶. Нечестивый с точки зрения позднейшего гуманизма этот акт, видимо, имел ритуальный характер. Тем самым как бы обеспечивалась передача власти от умершего Сервия его наследнику Тарквинию.

Небезынтересно и, видимо, важно здесь то обстоятельство, что роль, вероятно, необходимого передаточного звена в этом ритуале играла царская дочь, бывшая одновременно и женой следующего царя. Это живо напоминает обычай многих средиземноморских народов, в соответствии с которыми законными носительницами священной царской власти считались женщины из царского рода, брак с которыми давал право их мужьям занимать престол⁷. Наиболее простым вариантом передачи царской власти при этом была ее уступка прежним царем мужу своей дочери. Следы этого обычая можно проследить и в римской «династийной традиции». Согласно одной из версий, женой правившего после смерти Тига Тация Ромула была дочь первого — Тация. По другой версии, Тация была первой женой второго римского царя Нумы Помпилия. Чтобы сделать царем своего воспитанника Сервия Туллия, Тарквиний Приск женил его на своей дочери. В свою очередь, чтобы власть мог получить Тарквиний Суперб, Сервий Туллий выдал за него замуж свою дочь Туллию. А когда первая Туллия умерла, Тарквиний, чтобы не упустить свой шанс, должен был жениться на второй до-

черн Сервия Туллия. Тот факт, что не все римские цари выступают в традиции зятями своих предшественников, может быть объяснен разными причинами. Одной из них было отсутствие или ранняя смерть дочерей, что заставляло искать претендентов среди боковых родственников. В условиях, когда Лаций состоял из небольших и отнюдь не густонаселенных «городов» сельского общинного типа, управлявшихся своими «царскими династиями», складывалась предпосылка для установления тесных контактов и «династийных» матримониальных связей между ними. Примером такой связи могут быть отношения правителей Рима и Альбы-Лонги. Согласно традиции, Ромул был выходцем из Альбы. Утвердившись в Риме, он, как говорит традиция, после смерти своего деда Нумитора, правившего в Альбе, ежегодно посыпал туда из Рима наместника. Понятие «наместник» здесь, очевидно, является анахронизмом. Альба в эпоху Ромула и Нумы была самостоятельным независимым центром, который к тому же имел некоторые сакральные права претендовать на старшинство над Римом. Альбанский Юпитер был древнее и потому в то время важнее римского. Вполне вероятно, традиция о ромуловом «наместнике» является полустершимся воспоминанием о древнем обмене женихами для царских дочерей альбанской и римской (палатинской в то время) «династии». В легендарных версиях смерти Ромула сообщается, что простой народ роптал после его неожиданного исчезновения и высказывал возмущение против «отцов», обвиняя их в убийстве царя. Успокоились граждане только после того как один из патрициев по имени Прокул Юлий возвестил всем, что Ромул явился ему и повелел сообщить, что он взят на небо в ранге Квирина⁸. В передаче этой легенды Овидием указывается, что Прокул Юлий встретил Ромула на пути из Альбы-Лонги в Рим. Род Юлиев считается одним из родов альбанского происхождения, тесно связанным с культом тамошнего Юпитера. Имя знатного альбанца, слово которого имело странно решающий вес в Риме, Прокул (лат Proculus) производно от Proscus (архаическое Proscer), что означает «жених» или «предводитель». Очень соблазнительно предположить на этой основе, что альбанец Юлий после смерти очередного римского царя выступал в роли царского жениха и соответственно претендента на царскую власть в Риме. Последнему имеется прямое подтверждение в традиции. Плутарх в биографии Нумы Помпилия рассказывает, что перед тем, как была выдвинута кандидатура Нумы, основными претендентами на царскую власть в Риме считались некий Веллес, бывший в родстве с Гитом Гацием, и Прокул Юлий. Мы не знаем, за кого была выдана замуж дочь Ромула Прима и были ли у него еще дочери, но, согласно традиции, царскую власть после него получил не Прокул Юлий, а Нума Помпилий.

О его династийных связях из традиции прямо известно только то, что первым браком он был женат на дочери Тита Тация. Однако впоследствии царем Рима стал внук Нумы Аник Марций, бывший сыном его дочери Помпилии. Отцом Аника был Нума Марций — сын ближайшего сподвижника Нумы Помпилия Марка Марция. Этот последний, согласно традиции, оспаривал царскую власть у Тулла Гостилия после смерти Нумы Помпилия и покончил с собой, потерпев неудачу в этом предприятии. По возрасту (Нума правил очень долго) Марк Марций вряд ли мог выступать соперником Тулла Гостилия в борьбе за римский престол. Логичнее, кажется, видеть в этом претенденте не его, а принадлежавшего к одному поколению с Туллом его сына Нума Марция, отца царя Аника. В этом случае его претензии были обоснованы его женитьбой на дочери предшествующего царя Нумы. Однако вопреки традиции, ориентировавшейся на такого рода древнюю норму наследования, власть получил не он, а его соперник Тулл Гостилий. Если принять эту традицию за реальность, то можно представить, что Марций был настолько уверен в беспротивности обоснования своих претензий, что неудача была и неожиданна для него, и воспринята им как неслыханный позор, заставивший его покончить с собой. По-видимому, наряду с правилом учета в ряду наследников царской власти мужа царской дочери в архаическом Риме действовали и какие-то другие правила и нормы, возможно, выливавшиеся на практике в довольно сложные закономерности.

Еще одно из таких правил можно отследить на том же материале римской «династии». Из традиции известно, что царь Аник Марций был внуком царя Нумы Помпилия, сыном его дочери Помпилии. Царь Тарквиний Суперб был скорее всего не сыном, а внуком Тарквина Приска, сыном его дочери Тарквиины⁹. Других столь прямых данных такого рода как будто нет. Однако внимательное отношение к традиции позволяет обнаружить довольно явные их следы. Хотя традиция считает Ромула основателем палатинского Рима, он стал править на Палатине после того, как убил Рема-Рома. Последний далеко не всеми версиями традиции считается братом Ромула¹⁰. Ромул скорее выступает его наследником, пришедшим к власти в соответствии с архаическим ритуалом убиения священного царя его преемником. До Рома и Ромула царем был Нумитор. Хотя традиция считает его царем Альбы-Лэнги, а Ромула царем Рима, это кажется всего лишь литературным приемом разведения связанных между собой правителей. Дело в том, что события, фигурирующие в традиции в связи с рождением близнецов Ромула и Рема, кормлением их волчицей и дятлом, воспитанием их Фаустулом и его женой, разбоями пастухов под их предводительством и поимкой Нумитором Рема, — все это происходило не в окре-

стностях Альбы, а в окрестностях Палатина. Поэтому Нумитор выглядит более царем палатинского Рима, нежели Альбы. В таком случае перед нами еще одна пара дед — внук в качестве правила родственной зависимости в передаче царской власти. В то же время имя Нумитора, очевидно, сближает его с Нумой Помпилием, которого также можно отнести к поколению его внуков.

Следующий за Нумой царь Тулл Гостилий также не был совершенно «безродной» фигурой на римском престоле. Согласно преданию, он был внуком Гостииля, близкайшего соратника Ромула, прославившегося и, вероятно, погибшего в борьбе с сабинами¹¹. Одно место у Феста показывает, что могилу Ромула часто отождествляли с могилой Гостииля или наоборот¹². По одной из версий традиции, женой Ромула была сабинянка Герсилия, по другой, — она была женой Гостииля (*Plut. Rom. 14*). Смешение этих двух фигур наводит на мысль, что Гостилий и мог быть Ромулом (или одним из Ромулов, если за фигурой легендарного основателя Рима скрывалось несколько лиц)¹³. В таком случае Тулл Гостилий был внуком царя или, возможно, сыном его дочери, выданной замуж за сына Гостииля, если тот все же не был Ромулом. По крайней мере, мы знаем, что он оказался более достойным кандидатом на римский престол, нежели Нума Марций, женатый на дочери Нумы Помпилия. В этом случае еще большей становится вероятность того, что царь Сервий Туллий имел определенное отношение к линии Гостииев на римском престоле. Мне уже приходилось высказывать соображение, что он мог быть внуком Тулла Гостииля¹⁴. В таком случае до полноты картины остается только неясным вопрос, был ли Тарквиний Приск женат на дочери Анка Марция или он получил власть в Риме каким-то иным способом, по другим правилам. Но как бы там ни было, очевидным выглядит наличие в архаическом Риме правила наследования царской власти не только мужем, но и сыном царской дочери, бывшим одновременно и внуком за поколение до него правившего царя. Возможно, оба эти правила в определенные моменты римской истории давали сбои, обусловленные конкретной практической ситуацией. Но, возможно, эти сбои были обусловлены вмешательством в дела наследования власти каких-то привходящих обстоятельств, которые можно попытаться выяснить, если принять за основу реальной истории традиционные данные.

Согласно наиболее распространенной легендарной версии, Ромул и Рем были рождены дочерью царя Альбы-Лонги Нумитора Реей Сильвией. Посвященная в жрицы Весты своим дядей Амулием, отобравшим царский престол у брата Нумитора, Рея вступила в связь с богом Марсом и родила от него сыновей. Этот незатейливый сюжет, достаточно типичный для архаической мифологии, был

тесно связан с объяснением древнего порядка передачи царской власти. В соответствии с приведенными выше римскими материалами, будучи дочерью царя, Рея должна была выйти замуж за человека, который посредством этого брака получал царство. В качестве жрицы Весты Рея, видимо, была посвящена главному мужскому божеству Альбы. Ее обет безбрачия символизировал ее «замужество» с богом. В легенде в качестве этого бога выступает Марс. В качестве жрицы Рея, вероятно, считалась его ритуальной супругой в обрядах священного брака, символизировавших плодородие и процветание мира и народа. Роль мужского божества, ее супруга, в этих обрядах обычно принадлежала священному царю Альбы. Поэтому традиция и «подозревает», что роль Марса исполнял сам Амулий¹⁵. В реальности он и должен был стать мужем Реи Сильвии, поскольку только этим браком он мог обрести законные права на царство Сильвиев. Таким образом, царем Амулий был по праву зятя царя. А родившийся у Реи его сын Ромул имел законные права на альбанский престол после окончания правления Амулия в качестве внука царя Нумитора.

В этих хорошо известных альбанских «событиях» обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Как известно, верховным божеством Альбы был Юпитер (*Juppiter Latiaris*), почитавшийся в священной роще на Альбанской горе. По роще альбанские цари и звались Сильвиями — Лесовиками. В легенде же царь Амулий почему-то выступает под личиной не Юпитера, а Марса. Вероятно, образ Марса в данном контексте относился к иному слою легенд о Ромуле и Реме. По-видимому, так же как и сюжет о Нумиторе, упоминание Марса следует связывать с палатинским Римом, на который традиция неоднократно указывала как на место поселения выходцев из разных этносов и общин¹⁶. В оригинальном же контексте легенды ритуальным супругом Реи должен был выступать Юпитер. Но, в свою очередь, согласно принятым в античной мифологии брачным связям богов, супругой Юпитера считалась Юнона, а Рея — Сатурна. Последний, как известно, фигурирует в традиции в качестве родоначальника латинских царей Лаврента. Видимо, Рея вместе с Сатурном также относились к иному пласту первоначальных мифов. Согласно Овидию, древнейшим наззанием Рима было Сатурния (*Ovid. Fasti VI, 31*). Это было, конечно, то время, когда Рим находился еще на одном Палатине. Священной птицей Лаврента считался дятел (*picus*), имя которого носил один из лаврентских царей — Пик. Но одновременно дятел был и священной птицей Марса. Согласно легенде, дятел вместе с волчицей участвовал в кормлении младенцев Ромула и Рема, выброшенных рекой на склон Палатинского холма. Согласно Августину, Ромул сделал Пика богом на Палатине (*Augst. De civ. Dei VI,10*). Видимо, и Рея

попала в альбанскую легенду из совсем иного пласта сказаний¹⁷. В соответствии с позднейшими мифологическими конструкциями, Рея и Сатурн рассматривались в качестве родителей Юноны, Цереры и Весты (Ovid. *Fasti VI*, 285). Августин полагал, что за именами Цереры, Юноны и Весты скрывается Великая мать-земля (Augustin. *De civ. Dei VII*, 16). Поэтому почитание Юноны было распространено у всех народов Лации (Ovid. *Fasti VI*, 49—88). Она рассматривалась в качестве матери Марса (Ovid. *Fasti III*, 251), культа которого также был распространен по всей средней Италии. В греческой мифологии богиней-матерью считалась сама Рея (Apollod. *Epr. VI*, 16). Поэтому, вероятно, она взаимозаменялась со своей «дочерью» Юноной, мифической супругой Юпитера.

Но у легендарной весталки Реи Сильвии было еще одно имя — Илия (*Ilia, Julia*), которое связывает ее с легендарным Юлом и родом Юлиев¹⁸. Согласно традиции, Юл считался сыном Энея и Лавинии, дочери лаврентского царя Латина. Одновременно его признавали основателем Альбы-Лонги. Первое положение традиционной генеалогии имеет явно искусственный характер. Первоначально сына Энея, как известно, звали Асканий. По поводу Юла античные писатели путались: то ли он был вторым сыном Энея (Асканий от Креусы, а Юл от Лавинии), то ли это единственный Асканий по прибытии в Лаций поменял имя на Юл. Вероятнее всего, этот второй сын (или перемена имени первого) потребовался для установления связи утвердившегося на побережье близ Лаврента и Лавиния культа Энея с альбанским религиозным центром. Аврелий Виктор передавал, версию, согласно которой сына Энея Аскания сначала называли Иовом (*Jovis*), а потом Юлом¹⁹. Возможно, здесь отразилось воспоминание о том, что Юпитер первоначально в городах побережья Лавренте и Лавинии носил имя Иовиса. В таком случае Юл первоначально был совершенно самостоятельной мифологической фигурой, связанной исключительно с Альбой-Лонгой. В альбанской традиции он считался легендарным основателем Альбы и династии ее царей Сильвиев. А сама Альба, по свидетельству Псевдо-Плутарха (*Parall. 36*), первоначально называлась Юлия (*Ioulia*) по имени Илии (*Ilia*), которая была жрицей Юноны (Геры в греческом варианте). Следовательно, Юл (*Ил*) должен был быть главным божеством города, а Сильвии правили последним в качестве его персонификации. Их «tronным» именем, подобно палатинским Ромам, видимо, должно было быть Юлии (*Илии*). Иными словами, Юлии действительно были архаическим альбанским царским родом, в чём их потомки нисколько не сомневались вплоть до эпохи империи.

Таким образом, в «священном браке» вместо весталки Реи Сильвии и Марса-Амуния в более архаическом пласте сказаний

должны были фигурировать царская дочь, жена Илия, и священный царь «города» Илии-Юлии Юл-Ил. Или все-таки Амуний? Имя Амуния производно все же не от греческого *Amolios*, как полагал Плутарх, а было скорее искаженным латинским *Aemilius* — Эмилий. По одной из легендарных версий матерью Ромула была Эмилия (*Plut. Rom. 2*). Согласно другой легенде, у Аскания (то есть Юла) было два сына, одного звали Юлий (*Iulium*), а другого Эмилий (*Aemulion*)²⁰. Это сообщение явно коррелируется с утверждением традиции, что Амуний был братом Нумитора. По всей вероятности, Эмилии первоначально были альбанским родом, связанным с Юлиями брачными отношениями. Отсюда, видимо, и этимология гентильного номена *Aemilius* от *Aemulus Iulus*, что означало «соперник — сторонник Юла или Юлиев». Если легендарный Амуний был представителем Эмилиев, то за палатинским именем его брата Нумитора должен был скрываться представитель рода Юлиев. Поэтому дочь последнего и звали Илия-Юлия. Братьями в таком случае эти Эмилий и Юлий могли быть в соответствии с нормами кросс-кузенного брака.

Как видим, данные римской традиции поддаются довольно логичной расшифровке. Однако, чтобы наше понимание альбанской легенды полностью вписалось в традицию, необходимо прояснить центральный вопрос римско-альбанских отношений. В традиции альбанцы выступают носителями культа Юпитера, утвердившими его на римских холмах. И в историческое время на альбанской горе почитался именно Юпитер. Как это могло быть, если верховным божеством Альбы считать Юла? Между тем именно ориентация на бога Юла позволяет дать по крайней мере одно из возможных объяснений происхождения номена Юпитера. Слово *Juppiter*, как известно, составное из *Jur* — *pater*. Второе слово «отец» (*pater*) можно считать обычным обозначением богов-родоначальников. Первое же *Jur*-, оглушенное соседством с *r*- в последующем *pater*, кажется вполне возможным вывести из первоначального *Jul-*, *Juv-*, *Jur-*, то есть от *Julus*. В таком случае первоначального альбанского Юпитера называли *Jul-pater*, то есть «Юл-отец». Именно Отец Юл, отец альбанского народа должен был почитаться в священной роще на Альбанской горе. Превращение его в позднейшего Юпитера, до-видимому, произошло после слияния с культом капитолийского Иовиса (*Iovis*) и палатинского Вейовиса (*Ve-iovis*), что требует специального исследования²¹.

Наша реконструкция данных традиций позволяет понять, что появившийся после смерти Ромула на дороге из Альбы в Рим Прокул Юлий был не случайным искателем царственности в Риме. По всей видимости, он следовал туда путем Ромула, который в таком случае также выглядит далеко не случайным «подкидышем» на Па-

латине. По своим альбанским родителям Ромул должен был быть либо Юлием, либо Эмилием. Вероятно, палатинские Ромы некогда заключили сакральный брачный союз с альбанскими Юлиями или, быть может, Юлиями и Эмилиями вместе. В этом союзе поначалу, вероятно, не было ничего особенного. Такие же брачные союзы между сакральными правящими родами «городов» Лация становились все более обычным делом по мере сокращения свободных земель и роста демографической тесноты. Царские сыновья, не имевшие возможностей по обычай стать царями дома, теперь не просто отправлялись искать себе царства «куда глаза глядят», а по заранее произведенному родителями матримониальному расчету брачных возможностей. А последние во многом зависели от количества вовлеченных в союз «городов». Потомство от таких браков на чужбине становилось исходной основой для нового родового коллектива, связанного родством как с родами по месту жительства, так и по месту происхождения его родоначальника. Проявление этой тенденции можно предположить на основе данных традиции о римском роде Гостилиев. Как отмечалось выше, традиция несколько смешивала Ромула и Госта Гостилия, вследствие чего возникло предположение о возможном тождестве этих легендарных фигур. Гентилиций Гостилиев (*Hostilius*) вполне можно разложить на возможно исходные его составные: *Hostes/Hosti* (чужие) и *Julii/Illi* (Юлии). В таком случае он имел значение «чужеземные Юлии». В позднейшей литературной традиции это было осмыслено как «друзья (*hospes*) Юлиев». Очевидно, что если Гостилии были происходившими от Ромула или связанными с Ромулом римскими сородичами Юлиев, то они поддерживали с Альбой тесные дружественные контакты. Тогда появление на римском престоле Тулла Гостилия не было случайностью в той же степени, как и все, что происходило в архаическом Риме. Направлявшийся Ромулом в Альбу «наместник» был таким же представителем палатинского правящего рода, как и Прокул Юлий альбянского (*Plut. Rom. 27*). Характер связи Альбы с палатинским Римом, таким образом, вырисовывается довольно ясно. Сложнее вопрос о времени ее установления. Существовала ли она уже какое-то время перед появлением исторического Ромула, или появление Ромула и знаменовало установление этой связи? Римская традиция ориентируется на последний вариант. В таком случае легендарные события в окрестностях Палатина до конфликта с сабинами по поводу «похищения сабинянок» следует отнести не к Ромулу, а к Рому.

Легенда же о сабинянках, кажется, относится не к Палатину, а к соседнему Капитолию, имевшему культовый центр сабинян. Согласно традиции, Юпитер впервые утвердился на семихолмье именно на Капитолии после победы Ромула над сабинской Цениной.

Тогда и был построен храм воинского бога Юпитера Феретрия. Историческое местоположение Ценины неизвестно. Не следует ли предположить, что Ценина и была одной из вершин Капитолийского холма, захваченной переселенцами из Альбы. Поражение Ценины вызвало поход Антемны, но антемяне потерпели поражение, и их город был взят. Именно после этого события в традиции начинает действовать жена Ромула Герсилия. Ее имя наводит на мысль о связи, с одной стороны, с Илиями-Юлиями, а с другой — с культом на Капитолии сабинского варианта Юноны-богини Горы (Нога), связанной с Квирином²².

Вслед за победой над Антемнами и Фиденами последовал поход сподвижников Ромула на Крустумерию. Последняя находилась на Соляной дороге в глубь Италии и была связана с культом Марса. Возможно, до этого смелого предприятия молодых альбанцев Марсы Крустумерии были связаны с Палатином и его Ромами. Тогда поход перерезал или ослабил эту связь, или через капитолийскую (ценинскую) либо антемскую Гору-Герсилию внедрился в нее. Только после этого, согласно традиции, началась война с сабинами. По легенде, сабиняне взяли крепость на Капитолии в результате предательства дочери римского военачальника Тарпеи. Она была весталкой, что для этой эпохи является указанием на ее принадлежность к царскому гентильному коллективу. Овидий называл Тарпею Сатурновой дочерью (Ovid. Fasti I, 266). Капитолий имел две вершины, и если на одной из них находилась Ценина, то на другой, Тарпейской скале, возможно, находилась еще одна сабинская крепость. Овидий различал на Капитолии святилище Нумы и Юпитерову крепость (Fasti II, 69—70). «Предательство» Тарпеи в таком случае, как представляется, состояло в том, что вместо обещанного прежде брачного союза с альбанцами или палатинцами Тарпеи заключили союз с сабинами. Это вызвало войну, в ходе которой стороны заручились поддержкой союзников: альбанцы — Палатина, а сабиняне — своих соплеменников, живших по соседству. С обеих сторон войском предводительствовали по два вождя. С сабинской — Тит Таций и Меттий Курций, а с альбанско-римской — Ромул и Гост Гостилий. Это может указывать на то, что в период закрепления альбанцев на Капитолии ими руководил Гост Гостилий. Возможно, в битве с Меттием Курцием пал не он, а раненый, согласно традиции, палатинский вождь. И тогда Гостилий, объединившись с палатинцами, стал их царем Ромулом. В таком случае до этого эпизода на Палатине правил Ром, а походы на Ценину, Антемны, Фидены, Крустумерию возглавлял Гостилий. Он же был и мужем Герсилии. Плутарх сообщает, что Тарпейя, возможно, была дочерью Тита Тация и стала женой Ромула (Plut. Rom. 17). Возможно, в этом зашифрованы сведения о том, что Тит Таций жил

на Капитолии, отдал дочь Тацио-Тарпею (Гору-Герсилию) не за Меттия Курция, как предполагалось вначале, а за Гостилия, который в результате отмеченных событий стал правителем Палатина Ромулом. Тогда легендарные Куры были саинским названием одной из вершин Капитолийского холма, которое было связано с эпитетом сабинской Горы-Юноны — Куррита²³. Вероятно, с нею же был связан гентиалий Курции, представитель которых предводительствовал сабинами в битве с Гостилием и оставил о себе память в виде *Iacis Curtius*. Согласно легенде, «озеро Курция» получило название потому, что в пылу битвы конь занес туда сабинского вождя Меттия Курция. Однако Овидий передает версию, согласно которой озеро Курция находилось в роще, бывшей святилищем некоего бога (Ovid. Fasti VI. 403—414).

Наша реконструкция позволяет проследить образование первого римского вождества с центром на Палатине. В него естественным образом оказались включены как палатинские и сабинские общины, так и выходцы из Альбы-Лонги. В результате Ромул обзавелся всадническими центуриями, из которых рамы представляли палатинцев, тиции — сабинян, а луцеры — альбанцев. Название последних от *Iucus* (роща) ассоциируется с Сильвиями-Лесовиками, а от *Lucumonius* (легендарный сподвижник Ромула) — с Гостилием, традиционным соратником Ромула²⁴. Одно из объяснений слова «луцеры» у Феста связывает его через Лукумона с *Lucomedi*²⁵. Но слово *Lucomedi* буквально означало «предводитель (*meddix*) из рощи (*Iucus*)». Однако в традиции устоялось представление о связи слова Лукумон с Этурией или другим «дальним зарубежьем». По одной версии, Лукумон был царем Ардей²⁶. По другой — сподвижником Ромула в сабинской войне был Целний, прибывший из Этурии и поселившийся затем со своими людьми на одноименном холме²⁷. Приход Целния из Этурии отнюдь не делает очевидным его ветрасское происхождение. А как раз незадолго до битвы с сабинами Гост Гостилий вернулся из похода в пограничные с ветрассами области на Фидены и Крустумерию. Возможно, Целний был местом первого поселения волны альбанских выселенцев под предводительством Гостилия. Находясь под покровительством палатинских рексов, связанных с Альбой давним сакральным союзом, они начали теснить местных сабинян, проникнув на Капитолий. Варрон полагал, что заселение Целния имело место при Ромуле (Varro I.I. V, 46). Переселенные в Рим при Тулле Гостилии альбанцы получили место для жительства именно на Целии (Liv. I, 30, 1). И сам Тулл Гостилий жил именно там. Возможно, это имело под собой предложенную нами основу. Современные исследователи исходят из того, что Целий и соседний с ним Эсквилин были заняты римлянами уже при Ромуле²⁸. В роще на Эсквилине наход-

дилось крупное святилище Юноны (Ovid. Fasti II, 435—436). Юнона часто носила эпитет Луцина (Lucina)²⁹. Августин отметил тождество Юноны и Юпитера (De civ. Dei VII, 11), а Юпитер (Иовис) имел эпитет Лукреций от слова *lucus*. Все это может указывать на определенные следы альбанцев на Целии и Эсквилине³⁰. Древнейшие погребения склонов Эсквилина датируются VIII в. до н. в., то есть временем Ромула³¹. Обнаруженная в одном из эсквилинских погребений колесница была связана не только с ритуальными скачками в празднествах Октябрьского коня, но для догородской эпохи, видимо, с сакральной царской властью³². Внедрение альбанцев на Палатин, по всей видимости, вытеснило из брачного союза с Ромами какой-то другой царский род. Результат этого внедрения оказался непредвиденным и привел к складыванию качественно нового общественного образования.

В то же время их появление на семихолмье вряд ли было случайным и, возможно, было подготовлено какими-то ранее установленными между Альбой и претибрскими общинами связями. Возможно, традиционные родственные отношения следующего за Ромулом римского царя Нумы Помпилия могут пролить некоторый свет на эти связи.

До выделения из *gentes* фамилий римляне имели двойное имя: чичное и гентильное³³. Причем гентильное подчас доминировало полностью. Гентильное имя — это не родовое в смысле принадлежности к общинному коллективу рода, а линийское или генеалогическое. Оно более подвижно, чем родовое. Переплетение гентильных цепочек разных *gentes* могло повести к образованию новых родовых сегментов. Чисто гентильные имена носили Юлии, Тации, Курции, Марции. Гентильные имена Тарквиниев и Туллиев для VII—VI вв. до н. в. были новообразованиями от Тарквиний, Тулл. А вот поимен Помпилий (как и Гостилий) мог быть составным, возникшим на пересечении гентильных генеалогий. Относительно Гостилиев мы не знаем точно, образовывали ли этот *gens* боковые потомки переселившегося из Альбы в Рим Ромула, или это был *gens* брачующихся с альбанскими Юлиями их римских гостеприимцев (*hospes*). Но если в гипотезах такого рода действительно есть рациональное зерно, то уместно предположить, что нечто подобное скрывается и в поимен *Pomipilius*. Нума явно принадлежал к царскому линийжу. На это указывает и его женитьба на Тации, и благосклонность к нему Эгерии. Отца Нумы звали Помпоний. Никаких сведений о том, что он носил поимен Помпилий, нет. Это атрибут одного только Нумы. Четыре сына Нумы — Помпон, Пин, Кальп, Мамерк, — согласно традиционной версии, дали начало римским родам: Помпонии, Пинарии, Кальпурни, Мамерции-Марции. Хотя сам факт такого рода оспаривается исследователями, в соответствии

с логикой традиции получается, что они не сохранили поимен Нуны. Иначе говоря, они не были Помпилиями³³. О Мамерке сохранился рассказ, что он дал начало gens Эмилиев. Плутарх объяснял это прозвищем Мамерка Эмилием за его добрый нрав. Однако Эмилии существовали в Альбе с незапамятных времен. Поэтому скорее дело было в том, что Мамерк вступил в брачные отношения с одной из Эмилий. Если это так, то традиция о связи сыновей Нуны с римскими родами последующей эпохи была явно подработана в соответствии с патриархальными представлениями новой эпохи господства не *gentes*, а фамилий. В эпоху же гентильной архаики сыновья Нуны Помпилия могли стать мужьями женщин из *gentes* Кальпурниев, Пинариев, Эмилиев. Помпон сохранил гентиллий деда. А имя Мамерк указывает на родственные отношения с Марциями его отца Нуны³⁴. Так, появившись на одно поколение, поимен Помпилий исчез из римской истории. В то же время поимен его отца Помпония известен и в историческое время в качестве поимена *gens Rottropii*. После Нуны его наследовал старший сын, известный традиции под именем Помпон. Не был ли поимен Помпилий новообразованием от пересечения Помпониев с другим известным *gens*? Если принять такую гипотезу, то этимологически *Rottropili* окажется связанным как с Помпониями, так и с Юлиями: от *Rottro-* и *Julius (Ilius)* образовался *Rottro-ilius*. В этом случае Помпилий было скорее прозвищем, чем гентильным поимен. В анонимном сочинении «*De praenominibus*» автор отмечал, что «имена, бывшие ранее преноминами, теперь являются когноменами: как Постум, Агриппа, Прокул, Цезарь». Иными словами, прозвище функционировало наряду с личным именем и подчас вытесняло его из обихода. Но тогда Нуна Помпилий должен будет стать не чистокровным сабином, а сыном отца-сабина и матери-альбанки. В какой-то степени это совпадает с выводами современных исследователей о возможном несабинском происхождении имени Нуна³⁵. А это влечет за собой и следующий вывод: некий сабинский *gens* (может быть, Куриации) был связан с Альбой в такой же степени, как и палатинские Ромы. Видимо, не случайно именно фигура Нуны, жившего в качестве четвертого сына Помпония частным человеком в Курах, оказалась более подходящей на роль римского царя, чем чистый альбанец Прокул Юлий и чистый сабинянин Веллес (Валерий -?)³⁶. Нуна, совмещая в себе родство с сабинами и альбанцами, должен был примирить оба народа в их претензиях на царскую власть на Палатине. Это и произошло в действительности, как повествует традиция. Так объясняется первый перерыв в функционировании правила: мужу царской дочери наследует внук царя.

В период своего правления в Риме Нуна находился в любовной (фактически брачной) связи с нимфой Эгерий³⁷. По другим сведе-

ниям, его жену звали Лукреция. Имя Лукреции напоминает знаменитую жену Гарквания Коллатина, трагически погибшую в конце царской эпохи. Имя Лукреции, по-видимому, было одним из сакральных эпитетов. Лукрецием называли Иовиса то ли за его почитание в рощах, то ли в качестве «светоносного»³⁸. Согласно Фесту, в сабинской области ему была посвящена гора (*Lucretilis mons in Sabinis*). Возможно, это была знаменитая Священная гора (*mons Sacer*) римской традиции, куда совершали сеескции плебеи. Жена царского племянника Гарквания проживала в Коллации, где ее муж, видимо, был местным рексом³⁹. В то же время о Коллации известно, что там на местной царевне женился младший брат Гарквания Приска Аргунт. Его сын носил имя Эгерий. Все это подводит к заключению, что после смерти жены Тации Нума, по-видимому, породнился с царским линицем Коллации, став мужем Лукреции, одной из сестер местной Эгерии. Возможно, оттуда он был приглашен в Рим. Вместе с ним в Рим переехал его родственник Марк Марций, особенно активно убеждавший Нуму согласиться на Палатинское царство. Сын этого Марция женился потом на дочери Нумы. Возможен вопрос: не была ли коллатинская Лукреция если не дочерью, то близкой родственницей Марция? В таком случае в своей религиозно-реформаторской деятельности Нума советовался не с мифической нимфой, а с реальными Марциями. Получается, что ко всему прочему он был еще и их ставленником на Палатине. Через Нуму и его дочь Помпилию Марциям удалось завладеть римским престолом при Анке Марции.

Но перед тем в Риме правил Тулл Гостилий. Возможно, он был внуком Ромула (и сыном его дочери от альбанского Юлия Прокула). О детях и жене Тулла Гостилия в традиции не сохранилось никаких данных. Однако к его правлению относятся сведения о конфликтах римлян с альбанцами, приведших к переселению жителей Альбы в Рим и объединению обоих народов. Согласно традиции, поводом к конфликту послужила некая обида, нанесенная римлянами альбанцам. Причем у Ливия подчеркивается, что Тулл категорично отказался от компромисса. Прибывшие к нему послы Альбы вели себя весело и беспечно, как при сватовстве, а не во время подготовки к войне. Получив отказ в удовлетворении, альбанский царь Гай Клуилий подступил к самому Риму, но неожиданно умер в разгар военных действий. Оставшиеся без царя альбанцы избрали «диктатора» Меттия Фуфетия. Имя Меттия, как и Меттия Курция, воевавшего с Гостилием и Ромулом, было не собственным, а обозначением их руководящих полномочий⁴⁰. Обозначение Фуфетий не принадлежит к числу известных гентилицеев. Возможно, его следует понимать как пренебрежительное обозначение некой «фигуры умолчания», имя которой уже в эпоху архаики

было не принято называть по причине святотатства, и вследствие этого оно забылось уже в древности. Как бы там ни было, Фуфетий повел с Туллом разговор об общих врагах римлян и альбанцев, и под влиянием этих слов было принято решение о знаменитом поединке братьев Горациев с Куриациями⁴¹.

Хотя последующая традиция в интересах римлян изображала Меттия Фуфетия бесчестным завистником и нарушителем договора, традиционное описание конфликта более подталкивает к мысли, что конфликт был спровоцирован Туллом. Он заведомо отказался от мирного решения спора, его пришлось уговаривать Меттию, он прославился своей неуступчивостью и мстил Меттию. Традиционный мотив римско-альбанской войны, состоявший в угоне скота друг у друга, явно и небрежно надуман, а причина битвы Горациев и Куриацияев из-за первенства того или другого народа вообще неясна и никак не согласуется с борьбой за скот. Иное дело, если предположить, что обида, нанесенная римлянами альбанцам, состояла отнюдь не в тривиальном угоне нескольких голов скота. При Нуме Помпилии, по всей видимости, связь Рима с Альбой оказалась существенно ослабленной. Сведений о поддержке им по примеру Ромула брачного сакрального союза двух городов нет. Напротив, он явно ориентировался на иные области, вероятно, связанные с культом Марса-Квирина. Его родство с Марциями указывает на Коллацию, а похороны после смерти у подножия Яникула⁴² — на затибрские области, контролировавшиеся Фиденами и Вейями. Там были территории Ромилиев, их присоединил к Риму внук Нумы Анк Марций, и оттуда впоследствии явился в Рим Тарквиний Приск, связанный с Анком Марцием. Видимо, после вступления на престол Тулла Гостилия альбанские Юлии воспрянули духом и решили восстановить функционировавший при Ромуле союз. При этом они основывались на традиционном праве, и у Тулла не было законных оснований им отказывать. Однако он сделал это, и тогда Гай Клуилий явился с войском к Риму требовать у Гостилия восстановления прежнего брачного союза, освященного Юпитером. Возможно, Клуилии были отпочковавшимися от Юлиев гентильным образованием. Ведь Cluili (Cloelii) можно вывести от clueo — Julii (Illi), то есть «слывущие, считающиеся Юлиями». Не случайно ведь Фест выводил Cloelii от некого спутника Энея Клэлия (Cloelio)⁴³. Присутствие Энея в его объяснении является детерминативом связи с Юлом, то есть Юлиями.

Однако для царя Палатина многое важнее союза с Альбой был союз с жившими в ближайшем соседстве на холмах сабинами. Прежняя ситуация, когда брачные союзы рексов латинских городов имели обюдоравноправный характер, была изменена Ромулом. Превращение палатинского Рима в небольшое вождество (союз

курий — общин) выделило его из массы других «городов». Чтобы сохранить дело Ромула, последующие цари должны были быть более осмотрительны и вести политику не на основе обоюдной заинтересованности, как было прежде, а в интересах своего общества. Разрыв брачных связей с сабинами был чреват распадом государства. Поэтому обычай, связывавший Палатин с Альбой, оказался обузой для Тулла. И тогда возникла идея поединка, наградой за победу в котором был контроль за властью в Риме. В традиции до Ливия не было единства мнений по поводу того, к какому из народов принадлежали Горации, а к какому Куриации. Ливий остановился на логичном и наиболее распространенном мнении, что Горации были римлянами, а Куриации альбанцами. Но гентилиции и тех, и других указывают на их связь с сабинянами. *Nomen Горациев (Horatii)*, очевидно, был произведен от имени сабинской богини Нога, аналогичной латинской Юноне. *Nomen Куриациев (Curiatii)* этимологически перекликается с сабинскими словами Курьи, Квирии, Куррита, квириты, курни, куррис-копье, возможно, связанными с обозначением той же Юноны Курриты. При Ромуле-Гостилии известен сабинский предводитель (*meddix*) Курций (*Curtius*), имя которого напоминает о Куриациях (*Curatius*). Если в дополнение к атому верно наше предположение о полуальбанском происхождении Нуны Помпилия, то становится понятной растерянность традиции при определении родины поединщиков. А поскольку речь шла о судьбе царской власти в Риме, то противники должны были быть царского происхождения. Не с этим ли связан факт загадочной гибели Гая Клуния у стен Рима и отсутствие в традиции упоминаний о потомстве Тулла Гостилия?

Традиция сообщает, что Горации и Куриации были двоюродными братьями. Их матери считались альбанскими сестрами⁴⁴. Вероятно, отношения родства связывали между собой палатинских Гостилиев — Горациев, альбанских Юлиев и сабинских Куриациев. В данном контексте можно представить, что одна из альбанских сестер была замужем на Палатине, и ее детьми считались три Горация и их сестра. Другая сестра, по-видимому, оставалась в Альбе, и ее мужем был представитель сабинских Куриациев (может быть, Курциев), связанный родством с Нуною, Титом Тацнем и Меттием Курцием. Родившиеся в Альбе ее дети были альбанцами, но носили гентилийские Куриации. Один из них, подобно «царскому жениху» Прокулу Юлию, был помолвлен с сестрой Горациев и тем самым претендовал на власть в Риме после Тулла Гостилия. Однако Тулла не устраивал такой традиционный расклад. Быть может, используя прецедент Нуны Помпилия, он считал, что с этого времени альбанцы не прямо будут выставлять жениха римской царевне, а через посредство своих сабинских родственников. Не только политические

соображения, но и конкретные взаимоотношения с линиджами сабинских рексов ориентировали его на иной союз. Вероятно, своего ставленника предлагали сабинские сородичи Нумы Помпилия, провоцируемые авторитетными Марциями. Последние формально как будто стояли в стороне от этих проблем, но именно они, долго оставаясь в тени, в конечном итоге выиграли в спорах за власть в Риме и утвердили на Палатине Анка Марция.

Почему-то Тул Гостилий ориентировался или был вынужден это делать, продолжая политику Ромула, на связанные с Марциями восточные и северо-восточные от Палатина «города» Лация. Это и вызвало «альбанскую проблему». Победа римских Горациев над Куриациями временно сняла ее. Суд богов — поединок — отдал первенство римлянам. Альбанцы, видимо, перестали претендовать на роль «царского жениха», уступив ее своим боковым родичам в сабинской среде. Символическим обрывом этой сакральной связи послужило убийство невесты альбанского Курнация Горации ее братом Горацием-победителем⁴⁵.

После поединка Горациев с Куриациями римлянам пришлось сражаться с Фиденами, с которыми когда-то воевал после гибели Тация Ромул или Гостилий⁴⁶. В это время Фидены считались полуватрасским-полулатинским городом. Альбанское войско во время этого сражения выполняло роль стороннего наблюдателя. Традиция объясняет это происками Меттия Фуфетия, но ситуация очень напоминает еще один поединок двух сторон, в котором альбанцы исполняли роль арбитра. После победы над Фиденами Тул расправился с Меттием Фуфетием. Эта расправа носила такой же уникальный в традиции, а по сути ритуальный характер, как и расправа над «предательницей» Тарпейей. Вероятно, после деда Гостилия фиденяне каким-то образом были связаны с Альбой, и победа над ними развязала руки Туллу. Расправившись с Фуфетием, фигура которого, может быть, скрывала за собой подлинного альбанского царя, Тул Гостилий предпринял переселение жителей Альбы-Лонги в Рим. Так «альбанская проблема» была разрешена радикальным способом и с наибольшей выгодой для римлян. Палатинское вождество выросло в размерах, расширило свою территорию на Целий и укрепилось в военном отношении. Римские и альбанские всадники разгромили сабинян близ Элодейского леса и до конца правления Тулла Гостилия обеспечили латинское преобладание в Риме (*Liv. I, 30, 9—10*). Правление Тулла было своего рода рубежом между связанным с догородским периодом прошлого и городским будущим Рима, между господством родового права и сменившего его гентильного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Э н м а н А. Легенда о римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896. С. 20 сл.; Н е т у ш и л И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме // ЖМНП. 1902. Ч. 339 (февраль). С. 58; М а я к И. Л. Рим первых царей. Генезис римского полиса. М., 1983. С. 108—110.

² R e g u z z i E. Origini di Roma. Bologna, 1970. Vol. I. P.18.

³ См. М а я к И. Л. Рим первых царей. С. 56 сл., 65 сл.

⁴ F r a z e r J. Lectures on the Early History of the Kingship. London, 1905.

⁵ Об Энне — А у р. V i c t. Origo gentis Romanae XIX, 2-4. Dury-Moyaers G. Enée et Lavinium. Bruxelles, 1981; Poucet J. La diffusion de la légende d'Ené en Italie Centrale et ses rapports avec celle de Romulus// Etudes classiques. 1989. T. 57. Nr 3. P. 227—254.

⁶ O v i d. Fasti VI, 600—610; Aur. Vict. De viris illustribus urbis Romae VII, 18-19. О колеснице как символе царской власти см.: М о и с е е в а Т. А. Царская власть у фригийцев // ВДИ. 1982. № 1. С. 119—129.

⁷ Д о в л я г о Г. И. Переход к наследованию царской власти по отцовско-правовому принципу // СЭ. 1963. № 6. С. 71—82.

⁸ Cic. rep. II; Orat. III; Liv. I, 16, 4; Plut. Rom. 28; Ovid. Fasti II, 499 sq.; Aur. Vict. De viris illustribus urbis Romae II, 13; Augustin. De civ. Dei III, 15.

⁹ G a n t z T. N. The Tarquin dynasty // Historia. 1975. Bd. 24. H. 4. P. 539—554.

¹⁰ См. Н е т у ш и л И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме. С. 58 сл.

¹¹ Liv. I, 12, 2; Plin. N. H. 16,5. Н е т у ш и л И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме // ЖМНП. 1902. Ч. 340. С. 124—125.

¹² F e s t. p. 177: niger lapis in comitio locum funestum significat, ut alii, Romuli morti destinatum, sed non usuu obu... [alii Faus]tulum nutri[ci]um ... alii Hos]tilium avum Tu[lli] Hostili regis.

¹³ S c h w e g l e r A. Römisches Geschicht. Tübingen, 1870. Bd. I. S. 478 Anm. 10. Н е т у ш и л И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме. С. 125.

¹⁴ К о п т е в А. В. Об «этруской династии» архаического Рима // Античность и средневековье Европы / Под ред. И. Л. Маяк и А. З. Нюргаевой. Пермь, 1994. С. 68—78.

¹⁵ А у р. V i c t. Origo gentis Romanae XIX, 5.

¹⁶ В традицию об албанских «братьях» Марс попал, видимо, в связи с их легендарным выселением из Альбы на Палатин, которое осуществлялось обычно в форме весеннего ритуала ver sacrum, посвященного Марсу. Первоначальная роль итальянского Марса как весеннего бога пробуждавшейся растительности впоследствии была дополнена функцией его в качестве военного бога, поскольку именно весной возрастные классы итальянской молодежи устраивали военные вылазки.

¹⁷ Особую проблему, нуждающуюся в специальной проработке, представляет легендарное посвящение Рен Сильвиин в служительницы богини Весты. Веста (Ve-sta), по-видимому, принадлежала к ряду божеств с корнем Ve- в названиях: Venus, Venilia, Vediovis, Vedioovis, Vegradia, Vesca и др. Традиционные сказания также связывают этих богов с притяжбронскими побережьями Лация и римскими холмами Паллатином и Капитолием. Например: Ovid. Metam. XIV, 333-338; Fasti III, 445; Macrob. Cam. 3, 9, 10; CIL I, 807.

¹⁸ Serv. Aen. VI, 778: Eunus dicit Iliam fuisse filiam Aeneas; quod si est Aeneas avus est Romuli. Cic. de div. I, 20, 40. Porphyr. in carm. I, 2, 17; Serv. ad Aen. I, 273; Plut. Rom. 3; Ovid. Fasti II, 598; IV, 23; VI, 291; Н е т у ш и л И. В. Легенда о близнецах Ромуле и Реме. С. 58—61.

¹⁹ А у р. V i c t. Origo gentis Romanae XV, 5.

²⁰ F e s t. s.v. Aemiliam gentem appellatam dicunt a Mamerco Pythagorae philosophi filio, cui propter uniuersitatem humanitatem cognomen fuerit Aemylos. Alii, quod ab Ascanio discendat qui duos haberit filios, Iulium et Aemylon.

²¹ Pauli Diaconi excepta ex lib. Pomp. Festi: s.v. Fagutal saclum Iovis, in quo fuit fagus arbor, que Iovis sacra habebatur.

²² O v i d. Metam. XIV, 851; Plut. Quest. rom. 46.

²³ F e s t. s.v. Curitum Iunonem appellabant, quia candem ferre hastam putabant. p. 43, 1 L; s.v. Coelitari hasta... vel quia matronae Iunonis Curitis in tutela sint, quae ita appellabatur a ferenda hasta, quae lingua Sabinorum curis dicitur. p. 55, 6 L; Pauli Diaconi excepta ex lib. Pomp. Festi: s.v. Curialis mensae, in quibus immolabatur Iunoni, quae curis appellata est.

²⁴ О Лукумоне см.: Cic. rep. II, 8, 14: populumque et suo (Romulus) et Tati nomine et Lucumonis, qui Romuli socius Sabino proelio occiderat, in tribus tres curiasque triginta descriperat. Propert. IV, 1, 29: prima galeritus posuit praetoria Lycmon — Hinc — Luceresque

coloni. Pers. Sat. I, 20. Serv. ad Aen. V, 560: Varro tamen dicit Romulum dimicantem contra T. Tatium a Lucumonibus, hoc est Tuscis, auxilia postulasse, unde quidam vinit cum exercitu, cui recepto iam Tatio pars urbis est data; a quo in urbe Tuscus dictus est vicus; — ergo a Lucumone Luceres dicti sunt. Varro l.l. V, 55.

²⁵ Fest. s.v. Lucomedi a duce suo Lucumono dicti, qui postea Lucerenses sunt appellati. p. 120.

²⁶ Fest. s.v. Lucerenses et Luceres, quae pars tertia populi Romani est distributa a Tatio et Romulo, appellati sunt a Lucero, Ardeae rege, qui auxilio fuit Romulo adversus Tatium bellanti. p. 119.

²⁷ Varro l.l. V, 46: Caelius mons a Caele Vibenno, Tusco duce nobili, qui cum sua manu dicitur Romulo venisse auxilio contra Tatium regem, hinc post Caelis obitum quod nimis munita loca tenerent neque sine suspicione essent, deducti dicuntur in planum. Dionys. II, 36; Fest. s.v. Caelius mons dictus est a Caele quodam ex Etruria, qui Romulo auxilium adversus Sabinos praebuit, eo quod in eo domicilium habuit. Tacit. Ann. IV, 65: haud fuerit absurdum tradere montem cum Querquetulanum cognomento fuisse, quod talis silvae frequens secundusque erat, mox Caelium appellatum a Caele Vibenna. О Целин Вибенне см.: Энман А. Легенда о римских царях. С. 67 сл.

²⁸ См.: Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 202—203.

²⁹ Ovid. Fasti II, 452; Plut. Quest. rom. 77; cf. Augustin. De civ. Dei VII, 15. С обозначением Юноны Lucina, быть может, связано имя Луций (Lucius), которое античные авторы ассоциировали с этрускими лукомонами. Cic. rep. II, 20, 35: Lucius Tarquinius — sic suum nomen ex etrusco nomine inflexat. Dionys. III, 48: Leukion anti Lokomonos titheata koinon onima. Aut. de praenominibus p. 745, 10: Lucii — ut quidam arbitrantur, a Lucumonibus etrusciis.

³⁰ В этой связи интересны рассуждения А. Энмана, связывавшего с Целнем трибу Луциров, название которых он пытался обосновать значением «лесные» (silva — sulfe — hulle — (h)julleoi), что вызывает ассоциацию с албанскими Сильвиями и Юлиями. См.: Энман А. Легенда о римских царях. С. 87 сл.

³¹ Ельшицкий Л. А. У истоков древнеримской культуры и государственности // ВДИ. 1958. № 3. С. 144 примеч. 5.

³² См.: Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 115—119.

³³ Mommesen Th. Die römischen Eigennamen// Römische Forschungen. Bd. I. Berlin, 1869. S.48—50. Solin H. Namenpaare: Eine Studie zur römischen Namengebung. Helsinki, 1990. Иной подход демонстрируют Э. Перуцци и И. Л. Маяк, исходящие из представления о господстве в обществе царского периода патриархальных семей. Reguzzi E. Origini di Roma. Vol. I. P. 136—139; Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 141—142.

³⁴ Вероятно, поэт в эту эпоху еще не всегда был гентиальным именем. Зачастую, возникнув как генеалогическое обозначение, он не успевал утвердиться как гентиальный поэт. Вероятно, не все gentes, известные из традиции, оформились к VII—VI вв. до н.э. Например, gens Клавдиев, имевший родоначальником Атта Клавза.

³⁵ Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 111—112.

³⁶ Дионисий писал, что Валерий был советником Тита Тация (Dionys. II, 46; Plut. Poplic. I). А Плутарх упоминает некоего Велеса (Plut. Numa 5). Возможно, Нума был в родстве, хотя и не прямом, с одним из предшествующих патриархальных царей. Может быть, Нумитором, носившим «тронное» имя Рома.

³⁷ Liv. I, 21, 3; Ovid. Fasti III, 262-263; 275-276; Metam. XV, 482; 488-490; 547; Plut. Numa 4; Lactant. De relig. falsa XXII.

³⁸ Fest. s.v. Lucretium Iovem appellabant, quod enim lucis esse causam credebant.

³⁹ См.: Коптев А. В. Об «этруской династии» архаического Рима. С. 76—77.

⁴⁰ Fest. s.v. Meddix apud Oscos nomen magistratus est, Ennius (Ann. 298): «Summus ibi capitul meddix, occiditur alter».

⁴¹ Liv. I, 24-25; Aur. Vict. De viris illustribus urbis Romanae IV, 5—9; Маяк И. Л. Рим первых царей. С. 244—248.

⁴² Liv. XL, 29, 3; Plut. Numa 22; Lactant. De relig. falsa XXII; Augustin. De civ. Dei VII, 34.

⁴³ Pauli Diaconi excepta ex lib. Pomp. Fest.: Cloelia familia a Cloelio, Aeneae comite, est appellata.

⁴⁴ Близнечество албанских сестер, а также их сыновей Горацьев и Куриациев, возможно, было связано с сохранением в римской арханке рецидивов отношений классификационного родства. Оно составляет самостоятельную проблему, нуждающуюся в специальн-

ном исследовании. По крайней мере, последовательное наследование власти тремя братьями, не обязательно родными, является установленным обычаем для различных древних и средневековых обществ. См.: М н с ю г н и В. М. Три брата в системе архангельских форм наследования власти // Африканский сборник. История, эпиграфия. М., 1983. С. 85—134.

⁴⁶ Dionys. III, 22; Liv. I, 26, 2—5. По сути дела, с ней поступили так же, как в свое время с Гарпесей, на которой, видимо, прервалась сакральная связь сабинского и римского (или албанского) царских линий.

⁴⁷ Plin. N. H 16, 5. Romulus frondea coronavit Hostum Hostilium, quod Fidenam primus intrupisset

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА В ИМПЕРИИ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОВИНЦИЙ В III в.*

Два события последней трети XIX в. находятся у истоков современных представлений о корнях позднеримского колоната. Это открытие и опубликование посвященных колонам крупных надписей в Северной Африке¹, с одной стороны, и выход в свет работы Н. Ф. Фюстель де Куланжа, с другой, — обосновавшим развитие колоната как движение от свободы к крепостничеству². Африканские надписи породили обширную литературу конца XIX — начала XX в., в которой была доказана связь колоната с крупным землевладением и обнаружены ранние, в том числе и доримские, источники колонатной зависимости³. Наиболее известны работы Э. Бодуэна, А. Шультена, М. Вебера, М. И. Ростовцева. Два последних исследователя пытались обосновать в качестве истока формальной, государственно-правовой зависимости колонов использование римского института *origo* и вспомогательного *idia*. При этом они отталкивались от высказанной Т. Моммзеном идеи квазимуниципального характера римского крупного землевладения⁴. Однако ни их собственные взгляды, ни взгляды их последователей не приобрели большой популярности в современной литературе. Вердикт, это произошло потому, что распространение института *origo-idia* не имело четкого истока-рубежа в источниках Империи.

Другая судьба у работы Фюстель де Куланжа. Его идея колоната-аренды обрела популярность и благодаря авторитету принявших ее М. Финли и А. Джоунса доминирует в современной литературе⁵. Постулируемая этой концепцией постепенная экономическая и социальная деградация свободных арендаторов удачно ложится в контекст римского законодательства, посвященного колонам. В ней прослеживается три этапа. В I — начале II в. колоны были краткосрочными съемщиками по договору *locatio-conductio*. Во II—III вв. формировалась отраженная надписями фактическая зависимость колонов от имения и поэтому резко увеличивалось количество юридических данных об отношениях колонов с землевладельцами, выхо-

Данная статья публикуется в рамках проекта «Исследование гражданско-правового статуса сельского населения поздней Римской империи», разрабатываемого автором при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1994—1995 гг. (грант № 94-06-19189).

дящих за формальные рамки договора *locatio-conductio*. В IV—V вв. фактическая зависимость колонов превратилась в юридическую то ли вследствие ее формальной фиксации при Константине, как считали Фюстель де Куланж и большинство его последователей, то ли из-за поворота в фискальной системе Империи под влиянием реформ Диоклетиана.

Однако интенсивное изучение в последнее время жизни провинциального сельского населения закономерно подводит к вопросу: правомерно ли считать достаточно значительные массы крестьян римских провинций, обрабатывавших чужую землю и до начала III в. не имевших римских гражданских прав, краткосрочными арендаторами? Современные исследователи показывают наличие в сельском хозяйстве провинций разнообразных местных форм зависимости. Видимо, представление о зависимых от городов, крупных собственников, императора, местных вождей и т. п. крестьянах как арендаторах является распространением на них той формы, в которую облекало их классическое римское право. Эта правовая форма лишь в общих чертах соответствовала реальности провинциальных общественных отношений. Она в значительной степени походила на распространенные в восточных провинциях арендные и псевдоарендные отношения (*misthosis*), зафиксированные частноправовыми документами Малой Азии и Египта⁶. Отразившееся в них эллинистическое право играло по отношению к римскому роль местного обычая, совпадавшего по форме с ним в силу однотипности социальных систем, лежавших в основе греческой и римской государственности. В западных же провинциях арендные отношения в римской форме внедрялись лишь по мере роста достижений романизации. Отношения крестьян-перегринов с землевладельцами более регулировались местными обычаями, чем нормами формального арендного договора.

Однако именно форма арендного договора была основой для развития государственно-правовой структуры Поздней империи. Поэтому следует различать фактические отношения землевладельца с его колонами, определявшиеся естественно складывавшимися обычаями (*consuetudines, mores*), и их юридическую форму, выражавшуюся в императорском законодательстве. Их развитие, пересекаясь в важнейших пунктах, не было тождественным. Это представляется особенно важным в связи с тем, что эпохи Ранней (I—III вв.) и Поздней империи (IV—V вв.) в развитии колоната различаются не только фактическим и юридическим положением колонов, но и источниками, в которых оно отразилось. Для Ранней империи это надписи, сочинения аграрных писателей и тексты комментариев к юридическим казусам, принадлежавшие римским юристам. Для поздней империи это в основном императорское законодательство и некоторое количество сведений, случайно сохраненных литературны-

ми источниками. Если первая группа источников фиксировала по преимуществу фактическое (и лишь частью юридическое) положение колонов, то императорское законодательство ориентировалось лишь на изменение правовой формы. Поэтому данные о колонах I—III вв. не могут быть буквально состыкованы с данными IV—V вв. В специальной литературе уже давно обращено внимание, что постулированное концепцией колоната-аренды усиление фактической зависимости колонов от имений не превращается в юридическую зависимость сразу с началом IV в. Юридическая зависимость колона стала реальностью только во второй половине IV в.⁷

Все это заставляет исследователей искать иные, чем у Фюстель де Куланжа, государственно-правовые истоки позднего зависимого колоната. Чаще всего в таковом качестве выступает налоговая реформа Диоклетиана, потребовавшая, как считается, юридической или фискальной фиксации землевладельцев в месте их проживания (*origo*). По распространенному мнению, не устанавливая первоначально прикрепления и зависимости колонов, фискальная реформа стала как бы точкой отсчета для их постепенного формирования к концу IV в. Такие идеи, удачно ложившиеся в контекст императорского законодательства IV в., оставляют без внимания колонов III в. и более раннего времени. Поэтому в современной литературе, начиная с работы Ш. Соманя, изучение раннеимператорского и позднеантичного колоната превратилось в две самостоятельные отрасли исторического знания, мало связанные друг с другом. Это явно указывает на то, что одна отрасль изучает эволюцию реального положения колонов (I—III вв.), а другая (не всегда отдавая себе в этом отчет) — только юридические формы, т. е. право колоната. Неадекватно оцениваемое ощущение неудовлетворенности, вызываемое таким разрывом, как кажется, и породило отрижение Ж.-М. Каррие самого существования позднеримского зависимого колоната как общественного института.⁸

Однако определенное неприятие в современных исследованиях позднеантичного колоната вызывает узость его истоков, ограниченных фискальной реформой и ее последствиями. Широко-масштабное общественное явление могло быть порождено только таким структурным сдвигом в обществе, который изменил бы весь общественный порядок. В современной литературе, в особенности марксистской, в качестве основы любых общественных перемен часто принимается экономическая дифференциация. При этом вслед за мыслителями XIX в. излишне абсолютизируется обогащение богатых и обнищание бедных. Как уже давно стало ясным, имущественная дифференциация служит структурообразующим фактором только при наличии однородного социального поля, что возможно лишь внутри гражданского коллектива. Более сложно структуриро-

ванные общественные организмы развиваются по собственным законам лишь с некоторой поправкой на экономическую дифференциацию. Достижение последней критической точки всегда служит причиной социального взрыва, а не основой для дальнейшего развития. Поэтому представляется, что развитие римского колоната определялось эволюцией всей системы общественных отношений римского государства, основой которого был гражданский коллектив. Этапами этого развития были эпохи резкого расширения гражданского коллектива. Поэтому исходной основой развития позднего зависимого колоната было предоставление гражданских прав провинциалам эдиктом Каракаллы 212 г.

Фрагментарность сохранившегося текста *Constitutio Antonini* не позволяет точно определить соотношение между римскими и местными правовыми нормами, действовавшими в среде нового гражданства. Этот процесс наиболее занимает историков права, видящих здесь истоки вульгаризации римской классики. Со ссылкой на упомянутое *Constitutio Antonini* сохранение всех *politeumata* часто считается, что в среде новых граждан сохранили силу местные нормы права, которые на равных стали сосуществовать с римским в тех городских общинах, которые не имели гражданства до 212 г.⁹ Правительство должно было учитывать все правовые формы, в результате чего со временем сложилось постклассическое право. Однако такой взгляд исходит из представления о фактической девальвации римского гражданства после эдикта Каракаллы и тождестве римских граждан Поздней империи с подданными любой другой древней державы. Между тем, как следует из исследований Ф. Миллара и его последователей, Римская империя была уникальной державой, общественно-политический строй которой основывался на слабой расчлененности общественных и государственных институтов. Римское городское гражданство имело значение не только само по себе, но и как часть государственной системы Империи, через которую осуществлялся реальный контроль за населением и управлением. Поэтому до издания эдикта Каракаллы статус римских граждан среди прочих провинциалов был высок. Он был привилегией, сохранение которой поддерживалось функционированием гражданских прав-обязанностей. Превращение гражданства из привилегии в ординарное право, конечно, не могло пройти бесследно для его качества. Но поскольку гражданский статус в Империи был связан с определенными юридическими правами, то изменение его содержания не могло обойти и юридическую форму. Таким образом, издание эдикта Каракаллы должно было повлечь за собой изменения в юридической фиксации новых римских граждан, а не синтез римского права с местными юридическими системами. Такого рода последствия обычно имеют долговременный характер, отчего в источ-

никах III в. мы и не находим прямых указаний на серьезные последствия эдикта Каракаллы. Тем не менее, изменяя саму основу общества, его структуру, выражавшуюся в соотношении класса граждан и неграждан, он тем самым вмешивался в отношения собственности. А это означало изменение направления развития общества, или, выражаясь в категориях марксистской науки, социальную революцию.

Включение Каракаллой большей части провинциального населения в состав римского гражданства сделало гражданское право достоянием прежних перегривов. Масса интересов новых граждан и связанных с ними местных правовых отношений гораздо более активно, чем прежде, вторглась в общественно-политическую жизнь Империи. Вероятно, с этим обстоятельством во многом был связан кризис III в. Его глубинная основа состояла в существенном изменении отношений собственности. По римскому праву земля в провинциях считалась собственностью римского народа или представлявшего его императора¹⁰. Даже отведенная городским общинам земля находилась под верховным контролем государства. Поэтому собственность на нее была достаточно условна. Она, видимо, ограничивалась рамками гражданского коллектива города. Продажа за его пределы даже и римским гражданам была ограничена. Сохранилось предписание Септимия Севера о возвращении городу проданных городских земель после смерти покупателя¹¹.

На этом правовом фоне несколько странно выглядит то множество связанных со сделками на землю частноправовых документов из Малой Азии, Сирии и особенно Египта. По юридическому статусу земля здесь делилась на «царскую», «частную» и «бесхозную»¹². Все три ее вида подлежали свободному отчуждению, что указывает на развитие частнособственных отношений. Они сохранялись в восточных провинциях с эллинистической эпохи. Римляне были вынуждены признать их сосуществование с их собственной системой прав собственности и владения. По определению Гая, даже имевшие гражданский статус провинциальные собственники земли могли быть не более, чем посессорами или эмфитеутами. Господствующее положение римского права с течением времени приводило к синтезу обеих систем, развивавшемуся по пути поглощения римской правовой формой местных правовых реалий.

Римское гражданское право было рассчитано на граждан городских общин. Поэтому практически гражданин Империи должен был иметь двойное гражданство — имперское и городское¹³. Гражданство в городской общине было связано с конкретным осуществлением гражданином своих прав и несением повинностей (типега) в пользу общества. Городская община, в которой фиксировались права и обязанности гражданина, была его родиной — origo¹⁴. У себя

на родине граждане (*cives*) были местными (*originales*). Наличие связанных с ней гражданских прав отличало *oīgo* от простого места жительства (*domicilium*). В посвятительных, надгробных и прочих надписях, отражавших уровень практического, бытового восприятия провинциальных римлян, их авторы часто указывали на свою принадлежность к гражданству того или иного города либо пага, деревни или села, опуская при этом наличие или отсутствие у них гражданства римского¹⁵. В современной литературе на этом основании иногда заключают, что такие провинциалы поголовно не имели римского гражданства, вследствие чего и были вынуждены указывать местное¹⁶. На деле же, вероятно, во многих случаях, если не всегда, для провинциалов указание на местное гражданство имело практическое значение, тогда как на римское — символическое, престижное.

Наличие фиксированного в *oīgo* городского гражданства предполагало существование связанных с городской общиной лиц, не имевших гражданских прав по месту жительства. Часто это были переселенцы из других городских общин, пергрини и не имевшие гражданства местные жители. Они обозначались общим понятием инколы (*incolae*). По определению Помпона, «инкола — это тот, кто заводит себе дом в другой области, кого греки называют «паройк»»¹⁷. Уже в эпоху Ранней империи инколы принимали участие в общественной жизни города,частью допускались к голосованию при выборах в городскую курию и могли приобрести городское гражданство¹⁸. Инколы несли муниципальные повинности (*tunera*), причем одновременно за ними сохранялись и их обязанности в родном городе, где была их *oīgo*¹⁹. Вероятно, с течением времени инколы стали мало чем отличаться от горожан. Но формальное их различие продолжало существовать до конца поздней античности. В Кодекс Юстиниана была включена фраза из конституции Диоклетиана: «Общеизвестно, что инкола не может менять свое происхождение по собственному произволу»²⁰. Другое постановление той же эпохи гласило: «Если гражданами делает *oīgo*, отпуск на свободу, избрание или усыновление, то николами — домицилий, что и установил яснейшим образом своим эдиктом божественный Адриан. И пусть никто не сомневается, что имеет домицилий в том месте, где он установил лара и совокупность своих дел и имуществ, откуда он пусть не удаляется обратно, если ничто его не отзывает. Ведь когда он оттуда удаляется, то выглядит перегрином, а если возвращается туда, то как бы перестает бродяжничать»²¹.

Среди инкол городских общин были не только переселенцы из других городов, но и потомственные местные (туземные) жители, не включенные в состав городского гражданства при образовании колонии или муниципия. Как отметила Е. М. Штаерман, эти инколы совершенно обходятся молчанием в юридических источниках, по-

скольку лица, не принадлежавшие к городскому гражданству, право вообще не учитывались²². Получив имперские гражданские права в начале III в., такие инколы имели формальные основания претендовать на признание их в качестве городских граждан. Ведь их гражданская опло не находилась в другой общине. Издавна они сами и их предки несли городские типега. Уже в I—II вв. такие туземцы приобщались к городскому гражданству. Известен декрет Клавдия об анаунах, тулиассах и синдунах, часть которых была приписана к гражданам Тридента, а часть, будучи формально включена в состав гражданства, фактически пользовалась правами граждан, смешавшись с их обладателями²³. Надпись из Гергесты поставлена в честь Л. Фабия Севера, добившегося у Антония Пия включения в городскую курию приписанных к городу карнов и католов²⁴. Наиболее богатые и знатные из местных уроженцев со временем не только обретали права гражданства, но и включались в городскую курию²⁵.

Однако на территории городских общин проживала и другая категория местного населения — сельские жители. Многие из них, будучи туземцами (*originales*), оказались на земле муниципия при образовании последнего. Они проживали на пагах и в селах. К городскому гражданству они не имели никакого отношения. Не проживая в городе, они не принимали участия в его общественной жизни и не несли городских гражданских типега. Но иного статуса, кроме инкол, для определения их отношения к городу римское право не знало. Уже у Фронтина говорится, «что инколы, даже если они являются чужеземцами, — это те, кто обрабатывает (землю) внутри городской территории»²⁶. Судя по надписям, обозначение *incola* прочно закрепилось во II—III вв. за теми, кто владел землей на городской территории, не будучи гражданином города²⁷. Поэтому для юриста II в. Помпона было очевидно, что «инколами являются не только те, кто проживает в городе, но также и те, кто в пределах каких-либо городов так владеет полями, что рассматривает себя в них как в каком-либо месте жительства»²⁸. В большинстве своем такие туземцы до начала III в. не имели римского гражданства, и поэтому их присутствие слабо ощущается в письменных источниках Ранней империи. Лишь военная служба и следовавший из нее статус ветерана были для них относительно устойчивым каналом приобретения римского гражданства²⁹. Общение с городской гражданской средой, на земле которой находились их села, кастеллы, паги и общинны, способствовало распространению среди таких провинциалов квазимуниципальных форм общежития. В надписях из западных провинций, Фракки и Подунавья часты упоминания о магистрах, советах, общественных зданиях, праздников пагов и сел³⁰. Их жители часто называли себя гражданами (*cives*) не соседнего города,

в котором они, по-видимому, не имели гражданства, а села, пага или *gentilitas*. Вероятно, формальным образцом для этого служило гражданство городской общины. Но оно было не только образцом для подражания в силу своей престижности. Жизнь местных общин, размещавшихся на пагах, центуриях и в селах, постепенно приобретала черты, сходные с жизнью античной гражданской общины еще и потому, что типологически они были близки друг другу.

Эдикт Каракаллы формально повысил имперский статус таких сельских жителей, но в отношении к городу их положение не изменилось. Они по-прежнему оставались инколами. Однако те из них, кто обладал собственной землей, теперь могли претендовать на статус посессора. Это влекло за собой включение таких землевладельцев в орбиту городской жизни с перспективой на гражданский статус. Посессоры, бывшие гражданами села или пага, неоднократно упоминаются надписями³¹. Но, как верно заметила Е. М. Штаерман, посессорами сельские жители становились лишь в том случае, когда их наделы официально за ними записывались³². Таковыми, по ее мнению, были *possessores vici lucret, scato rōto* надписи из Верхней Германии³³. *Scamnum* был мерой земли. Видимо, по той причине, что здесь почему-то имела место лимитация, *vicani* превратились в посессоров. В других случаях посессоры составляли только одну группу жителей села, а *vicani* оставались в прежнем положении. По мнению Е. М. Штаерман, общинники местного происхождения в юридическом плане относились к категории не посессоров, а фруктуариев³⁴. Они могли быть лишены своих земель императором или переселены в другое место³⁵. Но несколько поколений спустя сельский плебс Империи оказывается достаточно широко наполнен посессорами. По мнению А. Р. Корсунского, посессоры, фигурирующие в императорском законодательстве IV в., зачастую были обычными самостоятельными крестьянами³⁶. По крайней мере, это указывает на тенденцию оформления владельческих прав новых граждан. Вполне возможно, что именно к таким посессорам можно применить определение Ульпиана: «Кто происходит из села, у того родиной считается гражданская община, к которой то село относится»³⁷.

Но на территории городов были и другие сельские жители, которые обрабатывали чужую землю, платя за нее посессорам. Проживая в селениях на этой земле, они были мало связаны с городом как центром общественной жизни. Поэтому бывший префектом претория при Максимине Модестин утверждал, что «следует знать, что тот, кто обитает в поле, не считается инколой; ведь кто не пользуется преимуществом городской жизни, не должен считаться инколой»³⁸. Села таких землевладельцев городских территорий упоминал и Папиниан³⁹. Е. М. Штаерман полагала, что они всей общи-

ной попали в зависимость к крупным собственникам в результате залога общинной земли и находились на положении прекаристов и клиентов⁴⁰. Частное лицо, выступающее у Папиниана в роли завещателя, оставляло такие села городу по фидеикомиссу, предварительно очертив их границы (или сориентировавшись на их собственные границы). Однако способ установления контроля над этими селами мог быть и иной, чем залог земли. Местные сельчане, первоначально не имея римских прав гражданства, не могли быть собственниками своей земли, на которой их предки, возможно, жили еще до прихода римлян. Поэтому они изначально были держателями или колонами римских собственников, которые, таким образом, имели дело не с отдельными арендаторами, а с целым селом.

Исключение таких сельских жителей из числа инкол города к концу III в. привело к освобождению их от муниципальных типега: «...те, кто проживает на территории какой-либо городской общины, пусть не привлекаются, подобно инколам, к несению повинностей или выполнению почетных обязанностей»⁴¹. Но вряд ли это следует считать преимуществом сельчан по сравнению с жителями городов. Освобождение сельских жителей от всех обязанностей, кроме земледелия и несения связанных с землей повинностей, вовсе не было облегчением, как иногда полагают, положения сельчан. Со временем такая узкая специализация превращалась в традицию, которая значительно суживала горизонт жизненных возможностей жителей села. Окончательно оторвавшись к началу IV в. от городского плебса, «сельский плебс, живший вне городских стен», оказался вытеснен за пределы гражданского коллектива города. Необходимость платить подушную подать и аннулу, рассматривавшаяся как литургическая обязанность в пользу гражданского коллектива Империи, еще сохраняла связь сельских жителей с последним. Однако отсутствие у этих жителей официально признанной отigo создавало предпосылку для их дальнейшей общественной деградации.

Несколько иным путем шло развитие на землях восточносредиземноморских городов, продолжавших пользоваться местным или греческим правом. Здесь еще в эллинистическую эпоху для свободного сельского населения хоры полисов оформился статус паройков, аналогичных инколам⁴². Существенным признаком принадлежности к этой категории было право селиться на городской земле. Со временем этот термин стал применяться к зависимым земледельцам вообще. Считается, что уже начиная с III в. паройк целиком соответствовал латинскому слову «колон»⁴³. Однако паройки не были арендаторами в собственном смысле слова. Эквивалентом колонам как мелким арендаторам в восточных провинциях были мистоты (*misthotai*). Видимо, разработанность взаимоотношений населения

комы и полиса с центральной властью позволила им достаточно легко войти в систему новых римских правовых форм.

Особое положение сложилось в Египте. Наличие там мощного административного аппарата привело к тому, что муниципальный строй египетских метрополий мало напоминал строй греческих полисов или итальянских муниципиев⁴⁴. Вероятно, осуществленное Септимием Севером уравнение их с муниципиями и полисами, доминировавшими в социальном поле Империи, должно было стимулировать оживление здесь гражданской жизни. Но фактически его реформы лишь подстегнули принятие здесь норм более развитого римского права и частнособственнических тенденций⁴⁵. Со временем Птоломеев важную роль в системе административной организации населения играли села (комы)⁴⁶. И после муниципальной реформы Севера сохранилась внутренняя автономия ком на территориях номов, административно возглавлявшихся полисами. Земля полиса и комы была разделена, что позволяло сельским общинам Египта сохранять относительную автономию от города в отличие от западных и, видимо, части восточных провинций. Для римской администрации Египта подобную муниципию роль опорного пункта, видимо, играла метрокомия, объединявшая под своей юрисдикцией несколько деревенских общин⁴⁷. Под метрокомией подразумевалась кома, служившая административным центром определенного земледельческого округа. При Диоклетиане такая кома стала ответственной за сбор налогов, которые распределялись в порядке литургий на комы⁴⁸. В папирусе 250 г. сохранилась жалоба сельских жителей на то, что город Аксиния привлекал к городским литургиям вопреки распоряжению Севера⁴⁹. На это представители метрополии возразили, что «жители села всегда привлекаются на должности косметов».

Видимо, после эдикта Каракаллы римские правовые взгляды наложились на местную реальность, и оказалось, что сформировавшиеся на западе принципы отношений муниципия с его сельской окружой не совсем подходили для Египта. Жители египетских сел в качестве литургии, подобно инколам западных провинций, несли общественные обязанности. В число последних, например, входило выполнение функции сборщиков налогов, которые на западе отводились куриалам⁵⁰. Административная ситуация в Египте была такова, что наиболее разорительные фискальные литургии были переложены с полисов на комы⁵¹. Быть может, выступление Модестина и юристов Диоклетиана против приравнивания сельских жителей к инколам городов было обусловлено попыткой вернуть городским общинам их функции и, таким образом, уравнять восточный полис с западным муниципием?

Однако в практике реальной действительности наблюдалась иная тенденция. Мелкие провинциальные поселения и сельские общины

еще со II в. стали проявлять стремление конституироваться в форме городской гражданской общины. В Малой Азии римляне дали статус подиса множеству селений, не имевших его в эллинистическую эпоху⁵². В африканских провинциях представители местных общин осаждали императора просьбами даровать им статус муниципия и получали его⁵³. С III в. отмечается резкое возрастание числа городов, получивших статус колонии и муниципия в дунайских провинциях⁵⁴. Видимо, стремление обрести городское гражданство, которое только и давало реальные полномочия, начало проявляться еще правления Каракаллы.

Ко времени Диоклетиана имевшие двойное гражданство уже выделились из среды прочих граждан в качестве носителей особого *status ingenuitatis*. Видимо, в течение III в. в праве новый оттенок приобрело понятие *ingenuitas*. В классическом праве оно обозначало свободорожденность, происхождение от свободных родителей, отличие от вольноотпущенников. Но изначально оно было связано и с местным, туземным происхождением. С обострением проблемы местного городского гражданства в качестве *ingenui* часто стали обозначаться те горожане, предки которых имели гражданство, или те, кто узаконил его другим способом. Этим их, видимо, отличали от получавших римское гражданство по эдикту Каракаллы, но не сумевших приобрести местного городского гражданства. Такие новые граждане в правовом отношении могли рассматриваться как отпущенники императора — Аврелия. Поэтому встречающиеся в надписях Аврелии, часто акцентировавшие внимание на том, что они римские граждане, вовсе не обязательно были «настоящими» гражданами, т. е. такими, которые имели двойное гражданство. Сознание собственной социальной ущербности, видимо, заставляло их подчеркивать свое правовое полноправие. Особенно это, вероятно, можно отнести к египетским крестьянам. В одном папирусе 276 г., например, речь шла о найме одним сельчанином Аврелием у другого сельчанина с таким же именем 56 коз⁵⁵. В IV в. имя Аврелия стало встречаться преимущественно среди низших слоев населения, более значительные люди предпочитали именоваться Флавиями⁵⁶. Отделение таких Аврелиев от имевших двойное гражданство повело к формированию у последних особого *status ingenuitatis*. Практически он был тождествен с местным гражданством.

Одновременно в течение III в. формировалось новое представление об обязанностях граждан. Каждое сословие и каждая профессиональная группа несли свою часть общественных обязанностей на основе общественного разделения труда. Характерное для античной общины отсутствие специализации осталось в прошлом. Для земледельцев основной обязанностью становятся налоги, повинности и обработка земли. Поэтому в законодательстве настойчиво

повторяются запреты отвлекать крестьян от их хозяйственных занятий⁵⁷. Наличие таких запретов нельзя буквально проецировать на действительность в качестве истока внутренней политики. Между нею и отражением в законодательстве стояла проникнутая гражданской ментальностью система римского мировоззрения. Развивавшаяся общественная специализация приводила к тому, что с определенными сословно-профессиональными группами и корпорациями оказывались связаны определенные государственные обязанности. Они фиксировались на материальных объектах, в основном на земле, указывающей на *origo*. С землей навикуляриев были связаны функции и повинности навикуляриев⁵⁸. Купивший ее становился навикулярием. Купивший землю должен был нести повинности в курии города⁵⁹. Коллектив несущих одинаковую повинность назывался консорцием⁶⁰. Связь гражданина с обязанностями, профессиональной группой, корпорацией, общественным статусом на профессионально-корпоративной основе вытекала из его принадлежности к гражданскому коллективу Империи. В течение III в. о.э. стала замещать традиционное представление об *origo*, связывавшее его только с городской общиной⁶¹. Если для крестьян, сумевших зафиксировать свое владение землей, роль *origo* выполняла городская община, то иное положение формировалось для тех землевладельцев, которые обрабатывали чужую землю.

Римские формы владения землей — посессий, узуфрукт, эмфитеувис — давали определенные правовые гарантии, означавшие ту или иную степень приобщения держателя земли к собственности на нее⁶². Поэтому землевладельцы на чужой земле, чтобы нейтрализовать их возможные претензии на нее, считались по преимуществу колонами, юридически рассматривавшимися как арендаторы на срок. Многие из них поколениями жили на этой земле. Получив римское гражданство по эдикту Каракаллы, они формально должны были рассматриваться как *cives originales* там, где была их родина. Но на практике они были лишены городского гражданства, в среде которого только и возможна была классическая *origo*. Не случайно Августин отделил от получавших римское гражданство провинциалов часть плебса, которая не имела земли в собственности: «...все принадлежавшие к римской власти приобретали городское гражданство и стали римскими гражданами: только тот плебс, который не имел собственных полей, жил вне общества»⁶³. Для них родиной было селение, паг или имение, на земле которого они жили. Здесь же осуществлялась регистрация их налоговых обязательств, рассматривавшихся как гражданские. Правом такие сельские граждане рассматривались как *coloni originales*. Они-то и появились в императорских постановлениях начала IV в. в качестве объекта императорского законодательства, стремившегося удержать их по месту житель-

ства и регистрации их *origo*. По-видимому, это законодательство было подготовлено подспудно формировавшимся в течение III в. представлением, связывавшим *origo* колонов с именем их хозяина.

Теоретические поиски римских юристов определения гражданской *origo* для новых граждан преимущественно относились к земледельцам муниципальных территорий. Для них правовое разрешение этой проблемы имело гораздо большее значение, чем для земледельцев на императорских и фискальных землях. Для последних гражданский статус как будто не зависел от городской *origo*, поскольку они вообще были изъяты из ведения муниципиев. Однако посессоры и эмфитеуты императорской земли были гражданами соседних городов. По аналогии с ними городские курии стремились привлечь к муниципальным типега и императорских колонов. Это породило значительное законодательство, рассматривающееся современными исследователями как предоставление льгот императорским колонам. Но реальное положение императорских земледельцев не было лучшим, чем на частновладельческих землях. Примером может служить надпись из Лидии III в.: «Мы молим ваше божественное непревзойденное величество, о божественнейший из бывших когда-нибудь императоров, обратить внимание на страдания крестьянства, так как нам чинят препятствия сборщики налогов и их представители, угрожающие нам, оставшимся, смертельной опасностью, и впредь мы не можем из-за чинимых препятствий ни землю обрабатывать, ни выполнять платежи и повинности. Мы просим вас милостиво взять нашей мольбе и предписать управителю народа и вашим превосходительным прокураторам учинить суд за содеянное преступление, запретить им доступ в императорские имения и притеснения, применяемые к ним сборщиками и теми, кто под предлогом исполнения должности и литургий притесняет и терзает нас: ведь все наше, унаследованное от предков, подлежит контролю и ведению священного фиска по земельному уставу. Истинно скажем вашей божественности: если от вашей небесной десницы не будет возмездия за наглые деяния и помохи на будущее, мы, оставшиеся, не в силах снести алчность сборщиков под вышеуказанными предложениями, вынуждены будем бросить отчие очаги и могилы предков и ради спасения переселиться на частновладельческую землю: они, эти злодеи, больше щадят там, чем ваших крестьян; (придется нам) стать беглецами с императорских земель, на которых мы родились и выросли, и, оставаясь земледельцами со времени предков, верой служили под покровительством (нашего) владыки»⁶⁴. Эти императорские колоны явно не были краткосрочными арендаторами. Находясь под непосредственным покровительством императора, они относительно меньше были заинтересованы в статусе Аврелиев. Поэтому исследование Е. С. Голубцовой выявило относительно не-

большой их процент в надписях на государственных землях Малой Азии по сравнению с частными⁶⁵. Городского гражданства они также никогда не знали и не стремились к нему.

Однако распространение на провинциальное население единых норм римского гражданского права, необходимое для совершенствования административной системы, неизбежно ставило вопрос об origo. Отправление государственных повинностей во многом носило литургический характер. Риторика императорских конституций показывает, что и в поздней античности любые обязанности лиц, не связанных чиновной субординацией, стремились оформить как род обязанностей перед обществом. Поэтому следует предположить, что для императорских земледельцев после эдикта Каракаллы стала формироваться правовая функция гражданской origo. В ее роли могли выступать села и имения на императорской земле, которые выполняли функции центров регистрации фискальных обязанностей местных землевладельцев. Их фискальная функция накладывалась на административно-хозяйственную. Это создавало предпосылку превращения таких поместий или сел в квазимуниципальные организации. В многочисленных обращениях сел к императору с просьбами предоставить им статус муниципия, видимо, проявлялось стремление узаконить фактическое положение дел. Владельцы экстерриториальных имений стремились поставить себя на равную ногу с городской организацией. По данным комментаторов Фронтина, они препятствовали городам набирать рекрутов из их колонов⁶⁶. При Диоклетиане набор в армию земледельцев стал официально связываться с их имениями.

Идея квазимуниципального характера крупного землевладения не нова в современной литературе. В той или иной форме она прослеживается у П. Г. Виноградова, Т. Моммзена, М. Вебера, А. Шультена⁶⁷. В связи с ней становятся более ясными истоки той части императорского законодательства, которая была направлена на освобождение колонов императорских и фискальных владений от муниципальных обязанностей в городах. При Марке Аврелии, как передает Папирий, колонов фискальных имений еще разрешалось привлекать к выполнению городских повинностей при условии, что это не нанесет ущерба фиску⁶⁸. Но уже в начале III в. Каллистрат сообщал, что «колоны Цезаря освобождены от городских повинностей, чтобы успешнее занимались фискальными имениями»⁶⁹. Ульпиан отмечал, что декурионы, которые опасались привлечения их к отправлению почетных должностей, «желая избежать больших тягот и предпочитая им меньшие, переходят в число колонов владений, не должны надеяться, что это дает им освобождение»⁷⁰. Е. М. Штерман считала, что, поскольку Ульпиан в этом контексте не говорил прямо, что имения были императорскими, можно подумать, что

крупные частные собственники умели избавить своих колонов от городских повинностей и почестей⁷¹. Вряд ли, однако, это было так. Не следует забывать, что вопрос о частной собственности на землю для III в. не может считаться окончательно проясненным. Ведь провинциальные земли считались собственностью римского народа и императора. Поэтому в провинциях владельцы экзимированных имений и сальтусов юридически должны были считаться посессорами императорской или государственной земли. Лишь в результате двухвекового позднеантичного развития Юстиниан смог уравнять различные формы владения с правом собственности. В III в. Империя находилась только в начале этого пути перехода от господства посессии и эмфитеузы к преобладанию доминия.

Данные источников о бегстве куриалов позволяют несколько прояснить вопрос о правовом статусе землевладельцев на императорских землях. Абсентиум куриалов и меры против него правительства берут начало не с IV в., а восходят чуть ли не к эпохе Августа⁷². После эдикта Каракаллы началось жесткое фиксирование *ius originis* для куриалов. Ульпиану принадлежат слова: «Декуриснов, о которых будет доказано, что они, оставив место жительства в городе, к которому они относятся, переселятся в другое место, правитель провинции пусть позаботится вернуть в родное место и заставит выполнять соответствующие повинности»⁷³. Судя по одной из конституций Констанция, куриалы, как и при Ульпиане, использовали право колоната на частных императорских землях, чтобы освободиться от своих городских обязанностей⁷⁴. Ведь императорских колонов и в IV в. запрещалось привлекать к городским повинностям⁷⁵. Это могло означать, что их гражданские обязанности переносились на их *oīgo* в имении. А там они могли быть только крестьянскими. Передача императорской земли во владение посессорам создавала предпосылку для формирования патронатной связи. Как явствует из надписей, под патронатом конкретного землевладельца колоны чувствовали себя комфортнее, чем в качестве землевладельцев императора, подчищаясь экзакторам, прокураторам и кондукторам. Жаловаться на злоупотребления последних господину было далеко.

Юридическое закрепление *oīgo* землевладельцев в имении осуществлялось во время фиксации их в цензовой описи имения и его инвентаря⁷⁶. При этом сама по себе запись в цензовые книги не являлась актом прикрепления к месту жительства и не имела принудительного значения. Она лишь констатировала связь колона с данным пунктом, который обретал статус *oīgo*. Но фиксация *oīgo* с точки зрения гражданского права означала, что при переселении землевладельца из имения к другому землевладельцу, в город или иное место там он мог приобрести только статус инколы. В сельской местности такие переселенцы чаще назывались инквилинами, а в

грекоязычных провинциях паройками⁷⁷. До IV в. таким переселением, при условии выполнения всех связанных с обработкой земли обязательств, государственное право не ставило препятствий. Приобретение колонами земли в собственность или владение вообще меняло их статус и, вероятно, огіго. Однако фиксация их огіго создавала условия для перемены политики правительства с того времени, когда общество созреет для нее.

Эдиктом Каракаллы права римского гражданства были предоставлены не всем провинциалам. Какая-то часть из них до III в. имела статус дедитициев. Они остались за бортом гражданского коллектива⁷⁸. При этом нет ясности по поводу того, какие конкретно группы населения были дедитициями. Определенным признанием в науке до сих пор пользуется мнение, согласно которому в роли дедитициев выступала большая часть сельского населения провинций⁷⁹. Не будучи строго доказанным, такое представление исходит из действительно имевшей место разницы в правовом положении городского и сельского населения Империи. Однако, если бы составлявшие большую часть населения провинций сельские жители не получили римского гражданства, было бы невозможно единогласие источников о его предоставлении всем или почти всем провинциалам⁸⁰. Грань между дедитициями и получившими римское гражданство переграниами была совсем иной, чем грань между сельчанами и горожанами. Собственное гражданство перегринов — их *politheumata* — признавалось римлянами и до эдикта Каракаллы. Гражданство дедитициев игнорировалось римским правом, даже если оно было⁸¹. Судя по одному замечанию Августина, дедитициями, вероятно, считались иудеи Палестины, так и не включенные в состав гражданства даже к концу IV в.⁸² Е. М. Штаерман приводит в качестве примера дедитициев III в. фракийское племя бессов. Причем последние были не новопоселенцами, а проживали на территории Империи несколько веков и имели городские поселения⁸³.

В среде дедитициев был не меньший процент земледельцев, чем среди прочих провинциалов. В отношениях с местными землевладельцами они выступали такими же держателями их земли, как и другие переграни. Римские частноправовые нормы проникали и в их среду, вовсе не изолированную практически от граждан. Держатели чужой земли из их среды римским правом считались такими же колонами, как и прочие земледельцы. В связи с утверждением Августина о гражданском равенстве иудеев с прочими провинциалами любопытен рассказ Либания о том, как он судился со своими колонами-иудеями⁸⁴. Как известно, Либаний проиграл этот процесс по той причине, что его колоны нашли себе сильного покровителя, который сумел оказать соответствующее влияние на суд и его решение.

Однако личноправовой статус дедитициев был совсем иным, чем у граждан.

Таким образом, в формировании позднеантичного колоната приняли участие многие группы провинциальных земледельцев различного положения. Местное содержание института колоната скрывалось под римской правовой формой арендного договора и общим статусом колона. Поэтому в III в. сама форма арендного договора претерпела столь существенные изменения, что стала напоминать держание по обычаям⁸⁵. Определение, которое Ульпиан дал колону, повидимому признавая его арендатором, по сути подразумевало постоянно живущего на чужой земле земледельца⁸⁶. С точки зрения гражданского права, такие колоны представляли собой объединение земледельцев трех классов: местных и пришлых земледельцев на городской земле (колоны и инквилины), колонов императорских и фискальных владений и, наконец, колонов из числа дедитициев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Fontes Iuris Romani Antejustiniani* / Ed. S. Riccobono. Florentiae, 1940. Vol. I. P. 493—498.

² *Fustel de Coulanges N. D. Le colonat romain. Recherches sur quelques problèmes historiques*. Paris, 1885. Русский перевод: Фюстель де Кулонж Н. Д. Римский колонат. СПб., 1908.

³ См.: Clauising R. *The Roman Colonate*. New York, 1925. P. 138—201; Margon A. *Il colonato tardoantico nella storiografia moderna*. Coino, 1988. P. 27—48.

⁴ Mommsen Th. *Das Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus* // *Hermes*. 1880. Bd. 15. S. 385—411.

⁵ Jones A. H. M. *The Roman Colonate* // *The Roman Economy, Studies in Ancient Economic and Administrative History* / Ed. by P. A. Brunt. Oxford, 1974. P. 293—307; Finley M. J. *Private farm tenancy in Italy before Diocletian* // *Studies in Roman Property*. Cambridge, 1976. P. 103—122.

⁶ MAMA, IV, 113; P. Cairo Isidor. 76.

⁷ Eibach D. *Untersuchungen zum spätantiken Kolonat in der kaiserlichen Gesetzgebung unter besonderer Berücksichtigung der Terminologie*. Köln, 1977. S. 49—52; 243 ff.

⁸ Carrie J.-M. *Le «colonat du Bas-Empire»: un mythe historiographique?* // Opus. 1982. T. 2. P. 351—370.

⁹ Wolff H. J. *Die Constitutio Antoniana und Papyrus Gissensis* 40. Köln, 1976. Bd. 1. S. 35 ff.

¹⁰ Gai. Instit. II, 7; 26 a.

¹¹ Dig. 31, 78.

¹² См.: Павловская А. И. Египетская хора в IV в. М., 1979. С. 27—28.

¹³ Segre A. *La Costituzione Antoniniana* // *Rivista Italiana di Filologia*. 1926. P. 471—484.

¹⁴ Nagy D. Origo // PWRE. 1965. Hbd. 10. Sp. 433—473.

¹⁵ CIL II, 1041 = 6921; CIL V, 5278 = Dessau 6735.

¹⁶ Шторман Е. М. К вопросу о дедитиции в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 85—86.

¹⁷ Dig. 50, 16, 239, 2.

¹⁸ Dig. 50, 1, 27; CIL VIII, 20682; Lex Malacitana, cap. LIII.

¹⁹ CIL V, 875; Dig. 50, 1, 29; CJ. X, 39, 1; CJ. X, 40, 1; 5.

²⁰ CJ. X, 39, 4.

²¹ CJ. X, 40, 7.

- ²² Штадерман Е. М. Еще раз к вопросу о римской сельской общине // ВДИ. 1978 № 2. С. 92 сл.
- ²³ CIL V, 5050.
- ²⁴ CIL V, 532.
- ²⁵ Dig. 50, 1, 34.
- ²⁶ Frontin. Grom. p. 45, 12 Th.
- ²⁷ CIL II, 1041 = ILS 6921; CIL IV, 4520; Lex Urso, cap. XLVIII.
- ²⁸ Dig. 50, 16, 239, 2.
- ²⁹ Штадерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
- ³⁰ CIL XII, 2449; 2461; XIII, 7250; A. ep. 1905. № 135; 1946 № 122; 1957 № 99.
- ³¹ См. примеч. 15.
- ³² Штадерман Е. М. Еще раз... С. 109.
- ³³ Dessau, 7076.
- ³⁴ Gai. Instit. II, 26 а.
- ³⁵ Dig. 21, 2, 11; CJ. X, 1, 4; CIL II, 104.
- ³⁶ Корусский А. Р. О деревенском устройстве и системе землепользования в западных провинциях поздней Римской империи // ВДИ. 1977. № 2. С. 53.
- ³⁷ Dig. 50, 1, 30.
- ³⁸ Dig. 50, 1, 35.
- ³⁹ Dig. 31, 77, 33.
- ⁴⁰ Штадерман Е. М. Еще раз... С. 94.
- ⁴¹ CJ. X, 40, 3.
- ⁴² Свенцицкая И. С. Категория PAROIKOI в эллинистических полисах Малой Азии // ВДИ. 1959. № 2. С. 152.
- ⁴³ IGI, III, 343; CJ. I, 2, 24; CJ. IV, 34, 1; Свенцицкая И. С. Категории PAROIKOI... С. 153.
- ⁴⁴ Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в III в. М., 1949. С. 167.
- ⁴⁵ Павловская А. И. Египетская хора... С. 3—4; 164 сл.
- ⁴⁶ Там же. С. 199.
- ⁴⁷ Там же. С. 207.
- ⁴⁸ Ранович А. Б. Восточные провинции... С. 201—202.
- ⁴⁹ JEA, 1935, 244.
- ⁵⁰ Wilcken U. Chrestomatie... № 400; 402; 408.
- ⁵¹ См.: Павловская А. И. Египетская хора... С. 207.
- ⁵² Свенцицкая И. С. К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. // Быт и история в античности. М., 1985. С. 170—171.
- ⁵³ Штадерман Е. М. Рабство в африканских провинциях // Штадерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III вв. М., 1977. С. 17—18.
- ⁵⁴ Колосовская Ю. К. Падение римского господства в Дакии // ВДИ. 1955. № 3. С. 72.
- ⁵⁵ Mitter L. Reichrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches. Leipzig, 1891. S. 364.
- ⁵⁶ Segre A. La Costituzione Antoniniana e il diritto dei «novi cives» // Iura. 1966. T. 17. P. 7 f.
- ⁵⁷ Dig. 50, 11, 2; CJ. VIII, 16, 7; CJ. XI, 55, 1; CJ. XI, 55, 2; CJ. XI, 48, 1.
- ⁵⁸ CJ. XI, 32, 2; 3.
- ⁵⁹ CJ. XI, 59, 6—388.
- ⁶⁰ Nörr D. Orig. Sp. 469.
- ⁶¹ См.: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. С. 57 сл.
- ⁶² Augustin. De civ. Det. V, 17.
- ⁶³ Перевод с изменениями дан по книге: Ранович А. Б. Восточные провинции. С. 58—59.
- ⁶⁴ Голубцова Е. С. Сельская община в Малой Азии. М., 1972. С. 124.
- ⁶⁵ Frontin. Grom., p. 53.
- ⁶⁶ Виноградов П. Г. Возникновение феодальных отношений в лангобардской Италии. М., 1880; Mommsen Th. Op. cit.; Weberg M. Römische Agrargesellschaft. Stuttgart, 1891; Schulten A. Die Römischen Grundherrschaften. Weimar, 1896.

- 68 Dig. 50, 1, 38, 1.
69 Dig. 50, 6, 5, 11.
70 Dig. 50, 5, 1, 2.
71 Штадерман В. М. Кризис рабовладельческого строя... С. 96.
72 Рановиц А. Б. Восточные провинции. С. 28—29.
73 Dig. 50, 2, 1.
74 CTh. XII, 1, 33—342.
75 CJ. XI, 68, 1—325; 2—313/337.
76 Dig. 50, 15, 4, 8.
77 Dig. 50, 16, 239, 2—4.
78 P. Giss. 40, 1, 6—9.
79 Sasse Ch. Literaturübersicht zur Constitutio Antoniniana // The Journal of Juristic Papyrology. 1962. Bd. 14. S. 110 ff.
80 Dig. 50, 1, 5, 17; Cass. Dio. 77, 9, 5; Spart. vita. Sev. 1, 1—2; Aur. Vict. Caes. 16, 12; Joh. Chrysostom. in acta apost. hom. 48, 1; Augustin. De civ. Del. V, 17; Apoll. Sidon. Ep. 1, 6, 2; Nov. Just. 78, 5.
81 Ulp. fragm. XX, 14—15.
82 Augustin. Enarr. in Psalm. LVIII, Sermo 1, 21.
83 Штадерман В. М. К вопросу о дедиции... С. 87.
84 Liban. Orat. 47, 13—16.
85 Dig. 19, 2, 13, 11.
86 Dig. 19, 2, 14.

Ю. К. Некрасов

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ И
ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В
СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ XIV—XVI вв.
(на примере Швабии и Швейцарского Союза)

Происхождение современного общества в Западной Европе, на что вполне определенно указывали исследователи еще в конце прошлого и начале нынешнего столетий, неразрывно связано с эволюцией как отношений собственности, так и социального строя средневекового города. Западная историография имеет давнюю традицию изучения социальной истории этого города. Но в то же самое время необходимо принять во внимание, что в западной историографии в решении проблемы социальной стратификации городского населения сложилось несколько направлений, отразивших различие подходов представителей данных направлений прежде всего к решению проблемы возникновения капитализма.

К первому направлению, представители которого выступили в роли пионеров в исследовании качественно новых и непосредственно предшествовавших капитализму явлений в социальной жизни средневековых городов, принадлежали В. Зомбарт и Я. Штридер¹, которые хотя и разошлись во мнениях по вопросу о происхождении крупных бургсрских состояний, вместе с тем, поскольку оба следовали теории М. Бебера об «идеальных типах» в экономике, обнаружили близость методологических позиций². Модернизируя явления прошлого, эти историки видели в любом владельце денежных богатств буржуа, а в любом паупере или «неимущем ремесленнике» — пролетария. Такая трактовка социально-экономической истории средневекового города акцентировала внимание прежде всего на количественных критериях и не давала удовлетворительного объяснения явлениям, которые обусловили переход от феодализма к капитализму. Отметим также, что Зомбарт и Штридер, оказавшие заметное влияние на немецкую историографию первой трети XX в., после второй мировой войны по сути дела утратили это влияние.

Второе направление (так называемой «социальной истории»), напротив, в последние десятилетия приобрело большую популярность в западной историографии. Своего рода методологической базой для представителей этого направления и сегодня в известной степени служит «бактериологическая теория» В. Абеля и Ф. Лютге³, авторы которой ход исторического процесса объясняют по преимуществу действием демографического фактора. Эта теория

вызвала резкую критику со стороны как советских⁴, так и западных⁵ историков. Общепризнанным главой западногерманских урбанистов, примикиавших к школе «социальной истории» и занимавшихся историей средневековых городов, выступил Э. Машке, научная концепция которого социальной стратификации этих городов состоит в следующем. Машке ставит перед собой глобальную задачу «подвергнуть сомнению и опровергнуть учение исторического материализма», приверженцы которого, по убеждению Машке, видят во всех общественных метаморфозах только проявление классовой борьбы и в истории в целом — исключительно деятельность людей, обращенную к современному дню. Он ориентируется на «модную» в современной урбанистике теорию «социального расчленения» средневекового городского общества, согласно которой это общество состояло из «вертикальных» и «горизонтальных» слоев. Под «вертикальной дифференциацией» Машке имеет в виду «верхние», «средние» и «низшие» слои населения, под «горизонтальной» — «корпорации и объединения одного общественного порядка»⁶. В концепции Машке социальная история средневекового города представлена в качестве феномена, развитие которого совершалось имманентно от экономического фактора, отношений угнетения и эксплуатации, хотя автор этой концепции признает, что в позднесредневековом городе понятия «неймущий ремесленник» и «наемный работник» фактически стали синонимами. Что касается экономического фактора, то его значение в социальной истории города Машке сводит в первую очередь к обоснованию тезиса о выдающейся и даже решающей роли торговли, особенно экспортной, в процессе превращения населения города в «открытое общество». Причем главный источник «творческого начала» в этом процессе он находит в «городской знати», которой город обязан всеми сколько-нибудь значительными достижениями во всех сферах жизни.

Представители третьего направления основную свою задачу видят в исследовании социально-экономической истории средневековых городов и в установлении перспективы их развития. Еще в конце прошлого века Я. Хартунг, изучив податные кадастры имперского города Аугсбурга, предпринял попытку проследить эволюцию «бюргерской собственности» в позднее средневековье⁷. Он же показал процесс пауперизации на одном полюсе основной массы городского населения и концентрации в руках немногих семейств бюргерской верхушки больших богатств — на другом. Поэтому Я. Штрайдер без достаточных на то оснований отвергает такую попытку как абстрактную схему, лишенную реального содержания и не позволяющую установить подлинных участников роста благосостояния одного из крупнейших городов средневековой Германии⁸. Про-

анализировав экономическую политику, проводившуюся городской олигархией, Хартунг вполне убедительно также показал происхождение состояний последней. В отличие от Штридера, в центре повествования которого находятся «выдающиеся» пионеры «раннего капитализма», внимание Хартунга привлекли исторические судьбы городских низов и особенно — тяжелое положение «обездоленного плебса». Эту линию Хартунга в немецкой историографии продолжил Х. Ихт, по мнению которого с «развитием средневекового города на фоне его сословного членения все более отчетливо проявлялись черты современного классового общества»⁹. С некоторыми оговорками к этому же направлению можно отнести и Р. Эндреса¹⁰. Все эти историки, разделяя в основном методологические установки позитивистской историографии, признают влияние раннекапиталистических производственных отношений на эволюцию социально-го строя позднесредневекового города, что следует отнести к сильной стороне их научных штудий. Другим несомненным достоинством их трудов является содержащийся в этих трудах богатый фактический материал по социальной истории города, переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Проблема возникновения последнего давно уже привлекла внимание и историков-марксистов, хотя сами основоположники «исторического материализма» (исключение, пожалуй, составляет лишь 24-я глава первого тома «Капитала» К. Маркса) не обращались к исследованию данной темы специально. В упомянутой главе Маркс писал, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹¹. К. Маркс и Ф. Энгельс, а вслед за ними и В. И. Ленин обратили внимание на «двойственность» социальной природы средневекового бюргерства¹². Опираясь на их высказывания об этом бюргерстве, его месте и роли в эволюции западноевропейского феодального общества, историки-марксисты утверждают, что на развитие средневековых городов Западной Европы оказывали влияние различные экономические уклады (натуральное хозяйство, мелкотоварное производство и, наконец, элементы «раннего капитализма»). Изменения в экономической структуре феодального общества, выразившиеся в отделении города от деревни, ремесла от сельского хозяйства, имели следствием появление на исторической сцене особой категории населения; главными занятиями и основными источниками существования для этого населения стала промышленная деятельность, торговля и ростовщичество. В процессе имущественной и социальной дифференциации изначального посадского населения сложилась «трехчленная» (патрициат — бюргерство — плебейство) структура этого населения¹³. «Трехчленная» структура посадского населения

отражала одну из специфических черт социального строя не только средневекового города, но и всего феодального общества. Вопрос, могла ли эта «трехчленная» модель сыграть роль своего рода «стартовой площадки» становления классов буржуазного общества, марксистская историография долгое время по сути дела оставляла открытым. Однако такое положение в этой историографии стало изменяться с начала 70-х годов.

Социальные судьбы населения средневековых городов приобрели в марксистской историографии особую научную актуальность с того момента, когда историки ГДР выступили с теорией превращения различных прослоек населения этих городов в эпоху «зрелого», или «развитого», феодализма в новый самостоятельный «неосновной» (*Nebenklasse*), или «промужетучный» (*Zwischenklasse*) общественный класс¹⁴. Аналогичные взгляды на эту проблему высказывали и некоторые советские ученые¹⁵. Однако большинство советских мединевистов придерживалось точки зрения, согласно которой в Западной Европе в средние века протекал процесс консолидации различных категорий городского населения в сословие, или, по терминологии В. И. Ленина, в «класс-сословие» средневекового феодального общества¹⁶. Отражая мнение этого большинства, А. Н. Чистозвонов вступил в полемику с историками ГДР по вопросу о социальной природе средневекового бюргерства¹⁷.

Все изложенные выше обстоятельства являются достаточным основанием для рассмотрения этой дискуссионной темы на конкретно-историческом материале. Объект такого рассмотрения — города Швабии и Швейцарского Союза XIV—XVI вв. Этот сюжет уже привлекал в прошлом внимание автора настоящей статьи¹⁸. Но если раньше он в одних случаях ограничивал свою задачу исследованием эволюции социального строя имперского города Аугсбурга, в других — изложением своей точки зрения в предельно лаконичной форме, лишь бегло при этом затрагивая вопрос об отношениях собственности в средневековых городах, сейчас он намерен восполнить этот пробел и по возможности более обстоятельно аргументировать свои наблюдения и выводы. Автор настоящей статьи убежден также, что сквозь узкие окна «региональной истории» может открыться и более широкий горизонт европейской действительности начальной стадии ее эволюции от феодализма к капитализму. Такой подход позволит пролить дополнительный свет на некоторые стороны исторического процесса всей этой переходной эпохи.

Рассматривая проблему эволюции социального строя средневекового города, необходимо иметь в виду как типологические различия социально-экономических структур самих городов, так и структуру торгово-ремесленных корпораций, в которых объединялось большинство городских ремесленников и торговцев. Социально-

экономические процессы обычно более быстрыми темпами совершились в крупных и значительных торгово-промышленных центрах, чем мелких полуаграрных городах. Это относится и к цеховым корпорациям. «Капиталистическому перерождению» в большей мере подвергались корпорации, ремесленники которых работали на экспорт своих изделий и массового потребителя, чем цехи, ориентировавшиеся на удовлетворение спроса населения самого города и его близлежащей сельской округи. Если в корпорациях первого типа прокладывали себе дорогу отношения между работодателями и наемными работниками, то основой производственных отношений в корпорациях второго типа продолжало оставаться мелкотоварное ремесло, что имело следствием «замыкания цехов» и стагнацию темпов экономического развития.

В Швабии и «городских кантонах» Швейцарского Союза в XIV—XVI вв. роль крупных и значительных центров ремесла и торговли неизменно играли Аугсбург, Ульм, Базель и отчасти Мемминген. Цюрих, определенно игравший такую же роль в XIV в., утратил ее в первой половине XV в., но к концу того же столетия восстановил свои позиции в ремесленном производстве и международной торговле. Констанц, являвшийся примерно до середины XV в. центром всей льноткацкой промышленности Озера края, в конце XV — начале XVI в. пришел в упадок и его место занял Санкт-Галлеи. Во всех упомянутых выше городах (равным образом и в их сельских округах) элементы раннего капитализма прежде всего возникали в отраслях текстильного производства, работавших на экспорт¹⁹, причем исключительное значение в этом регионе, особенно в Швабии, приобрела бумагоделательная промышленность²⁰. В городских центрах «экспортного ремесла» рано стала фактом реальной действительности сначала имущественная, а затем и социальная дифференциация населения, которая с конца XV в. уже свидетельствовала о зарождении в недрах старой социальной структуры средневековых городов новых общественных классов — ранней буржуазии и, как принято его называть в марксистской литературе, предпролетариата. Необходимо также отметить, что эти классы вступили на историческую сцену в условиях резкого обострения социальных противоречий, присущих «системе феода изма», которая обнаружила очевидные признаки кризиса.

Многочисленные факты указывают также на необычайную сложность и противоречивость процесса эволюции социального строя средневековых городов. В германских землях, в том числе на территориях, образовавших на обломках империи Штауфенов Швейцарский Союз, уже в XII—XIII вв. совершался процесс консолидации сословия средневекового бюргерства из первоначального посадского населения (прежде всего купцов и ремесленников), за-

вершение которого можно датировать XIV в. Но в то же время вряд ли правомерно это бургерство трактовать как «неосновной» (или «промежуточный») общественный класс, развитие которого происходило вне «системы феодализма». Источники убедительно свидетельствуют о тесной связи бургерства со средневековыми институтами, особенно феодальным землевладением. Причем такая связь была свойственна не только патрициату, но и более широкой прослойке городского населения. Цеховые мастера и торговцы Аугсбурга, Ульма, Кауфбойрена, Констанца, Мюнхена и других городов Южной Германии в сельских округах родных городов или даже за их пределами не только занимались животноводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и цветоводством, но и выступали в роли получателей феодальной ренты или сверхценза с находящихся в личном наследственной зависимости крестьян (*leibeigenen*) церковных десятин и порою даже сосредотачивали в своих руках частично или полностью судебно-сенiorиальные прерогативы²¹. Это свидетельствовало прежде всего об относительном характере самой эманципации городского бургерства от «системы феодализма» и дает основание видеть в этом бургерстве в первую очередь сословие феодального общества. Превращение различных прослоек городского населения в сословие средневекового бургерства было длительным историческим процессом, участие в котором приняли как патриции, так и плебеи (особенно подмастерья). Процесс консолидации собственников средств производства и условий труда (ремесленных мастерских, инвентаря, сырья, торговых лавок и денег), самостоятельных производителей и торговцев в сословие феодального общества в германских землях, в отличие от Франции и Англии, протекал в неблагоприятных условиях политической раздробленности и завершился не в масштабах средневековой народности или даже универсалистской Священной Римской империи, а в границах отдельных территорий и княжеств²².

Рассматривая эволюцию социального строя средневекового общества, следует принять во внимание, что процесс формирования сословия горожан (бургерства) соответствовал условиям простого товарного производства в феодальном обществе. Спецификой этого общества в значительной степени было обусловлено и появление «трехчленной» социальной структуры городов. Однако в такой же мере очевидно, что для исследования эволюции социальной структуры тех же средневековых городов оказывается недостаточным использование дефиниций «патрициат — бургерство — плебейство», поскольку эти дефиниции не дают полного и точного представления о начавшемся еще в XV в. процессе разложения старой социальной структуры городов и, как уже отмечалось выше, зарождения в недрах этой структуры новых общественных классов.

Это относится к той стадии социального развития городов, когда оно происходит под непосредственным воздействием процессов первоначального накопления и генезиса капитализма. Поэтому попытаемся кратко проследить социальные метаморфозы каждого из элементов «трехчленной» структуры средневековых городов и установить зависимость этих метаморфоз от явлений раннего капитализма.

В этой связи необходимо иметь в виду, что после «цеховых революций» XIV — начала XV в. патрициат в большинстве городов Швабии и Швейцарии утратил монополию на власть и вынужден был разделить ее с преуспевающими представителями цехового бургера²³. Эти события знаменовали собою кардинальные перемены не только в политической, но и социально-экономической ориентации бургерской верхушки, для которой феодальное землевладение утрачивает прежнее доминирующее значение, поскольку основными родами экономической деятельности и вместе с тем источниками существования для верхушки этого бургера становятся в первую очередь ростовщичество и торговля, что и явилось важнейшей предпосылкой формирования городской знати «новой формации»²⁴. Основной критерий определения социального облика этой знати — структура ее собственности.

Структура собственности городской верхушки складывалась из разнородных элементов. Эта структура включала: 1) различные формы участия как в самом городе, так и особенно за его стенами в землевладении²⁵, которое продолжало оставаться феодальным, обнаруживая лишь тенденцию превращения в свободно отчуждаемую частную собственность «нефеодального типа», причем такая тенденция становилась фактом реальной действительности лишь в сельских округах крупных и значительных торгово-промышленных центров²⁶; 2) ренты городского казначейства (т. е. капитал с «сословно-ограниченными функциями»), уникальным источником для изучения которых являются «Книги рент» казначейства Аугсбурга²⁷, позволяющие составить достаточно ясное представление об отличии капитала с «сословно-ограниченными функциями» от его «действительно свободных форм»; 3) свободные денежные средства (ростовщический и купеческий капитал); 4) «промышленный капитал», т. е. инвестиции в производство. Соотношение между этими элементами структуры собственности в значительной степени определяло направление и характер социальной эволюции городской знати и делает возможным выделение следующих ее типов: 1) земледельцев, живших за счет присвоения феодальной ренты; 2) рантье, получающие проценты по вкладам в городское казначейство, чьи богатства были обязаны своим происхождением товарному производству, и являлись показателем его успехов; 3) купцов и ростовщиков;

4) предпринимателей-капиталистов, близко стоявших по роду своей экономической деятельности к нарождающемуся классу буржуазии. Вместе с тем отметим, что в «чистом виде» эти типы вряд ли существовали в жизни. Поэтому на практике речь может идти лишь о преобладании тех или иных элементов в социально-экономическом облике представителей городской знати: преобладание в структуре собственности последних первых двух ее типов указывало на прочную связь этой знати со средневековыми институтами, а третьего и четвертого типов — на ее эволюцию в направлении социального статуса буржуазии нового времени.

Исследование социально-экономических аспектов истории средневековых городов убеждает также и в том, насколько недостаточны обычно употребляемые дефиниции (мастер — подмастерье — ученик) для характеристики социальной структуры ремесла, развитие которого происходило сначала в условиях мелкотоварного производства, а затем и — вполне обозначившейся тенденции перехода к капиталистической структуре²⁸. Этот переход сопровождался кризисом системы цехового ремесла и возникновением нового типа отношений, что вело к изменению социального положения всей массы «трудящихся субъектов». Однако уже с конца XV в. мы наблюдаем процесс быстрого сокращения численности самостоятельных производителей, рядом с которыми появились, с одной стороны, мелкие ремесленники, формально обладавшие правами метризы, но фактически над которыми уже стоял предприниматель-раздатчик (*Verleger*), с другой — различные категории экономически несамостоятельных производителей, находившихся на пути превращения в наемных рабочих. Изменились и отношения мастеров с подмастерьями. Если раньше основным мотивом хозяйственной деятельности мастера было «приличное его положению существование, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое»²⁹, то теперь для преуспевающей цеховой верхушки нормой производственных отношений как с подмастерьями, так и с обедневшими мастерами своих же корпораций стала аккумуляция предпринимательскими элементами прибавочной стоимости и переход к расширенному воспроизводству. Эта тенденция эволюции социальной структуры цехового ремесла получила реализацию в процессе отделения производителя от средств производства и условий труда. На первом этапе этого процесса мелкие производители утрачивали самостоятельную роль на рынке закупок сырья и сбыта готовых изделий или полуфабрикатов и переставали выступать на нем в качестве товарораздатчиков. Увеличение числа производителей, которые были экспроприированы или находились на этом пути, и сокращение численности самостоятельных товаропроизводителей создавало благоприятную почву для деятельности капиталистов-предпринимателей. В их

роли обычно выступали купцы или разбогатевшие цеховые мастера. Последние по мере роста их богатств и расширения масштабов предприятий отказывались от участия в производстве личным трудом и брали на себя функции его организаторов. Метаморфозы социальной структуры средневековых городов не ограничивались, однако, только этим.

Процесс формирования новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, которые рекрутировались главным образом из различных категорий населения средневековых городов, начался в Швабии и «городских кантонах» Швейцарского Союза примерно с середины XV в. Причем уже на первом этапе генезиса (в конце XV — начале XVI в.) класс ранней буржуазии распался на две фракции — торговую и промышленную³⁰. Противоречия между этими фракциями нашли отражение в развернувшемся в Германии в первые десятилетия XVI в. «антимонополистическом» движении³¹. «Монополисты» (особенно сильными их позиции были в Аугсбурге), составляя тончайшую прослойку городской верхушки, в борьбе с конкурентами использовали государственно-правовые механизмы, прибегая к средствам внеэкономического принуждения и подавляя тем самым более широкую прослойку раннекапиталистических элементов, чем тормозили процесс их консолидации в класс буржуазии. Что же касается превращения мелких производителей в класс наемных рабочих, то этот процесс также встречал на своем пути серьезные препятствия и в XVI в. был далек от завершения. Система цехового ремесла или сдерживала прогрессивную тенденцию социально-экономического развития, или подвергалась «капиталистическому перерождению» в тех случаях, когда в рамках этой системы произрастали производственные отношения между трудом и капиталом. В таких условиях наемный труд, возникший еще в мелкотоварном производстве³², все более освобождался от патриархальной оболочки и приобретал самостоятельное значение в общественном производстве. Имеющиеся в распоряжении исследователей факты³³ позволяют заключить, что в таких южнонемецких городах как Нюрнберг, Аугсбург и Ульм, наемные рабочие, подвергавшиеся капиталистической эксплуатации, уже на рубеже XV—XVI вв. составляли около 10—15% от общей массы самодельного населения этих городов. Однако значение данного обстоятельства не следует преувеличивать. Дело в том, что хотя зачаточные формы капиталистических отношений к тому времени успели пустить достаточно глубокие корни в передовых центрах юго-западного региона германских земель, проявились они в большинстве случаев в рамках так называемой «системы раздач». Капиталистам тогда противостояли не столько наемные рабочие, объединенные в процессе производства «общей кровлей», сколько формально самостоятель-

ные «неимущие ремесленники» (Habnithantwercker), фактически уже подчиненные власти капитала.

Ревюмируя сказанное выше, необходимо подчеркнуть следующее. В начале рассматриваемого периода, т. е. еще в XIV в., в Швабии и Швейцарском Союзе завершился процесс социальной консолидации различных прослоек городского населения в сословие феодального общества. Политическая консолидация этого сословия ярко выражена в границах кантонов и отчасти всего Союза, но не имела четких географических границ как в пределах Германии, так и даже Швабии. Такое положение объясняется тем обстоятельством, что неоднократно предпринимавшиеся в XIV — начале XV в. попытки политического объединения бюргерства Южной и Рейнской Германии потерпели полную неудачу³⁴, которая оказала влияние на эволюцию общественного сознания этого бюргерства от «имперского» к партикуляристскому. Необходимо также иметь в виду, что консолидация бюргерства в сословие не устранила «трехчленной» социальной структуры средневекового города. Отсюда следует, что дефиниция «бюргерство» может употребляться как в широком смысле, когда речь идет о сословии феодального общества, так и в узком, — когда имеются в виду средние слои городского населения (или «средний класс»). Со второй половины XV в. в германских землях, о чем сказано выше, начался процесс зарождения в недрах социальной структуры средневекового города новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, причем, во-первых, новые классы и в XVI в. составляли лишь незначительное меньшинство населения города, структура которого по преимуществу продолжала оставаться средневековой; во-вторых, уровень общественного сознания обоих классов определялся и обусловливался их недостаточной социально-политической «зрелостью» и порою, особенно если иметь в виду перспективу исторического развития, вступал в противоречие с собственными интересами и характером экономической деятельности того же класса³⁵; в-третьих, уже на начальном этапе своего становления класс ранней буржуазии распался на фракции торговой (ее верхушку составляли «монополисты») и мануфактурной буржуазии, противоречия между которыми ярко проявились не только в «антимонополистическом» движении, но и нашли отражение в требованиях радикальной группировки немецкого бюргерства в «Гейльброннской программе»³⁶.

Эволюцию отношений собственности в значительной мере определяли исторические судьбы средневековых городов. Прежде всего необходимо принять во внимание, что эти города развивались в условиях «феодального окружения», в котором доминирующие позиции занимала феодальная собственность на землю со всеми вытекающими из данного факта последствиями. Отношения собственно-

сти в этом «окружении» служили целям «феодального обирательства» городского населения господствующим классом землевладельцев, что создавало трудно преодолимые препятствия на пути свободного развития производительных сил. Поэтому коммунальное движение горожан носило освободительный характер и его успех вел к хотя бы относительной, но эманципации от «оков системы феодализма». Одной из важнейших целей движения являлось установление городской автономии и органов самоуправления. Эти цели достигались как с помощью выкупных операций и приобретения коммунальных хартий за деньги, так и путем открытого (порою вооруженного) противоборства бургераства с феодальными сеньорами. Успех бургераства в коммунальном движении давал ему многое и в том числе вносил корректив в отношения собственности и даже образовывал историческую предпосылку возникновения качественно новых форм безусловной частной собственности. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что город, выступая в роли центра товарно-денежных отношений, оказывал разлагающее влияние на институт феодальной собственности, вовлекая землю, этот «экономический базис» и оплот политического господства феодального дворянства и католической церкви, в систему рыночных отношений и содействуя таким образом ее превращению в товар. Многочисленные акты весьма красноречиво указывают на то упорство, с каким богатые горожане, приобретая землю у феодалов с помощью операций купли-продажи или закладов, стремились изъять эту землю из системы вассально-ленных связей и сделать ее полной и свободно отчуждаемой собственностью³⁷. Переход земельных владений от феодального дворянства к бургерской верхушке хотя и не означал переворота в способе производства и не вел к структурной перестройке в аграрном секторе экономики, этот же переход, однако, имел следствием включение деревни в систему рыночных отношений и оказывал воздействие на эволюцию феодальной ренты, способствуя развитию прогрессивных тенденций в социально-экономической жизни деревни и создавая условия для появления в ней элементов раннего капитализма.

В то же самое время эманципация средневекового города от «феодального окружения», подчеркнем еще раз, была относительной и не вела к полному освобождению от «пут феодализма». Даже в случае успеха коммунального движения в городах сохранились рудименты сеньориального происхождения в их социальном быте. К тому же не все города даже средних масштабов в Юго-Западной Германии освободились от власти духовных и светских князей. К примеру, кемптенский аббат обладал в городе высшей уголовной юрисдикцией, правом назначения на все должности в городской администрации, получал половину средств от сбора всех косвенных

налогов (унгельтов), «весовые деньги» на городском рынке, взимал в свою пользу подушную подать со всех жителей города, чинши с мясников, городской богадельни, ренты с крестьян городской округи, со всех домов в самом городе и садов у его стен. Аббат обладал также правом собственности на покосы в округе Кемптена, баналитетными правами на выпечку хлеба, торговлю мясом и даже на пошив обуви³⁸. Понятно, что такой порядок вещей вызывал недовольство большинства горожан, которые стремились его изменить. С другой стороны, тот же средневековый город и верхушечная прослойка его населения в отношениях с сельской окружной, как бы вступая на место феодального сеньора, выполняли функции агентов господствующего класса. Правда, тут же следует оговориться, что характер деятельности городской администрации в деревне существенным образом отличался от характера деятельности сеньориального аппарата, поскольку первая не только опиралась прежде всего на правовые нормы и менее второго обнаруживала склонность к произволу, хотя в то же самое время являлась более жесткой в требованиях относительно выполнения крестьянами их обязательств по контрактам (договорам) и повинностей, весьма решительно порывая с патриархальными устоями в социальном быте самой деревни.

И все же, необходимо это признать, на социальную эволюцию средневекового города сильное влияние оказalo возникновение «действительно свободных форм капитала» — купеческого и ростовщического — в качестве необходимого условия зарождения в недрах социально-экономической структуры «системы феодализма» частной (или «буржуазной», по принятой в отечественном обществоведении терминологии) собственности на средства производства и условия труда, в том числе на землю. Если на раннем этапе истории средневекового города основным критерием знатности верхушки его населения было обладание недвижимой собственностью (особенно землей) как в самом городе, так и за его стенами, то в дальнейшем (после «цеховых революций») «старый патрициат» был потеснен патрициатом «новой формации» и богатыми цеховыми мастерами и торговцами, политическое влияние которых опиралось прежде всего на находившиеся в их распоряжении денежные средства, их роль в системе рыночных отношений и отчасти — в общественном производстве. Конечно, это еще не означало необратимости исторического процесса и исключения феодального землевладения из числа факторов, оказавших существенное воздействие на эволюцию социальной структуры средневекового города. Феодальное землевладение и престиж дворянских титулов и званий продолжали обладать огромной притягательной силой для преуспевающей верхушки городского бургерства, которая в новых исторических условиях инвестирует денежные средства, приобретенные главным

образом торгово-предпринимательской деятельностью, в то же феодальное землевладение, которое, однако, служит для этой верхушки не столько источником существования, сколько способом поддержания социального престижа³⁹. Другим проявлением консервативной тенденции в социально-экономическом развитии средневекового города являлось образование капитала с «сословно-ограниченными функциями» в виде рент городского казначейства и коммунальной собственности на некоторые предприятия в черте города или его окресте (например, белильные и красильные мастерские, бумагопрядильные мельницы в центрах текстильного производства), построенные на средства магистратов. Распоряжение этими объектами собственности было ограничено условиями аренды и регламентировано в духе средневековой корпоративности.

Экономический базис средневекового города, как известно, образует мелкотоварное производство и соответствующая последнему собственность «трудящихся субъектов» на средства производства и условия труда. Обладание этой собственностью и участие в общественном производстве в качестве самостоятельных товаропроизводителей и товаровладельцев служило надежной гарантией гражданской правоспособности основной массы городского населения — бюргерства. Предвестник наступления капиталистической эпохи — кризис института «трудовой» собственности мелких производителей. Уже во второй половине XV в. численность пауперов и «неимущих ремесленников» в центрах раннекапиталистического производства достигала 60 % от всей массы самодеятельного населения городов⁴⁰. По словам К. Маркса, это указывало на «экспроприацию непосредственных производителей, т. е. частной собственности, покоящейся на собственном труде»⁴¹. Противоположность богатства и бедности, известная в более ранней стадии эволюции социального строя средневекового города, с возникновением зачаточных форм капиталистических производственных отношений приобретала некоторые признаки противоположности между трудом и капиталом. Это обстоятельство не могло не оказать влияния и на характер противоречий, отражавших новые социально-экономические тенденции исторического развития средневековых городов.

В исторических условиях начальной стадии перехода от феодализма к капитализму принципиально иным содержанием наполнялись и традиционные формы социальных противоречий. «Почвой, взаставшей идеи свободы и равенства, — признавал и В. И. Ленин, — было именно товарное производство»⁴². В этой связи становится понятным, почему еще К. Маркс указывал на «заговорщический и революционный характер городских движений» бюргерства против феодального дворянства в средние века⁴³. Однако в условиях начавшегося процесса генезиса капитализма как бюргерст-

во, так и другие прослойки городского населения в борьбе с феодалами уже не ограничивались требованием введения автономии и коммунального устройства в самих городах, все чаще и энергичнее выдвигая требования установления сословного и даже социального равенства, преобразования всей системы общественных отношений, отношений собственности в том числе. Борьба цехового бюргерства с патрициатом все более приобретала черты борьбы широких слоев городского населения с правящей олигархией, в ходе которой, как это попытался показать автор настоящей статьи на примере Аугсбурга⁴⁴, в повестку дня был поставлен вопрос об отношении к первоначальным формам капиталистического предпринимательства и безусловной частной собственности. Зарождение этой качественно новой формы собственности с вытекающими из нее производственными отношениями с необходимостью оказывало влияние на характер социальных противоречий во всем феодальном обществе.

Источники красноречиво свидетельствуют также и о том, что зачаточным формам капиталистических производственных отношений соответствовали такие же «незрелые» формы социальной борьбы. «Неимущим ремесленникам» и «частичным производителям» (Tailwercker) обычно противостоял, о чем уже было сказано выше, не владелец мануфактуры, а капиталист-раздатчик⁴⁵. В силу данного обстоятельства мелкие производители, даже подвергавшиеся «капиталистической эксплуатации», в одних случаях, как это имело место в 1512 г. в Ульме⁴⁶, вели борьбу не с капиталистами-предпринимателями, а со своими деревенскими конкурентами; в других случаях, как это, например, произошло в конце XV — начале XVI в. в Аугсбурге⁴⁷, хотя и выступили против «раздатчиков», но требовали восстановления утраченных позиций в экономической жизни общества в качестве самостоятельных товаропроизводителей и опирались не столько на реалии социально-экономической действительности или были устремлены в будущее, сколько обращены к идеализируемому на уровне обыденного сознания образу корпоративного ремесла, которое уже сыграло свою историческую роль и с неизбежностью становилось достоянием прошлого. «Пролетарские» требования повышения заработной платы и улучшения условий труда рабочие выдвигали крайне редко. С требованием повышения заработной платы еще в начале второй половины XV в. выступили строительные рабочие Нюрнберга, а в 1517 г. — рабочие той же профессии в Аугсбурге⁴⁸. Однако такие требования возникали в специфической среде строительных рабочих, вряд ли свидетельствовали о их «капиталистической эксплуатации» и не отражали магистрального направления в развитии социальных противоречий в переходную от феодализма к капитализму эпоху.

Основным антагонизмом, проходящим красной нитью через всю историю западноевропейского средневековья, были противоречия между классом собственников земли (феодалами), с одной стороны, и классом ее держателей-земледельцев (крестьян), — с другой. Этот антагонизм в германских землях достиг апогея во время Реформации и особенно Крестьянской войны, события которых марксистская историография трактует как первый опыт буржуазных революций в Европе. Опираясь на «урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянские восстания XVI века и революцию 1848 года в Германии», изучение которого Ф. Энгельс предпринял еще в середине прошлого века⁴⁹, В. И. Ленин пришел к выводу, что «простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам мелких хозяев только руководство либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁵⁰. Эта ленинская ригорическая формулировка, которую хотя и отличает очевидная прямолинейность, недоверие к «мелкобуржуазным массам» и ориентация на революционное сознание «пролетариата», в то же время в определенной мере отражает действительное положение. Дело в том, что в условиях XVI в. рассчитывать на успех могли только те политические силы, которые намерены были осуществить общественные преобразования, на практике приближающие капитализм. В роли лидера и идеолога революции должна была выступить радикально-бюргерская оппозиция, являющаяся не только далекой предтечей, но и прямой предшественницей революционной буржуазии начала нового времени. В свою очередь успех деятельности этой оппозиции во многом зависел от развития отношений между городом и деревней.

Оппозиция феодальному дворянству и католической церкви, казалось бы, делала крестьянство «естественным союзником» нарождающейся буржуазии в ее борьбе против феодального режима. Однако отношения между городом и деревней в позднее средневековье осложнялись по нескольким причинам. Причем дело не только в том, что город продолжал выступать в роли коллективного сеньора деревень округи, а патриции, богатые купцы и преуспевающие цеховые мастера владели в сельской округе сверхцензами, церковными десятинами, наделами пахотной земли или даже хуторами и деревнями, правами сеньориальной юрисдикции, но и в том, что бурное развитие сельских промыслов превратило деревенских ремесленников в опасных конкурентов городских цеховых мастеров. Д. У. Сейбин, признавая сам факт острых социальных противоречий в южнонемецкой деревне начала XVI в., в то же время утверждает, что восстание 1525 г. было направлено «против господ и поденщиков».

имен в виду под последними не столько наемных работников в собственном смысле слова, сколько многочисленных в юго-западном регионе германских земель «ткачей-крестьян» (Webergru), которые хотя и проживали в деревнях, владели небольшими парцеллами пашенной земли и обладали правами на пользование альмендой, существовали, однако, по преимуществу за счет занятий промышленной деятельностью (особенно прядением и ткачеством). В силу данной причины, по Сейбину, у деревенских ремесленников (и опять-таки в первую очередь у ткачей и прядильщиков), а также у батраков, не было достаточно веских оснований участвовать в крестьянском движении. Поэтому Крестьянская война в Германии, заключает он, велась только в интересах деревенской верхушки⁵¹. Согласие с этим выводом Сейбина выразил Э. Хойер⁵². По мнению П. Бликле, крестьянские требования и цели движения 1525 г. не находили понимания и поддержки со стороны большинства цехового бюргерства (за солидарные с крестьянами действия высказывалось лишь «радикальное меньшинство» горожан), что и явилось, как полагает тот же Бликле, одной из основных причин поражения крестьянского восстания⁵³. Так ли это было на самом деле?

Суммарное рассмотрение проектов общественных преобразований и программных требований революционного движения, свидетельств современников и очевидцев событий, на что уже обращал внимание автор этих строк⁵⁴, дает основание сформулировать вывод, что радикальная группировка немецкого бюргерства вела борьбу за преобразование политического строя Германской империи и передачу власти на местах представителям крестьянско-бюргерского союза, склоняясь при этом, особенно на юго-западе германских земель, к установлению республиканских институтов, реформе церкви и секуляризации ее имущества, установлению сословного равенства, отмене личностной зависимости крестьян и связанных с нею повинностей, укреплению владельческих прав крестьян на землю и их связей с городским рынком, созданию благоприятных условий для хозяйственной деятельности крестьян вообще, свободе предпринимательства и устранению препятствий на его пути. Эта группировка выдвигала требования, в случае реализации которых феодальное землевладение преобразовывалось в «свободное достояние». Радикально-бюргерская оппозиция во Франконии во главе с Бенделем Гиплером и Фридрихом Вейгандтом в уже упомянутой выше «Гейльброннской программе» требовала преодоления княжеского мелкодержавия, объединения германских земель и образования централизованного государства⁵⁵, что отвечало интересам подавляющего большинства населения Германии, крестьянства в том числе. В то же самое время радикальная группировка немецкого бюргерства ревностно стояла на защите института частной собственно-

сти и решительно отвергала возникавшие главным образом в племенных слоях общества требования уравнительного передела имущества и установления их «общего пользования».

На пути реализации самой идеи союза бургерства с крестьянскими массами возникали серьезные препятствия. Такими препятствиями являлись уже известное читателю участие магистратов и городской верхушки в феодальном землевладении и острая конкуренция между сельскими промыслами и городским цеховым ремеслом. Еще одним обстоятельством, оказавшим влияние на настроения противоборствующих сил в самих городах и линию социально-политического их поведения, был страх, который богатые и зажиточные бургеры испытывали перед уравнительными требованиями радикальных элементов в общественном движении. В феврале 1525 г. баварский канцлер и фактический глава Швабского Союза Леонхард фон Эк писал, что, по его убеждению, «...ногие города охотно поддержали бы (восстание крестьян против помещиков. — Ю. Н.), если бы они не опасались за свои состояния»⁵⁶. Эта точка зрения Эка находит подтверждение и в свидетельствах других многочисленных источников, в том числе в городских хрониках⁵⁷. Социально-психологический фактор и на самом деле сыграл неблагоприятную для исхода революции роль, поскольку угроза обобществления имущества оттолкнула от нее многих состоятельных людей. Современники и очевидцы событий Крестьянской войны связывали требование установления общности имущества с деятельностью и учением Томаса Мюнцера и его сторонников. Дискуссия по вопросу, был ли Мюнцер приверженцем идеи обобществления имущества, имела место и в западной историографии⁵⁸; участие в этой дискуссии приняли и советские историки, одним из выразительных эпизодов которого стала полемика А. Э. Штекли с М. М. Смирином.

Рассмотрев вопрос об уравнительных требованиях, которые выдвигали представители радикальных группировок в общественном движении во время Крестьянской войны, М. М. Смирин пришел к выводу, что «Идея общности имущества приписывается ... Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнета господ и положить конец их излишествам. Он же имел ... в виду только устранение господ и передачу богатств в практически мыслимой в то время индивидуальной трудовой или общинной собственности»⁵⁹. По мнению Смирина, Мюнцер включал «трудовую собственность крестьян и ремесленников» в понятие «общности имущества». Иной точки зрения придерживается А. Э. Штекли, который, изучив высказывания самого Мюнцера и свидетельства других источников, сформулировал вывод, что «...трудно согласиться с М. М. Смирином, будто бы идея общности имущества приписывается Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнета гос-

под»⁶⁰. Штекли полагает, что идея общности имущества органически присуща учению народной реформации Мюнцера, который необходимость ее осуществления признавал не только в теории, но и на практике. Кто же прав в этом споре?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к тексту «Истории Томаса Мюнцера», автором которой современная историография называет одного из ближайших сподвижников Мартина Лютера — «учителя Германии» Филиппа Меланхтона⁶¹, использовавшего в своем труде протокол допроса Мюнцера перед казнью. В «Истории» Меланхтона мы читаем, что Мюнцер был убежден: «Христианская любовь требует, чтобы никто не стоял над другим, чтобы каждый был свободен и существовала бы общность имущества»⁶². Ф. Энгельс, имея в виду далеко идущие планы вождя радикальных элементов, представлявших в общественном движении интересы обездоленных слоев населения как деревни, так и особенно города, сведения о настроениях и требованиях которых Энгельс почерпнул главным образом из книги «мелкобуржуазного демократа» В. Циммермана⁶³, трактовал взгляды Мюнцера в «Крестьянской войне в Германии» как «предвосхищение коммунизма в фантазии»⁶⁴. Читателю уже известно, что такие взгляды, по мнению М. М. Смирнина, «приписывались» Мюнцеру его врагами, а по мнению А. Э. Штекли, — отражали подлинные убеждения Мюнцера. Поэтому отношение к полемике Штекли со Смирним можно выразить следующим образом.

Если иметь в виду то направление общественной мысли, которое принято рассматривать в качестве предтечи утопического коммунизма нового времени, тогда вполне можно признать правоту А. Э. Штекли. Если же иметь в виду практику общественного движения и характер социальной борьбы во время Крестьянской войны, необходимо согласиться, что у М. М. Смирнина были основания для вывода, что Мюнцер включал хозяйства крестьян и ремесленников («мелкую трудовую собственность») в категорию «общности имущества»⁶⁵. Источники дают основание для гипотетического предположения, что реальная действительность феодального общества и практическая деятельность революционера убеждали Мюнцера в невозможности немедленной реализации требования обобществления имущества, которое он не мог не разделять и не поддерживать, выступая в роли идеолога прежде всего плебейских слоев тогдашнего общества (в том числе «предшественников пролетариата нового времени»).

Итак, социально-экономическое развитие средневекового города в XIV—XVI вв., которое было рассмотрено в основном на примере Швабии и Швейцарского Союза, отличалось большой противо-

речивостью. Этот город, являясь, с одной стороны, продуктом и органическим элементом феодального общества, с другой — центром ремесла и торговли, в силу последнего обстоятельства рано вступил в острые противоречия с сеньориальным режимом, который являлся «становым хребтом» всей «системы феодализма». Развитие производительных сил в рамках цехового (или внецехового) мелкотоварного ремесла экономически не зависело от «надельной системы», присущей феодальному способу производства. Поэтому в средневековом городе имели место отношения собственности, принципиально отличные от «аграрного сектора» феодальной структуры экономики. Однако «аграрный сектор» долгое время продолжал оказывать существенное влияние на эволюцию социального строя средневекового города и формирование его «трехчленной» структуры. Успехи товарного производства в этом городе, сопровождавшиеся распределением товарно-денежных отношений и на деревню, способствовали укреплению социальных позиций средних слоев городского населения — бюргерства. Возникновение явлений раннего капитализма и зарождение мануфактурного производства имели следствием экспроприацию мелких производителей, их превращение в пауперов (или «неимущих ремесленников»), подвергавшихся капиталистической эксплуатации. При достаточной степени зрелости товарно-денежных отношений, как известно (это признает и ортодоксальный марксизм), «капитал вырастает из мелкотоварного производства»⁶⁶. Все это создавало сложный симбиоз производственных отношений и соответствующих последним форм собственности. В этом симбиозе причудливо переплетались черты прошлого с новыми тенденциями общественного развития. Разложение социальной структуры цехового ремесла (равным образом и всей системы мелкотоварного производства) подготавливало почву для появления на исторической сцене новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, противоречия между которыми хотя и имели место, но в переходную от феодализма к капитализму эпохуряд ли носили антагонистический характер: представители обоих зарождающихся классов принадлежали к неполноправному «третьему сословию» средневекового общества, в котором доминирующее положение продолжали занимать привилегированные сословия господствующего класса, т. е. духовенство и дворянство, что в значительной мере было обусловлено монополией собственности последних на землю. Такая форма собственности и являлась экономическим фундаментом политического господства этих сословий.

Однако упомянутое от структуры феодального общества рассмотрение социальной эволюции средневекового города нельзя признать в научном отношении в достаточной мере корректным. Средневековый город, оказывая действенное влияние на

«феодальное окружение» и, более того, в значительной степени определяя прогрессивные тенденции развития всей социально-экономической «системы феодализма», вместе с тем и сам испытывал сильное воздействие этого «окружения». Как писал Ф. Энгельс, «в начале XVI века различные сословия империи — князья, дворяне, прелаты, патриции, бургеры, плебей и крестьяне — составляли чрезвычайно хаотичную массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимоперекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными»⁶⁷. И на самом деле, крестьяне вели борьбу с феодалами, города, среднее и мелкопоместное дворянство — с князьями, светские князья и дворяне — с прелатами церкви, цеховое бургество — с патрициями, наемные рабочие и «неймущие ремесленники» — с предпринимателями-раздатчиками, цеховые мастера — с деревенскими конкурентами, причем в числе коренных вопросов, вокруг которых развернулась эта борьба, был вопрос о собственности. В одних случаях речь шла о перераспределении собственности (прежде всего земли) между различными группировками землевладельцев феодального, или «полуфеодального», типа (этой цели должна была служить секуляризация церковных имуществ в пользу «светских сословий»); в других — в повестку дня по существу был поставлен вопрос о преобразовании феодальной собственности в «свободное достояние», т. е. в так называемую «буржуазную собственность»; в третьих — выдвигались «фантастические» проекты «всеобщего передела имуществ» и установления их «общего пользования». Отметим также, что попытки реализации идеи «общности имуществ» предпринимались анархистами не только в экстремальных условиях Мюнстерской Коммуны⁶⁸, но и еще до прихода адептов «новой веры» к власти в Мюнстере хутгеровскими братьями⁶⁹, у которых их «общее пользование» продержалось в течение примерно полутора столетий.

Своеобразие исторических условий германских земель начала XVI в., наиболее ярко проявившееся в событиях Реформации и Крестьянской войны, помимо прочего, состояло и в том, что требования участовавших в них и оппозиционных существующим порядкам сил обычно выражались сквозь призму религиозного сознания, согласовывались с христианским вероучением и этическими постулатами последнего. В этих условиях, по словам Ф. Энгельса, «всякая борьба против феодализма должна была ... принимать религиозное обличение»⁷⁰. Правда, тут же следует отметить, что на представления не только лидеров, но и рядовых участников различных течений в реформационном движении, в том числе и самых радикальных, о свободе, равенстве и назначении властей прямое или опосредство-

ванное влияние оказывала и идеология гуманизма⁷¹. Гуманисты в своем отношении к злободневным социальным вопросам современности, особенно к бродяжничеству, нищенству и пауперизму, этим продуктам первоначального накопления и генезиса капитализма, вполне определенно обнаруживали, говоря языком марксизма, «классовую ограниченность», признавая труд высшей ценностью и добродетелью христианина и объявляя уклонение от последнего величайшим грехом и пороком. Поэтому гуманисты требовали применения суровых наказаний ко всем тем, кто не следовал такой норме поведения⁷². Отношение к этому злободневному для начала XVI в. вопросу во многом определяло цели и задачи участвовавших в реформационном движении общественно-политических сил.

В январе 1523 г. программу радикальной группировки бюргерства, действовавшей на территории Швейцарского Союза, Цвингли сформулировал в «67 статьях». Уже во время восстания 1525 г. была предпринята попытка применения ее основополагающих положений в «Гейльброннской программе» с целью реформы всей политической системы Германской империи. Одного из авторов программы, Венделя Гиплера, Ф. Энгельс называл представителем «средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации». По словам Энгельса, Гиплер пришел «к предчувствию современного буржуазного общества». Однако тот же Энгельс оценку деятельности Гиплера и проекта его реформ ограничивал только «предчувствием», поскольку, по мнению Энгельса, «зашщищаемые им (Гиплером. — Ю. Н.) принципы и выдвигаемые им требования не представляли собой чего-то непосредственно возможного...»⁷³. В отличие от Энгельса, В. А. Ермолов, не вступая с ним в открытую полемику, вместе с тем в своем исследовании показывает реалистичность требований «Гейльбронской программы». Программа, с точки зрения Ермолова, «... впитала в себя все наиболее настоятельные требования народа» и «отвечала интересам всех оппозиционных сословий тогдашнего общества»⁷⁴. Именно реализм программных установок и осознания лидерами бюргерской оппозиции во Франконии пределов возможного и практически достижимых результатов преобразований не могли удовлетворить радикальных элементов, участвовавших в общественном движении. Эти элементы в своем стремлении к достижению свободы и полного равенства, «опережая время» и отрываясь по этой причине от реальной почвы, в своих планах преобразования существующего строя рисовали фантастическую картину социальной утопии, в которой должна была воплотиться их мечта о счастье и обществе «всеобщего благодеяния».

Учение и программа деятельности радикальных элементов (адептов так называемой «народной реформации») были сформулированы Мюнцером, Гайсмайером и анабаптистами. Если Цвингли и

Гиплер не шли далее преобразования института феодальной собственности в соответствии с потребностями начавшегося капиталистического развития, авторы доктрины народной реформации, есть основания так полагать, конечную цель своей деятельности видели в необходимости ликвидации тех форм частной собственности, которые порождали отношения угнетения и эксплуатации, хотя вопрос о приверженности Мюнцера, о чём сказано выше, и Гайсмайера идее «уравнительного коммунизма» и сегодня остается спорным в исторической литературе. Крестьяне же, требуя освобождения от феодального гнета, стремились к созданию благоприятных условий для своей производственной деятельности и упрочению связей с городским рынком, в чём они находили поддержку со стороны бюргерской оппозиции⁷⁵. Большинство цеховых ремесленников, участвуя в общественном движении, пытались сохранить или вернуть утраченное ими положение самостоятельных товаропроизводителей и собственников. Идею «общности имущества» большинство «трудящихся субъектов» города и деревни, как правило, разделяло лишь в той мере, в какой она служила решению задачи перераспределения собственности, прежде всего секуляризации церковных имуществ в интересах тех, «кто сидел на своих наделах», укреплению владельческих прав крестьян на землю и в конечном счете преобразования крестьянских наделов в «мелкую трудовую собственность». Реализация этих требований на практике создавала бы необходимые предпосылки для развития капитализма в деревне. С такой же остротой в программных документах Крестьянской войны был поставлен вопрос о власти⁷⁶, которую, по крайней мере на региональном уровне, по убеждению авторов большинства программных документов, следовало передать в руки представителей «крестьянско-бюргерского союза». Все эти исторические явления в значительной степени были обусловлены эволюцией, которую к тому времени совершила социально-экономическая структура средневекового города. В этом смысле город и на самом деле прокладывал Европе дорогу в новое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Bd. I. Hlbd. I. München; Leipzig, 1928 (русский перевод: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. I. М.; Л., 1931); Striber J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925; Idem. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen zur Entstehung der größeren bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgangen der Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zunächst zu Augsburg. 2. Aufl. Leipzig; München, 1935.

² О полемике между В. Зомбартом и Я. Штиридером см.: Нескрайко Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв. (по материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. (Вып. 1). С. 92—

99. Ср. также: Данилов А. И. Проблемы аграрной историографии конца XIX — начала XX вв. М., 1958. С. 29—31, 96—112; Смирнов М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969. С. 8—9, 318—323, 325, 339; Гуттова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974. С. 343—346, 385.

³ См.: Abel W. Wüstungen und Preisfall im Spätmittelalterlichen Europa // JNÖS. 1953. Bd. 165. Н. 3-4; Idem. Massenarmut und Hungerkrisen in Vorindustriellen Europa. Versuch einer Synoptis. Hamburg; (West-) Berlin, 1974; Lutge F. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1963.

⁴ См.: Коcминский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // Коcминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сб. статей. М., 1963. С. 262—284; Майер В. Е. Вопросы аграрной истории Германии в освещении буржуазной историографии ФРГ // СВ. 1964. Вып. 26. С. 117—131; Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении западной медиевистики. М., 1973. С. 176—216.

⁵ См.: Rosengerg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt/a. Main, 1969. S. 81—82, 92—93, 99—100, 106, 123, 132.

⁶ Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Gesellschaftliche Unterschichten in der südwestdeutschen Städten. Stuttgart, 1967. S. 3; Idem. Mittelschichten der deutschen Städte. Stuttgart, 1972. S. 2—4.

⁷ См.: Hartung J. Die augsburgische Zuschlagsteuer von 1475. Ein Beitrag zur städtischen Stenerwesens, sowie der sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters // JGVV. 1895. Н. 1; Idem. Die augsburgische Vermögenssteuer des 16. Jahrhunderts // JGVV. 1898. Н. 2; Idem. Die direkten Steuern und Vermögensentwicklung // JGVV. 1898. Н. 4.

⁸ Strieder I. Zum Genesis... S. VIII.

⁹ Jecht H. Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // VSWG. 1926. Bd. 19. S. 52—53.

¹⁰ Endres R. Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnbergs im XV—XVI Jahrhundert // MGN. 1970. Bd. 57; Idem. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).

¹¹ Marx K. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 727.

¹² См.: Там же. Т. 3. С. 23, 50—52, 77—78; Т. 4. С. 424—425; Т. 7. С. 325—356; Т. 20. С. 167—168; Т. 21. С. 406—409; Т. 22. С. 322; Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. С. 475—476; Т. 6. С. 311; Т. 39. С. 16.

¹³ См.: Стокликая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960. Ср. также: Она же. Очерки по социальной истории немецкого города XIV—XV вв. М., Л., 1936.

¹⁴ Bertold B., Engel E., Laubach A. Die Stellung der Bürgertums in deutschen Feudalgesellschaft bis zum Mitte des 16. Jahrhunderts // ZfG. 1973. Н. 2. S. 196—217; Vogel G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft // ZfG. 1973. Н. 10. S. 1182—1208; Hoffmann H., Mittenzwei I. Die Stellung des Bürgertum in deutschen Feudalgesellschaft von der Mitte des 16. Jahrhunderts bis 1789 // ZfG. Н. 2. S. 190—207.

¹⁵ Негуляева Т. М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—XIV вв. // СГ. 1968. (Вып. 1). С. 61—76; Она же. Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге (XII—XIV вв.) // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 169—177; Она же. Некоторые проблемы истории средневекового города и бурггерства в урбанистике ГДР // СГ. 1978. Вып. 5. С. 143—151; Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности // СГ. 1974. Вып. 2. С. 3—45.

¹⁶ См.: Чистозонов А. Н. Проблемы истории средневековья на V конгрессе историков ГДР // СВ. 1973. Вып. 37. С. 294—302; Социальная природа средневекового бурггерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 3—14, 234—237.

¹⁷ См.: Чистозонов А. Н. О социальной природе средневекового бурггерства (постановка проблемы) // СВ. 1982. Вып. 45. С. 185—195; ср.: Кюттель В. Город и бурггерство при феодализме. Теоретические проблемы исследования города в ГДР // Там же. С. 141—184.

¹⁸ Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 112—113; Она же. К социальному-экономической истории Аугсбурга в XV в. // Проблемы германской истории. Вып. 2. С. 154—159; Она же. Происхождение и программа деятельности радикально-бурггерской оппозиции в Аугсбурге в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39. С. 147—149; Она же. Чеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации

ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI вв. // СГ. 1981. Вып. 6. С. 152—156; Он же. Эволюция социального строя Швабии и Швейцарского Союза в XV—XVI вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 193—199.

¹⁹ См.: Некрасов Ю. К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии в XIV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979. С. 31—64; Он же. Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI вв.) // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI—XVII вв. М., 1981. С. 65—85.

²⁰ Stiglitz W., von. Die Gründung der Baumwollindustrie im Mitteleuropa. Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978. S. 70—78, 88—89, 145—146 ff.

²¹ Das Lehenbuch des Hochspitals Augsburg von 1424. Bearb. von H. Vietzen. Kempten, 1939; Umlisches Urkundenbuch. Bd. 2. T. 1—2: Die Reichstadt (von 1315 bis 1356). Hrsg. von G. Veesenmayer u. H. Bazing. Ulm, 1898—1900; Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren (Stadt, Spital, Pfarrei, Kloster) 1240—1500. Bearb. von A. Dertsch. Augsburg, 1955; Die Urkunden der Heiligspital in München 1250—1500 / Bearb. von W. E. Vock. Augsburg, 1959.

²² См.: Гутнова Е. В. Роль бурггерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бурггерства... С. 72 след. Ср.: Колесников И. Ф. Политическая борьба в германских землях в XIII—XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.). Вологда, 1985. С. 61 след., 66—68, 81—82 (прим. 22).

²³ Czok K. Die Bürgerkampf in Süd- und Westdeutschland im 14. Jahrhundert // Jahrbuch für die Geschichte der oberdeutschen Reichstädte. Esslingen Studien. 1966/67. Bd. 12/13. S. 40 ff.

²⁴ См.: Plantz H. Die deutsche Stadt im Mittelalter von der Römerzeit bis zur Zunftkämpfe. Graz; Köln, 1959. S. 283; Masschke E. Verfassung und soziale Kräfte des deutschen Stadt des späteren Mittelalters // VSWG. 1959. Bd. 56. S. 306

²⁵ См.: Негуляева Т. М. Возникновение... С. 61 след.; Ермолаев В. А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства // СГ. 1968. (Вып. I). С. 77—93; Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 136—151; Евдокимов и А. А. Изменение характера и структуры земельных операций швабского бурггерства (XV—XVI вв.) // СВ. 1984. Вып. 47. С. 139—152.

²⁶ См.: Майер В. Е. Деревни и город в Германии в XIV—XVI вв. (Развитие производительных сил). Л., 1979. С. 69—70, 92, 98, 129.

²⁷ См.: Leibgedingbücher des Freien Reichsstadt Augsburg 1330—1550 / Hrsg. von A. Naemterle. München, 1958. (О значении этого типа источников см.: Еппен Е. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2 Aufl. Göttingen, 1975. S. 206—207).

²⁸ См.: Некрасов Ю. К. Понехождение... С. 143—152; Он же. Возникновение... С. 49—52; Он же. Цеховое ремесло... С. 152—156.

²⁹ Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII). С. 111.

³⁰ Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 89 след.

³¹ Савина Н. В. Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бурггерства... С. 196—227; Она же. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982. С. 57—59, 64—66, 71—80, 114—118, 128—137, 142—212, 290—294; Норден А. Некоронованные властители. М., 1978. С. 94—111.

³² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 51; Т. 19. С. 190—191, 214; Т. 20. С. 17; Т. 23. С. 348, 371, 748.

³³ См.: Nöbling E. Ulm Baumwollweberei im Mittelalter. Urkunden. Leipzig, 1890. № 38. С. 74, 76; № 42. С. 82; № 53. С. 99—100; № 60. С. 110—111; Digg P. Augsburger Textilgewerbe im 18. Jahrhundert // ZHV. 1911. Bd. 37. 7 ff; Endres R. Einwohnerzahl... С. 242 ff.

³⁴ Angermeyer H. Siedlung und Landsfiede in deutschen Spätmittelalter. München, 1966. S. 194—195, 308, 311 ff, 4066, 415—416; Schildhauer J. Der Schwäbische Städtebund-Ausdruck Krafentwicklung des deutschen Städteburgertums in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhundert // JbGF. 1977. Bd. S. 204—210; Bechtold B. Überregionale Städtebundprojekte in der ersten Hälfte des 15. Jahrhundert // JbGF. 1979 Bd. 3 S. 148—178.

³⁵ Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 155—156.

³⁶ См.: Ермолаев В. А. Гейльброннская программа. Программа немецкого радикального бурггерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986. С. 169—183.

³⁷ Urkunden des Schlossarchiv Kronburg 1366—1829 / Bearb. von K. Fr. von Aebrian-Werburg. Augsburg, 1962. № 75. S. 38: «als frei, ledig und rechtes Eigen».

³⁸ Werdensteiner Chronik // Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F. L. Baumann. Tübingen, 1876. S. 491.

³⁹ См.: Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 146. Ср.: Савина Н. В. Южнонемецкий капитал... С. 276 след.

⁴⁰ Некрасов Ю. К. Происхождение... С. 147—149; Он же. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984. С. 60.

⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 474. Ср.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 197; Т. 23. С. 180; Т. 46. Ч. I. С. 191—192.

⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 322.

⁴⁴ См.: Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 118—120; Он же. К социально-экономической истории... С. 158—159; Он же. Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в. (ход движения и социальный состав участников) // СВ. 1975. Вып. 38. С. 129 след.; Он же. Происхождение... С. 142 след.

⁴⁵ Sachs, Hans. Prosadialogen / Hrsg. von A. Lenek. Leipzig, 1970. S. 128—129, 219; Watt (Vadian), Joachim, von. Deutsche Historische Schriften Bd. 3 / Hrsg. von St. Gallen 1874/79. Bd. 1. S. 35—36; Bd. 2. S. 422; Kessler Johannes. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrsg. von E. Egle u. R. Schock. St. Gallen, 1902. S. 434—435; Winckelman O. Das Fürsorgen der Stadt Strassburg vor und nach Reformation zum Ausgang des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922. S. 266 ff., 273.

⁴⁶ См.: Nubling E. Ulms Baumwollweberei...Urkunden. № 9—11. S. 14—28.

⁴⁷ Fortsetzungen der Chronik Hector Mülich // CDS. Leipzig, 1929. Bd. 1 34 (9). S. 234—240, 246—247.

⁴⁸ Tucher, Endres. Baumeisterbuch der Stadt Nürnberg (1464—1475). Stuttgart, 1862. S. 272, 276; Rem, Wilhelm. Chronica der newer geschichten // CDS. Leipzig, 1896. Bd. 25 (5). S. 82.

⁴⁹ См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 345.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 41.

⁵¹ Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben in den Jahren vor 1525. Stuttgart, 1972. S. 101—102, 107—108.

⁵² Hooyer S. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zu Problem seines Verlauf // ZfG. 1976. Н. 6. S. 665.

⁵³ Blaile P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975. S. 225—226, 162.

⁵⁴ См.: Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны // ВГИ. 1976. М., 1977. С. 267—292; Он же. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны // СГ. 1978. Вып. 5. С. 74—96; Вып. 6. С. 79—99; Он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хроники XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. № 4. С. 63—79; Он же. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41. С. 121—142; Он же. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993. С. 54—80.

⁵⁵ См.: Ермолов В. А. Гейльброннская программа... С. 140 след.

⁵⁶ Vogt W. Die Bayerische Politik im Bauernkrieg und der Kanzler Dr. Leonard von Eck, der Haupt des Schwäbischen Bundes. Anhang — Die Briefen Kanzlers Dr. Leonard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges. Nordlinien, 1883. S. 381.

⁵⁷ См.: Некрасов Ю. К. Городские хроники... С. 134, 142.

⁵⁸ См.: Некрасов Ю. К. Томас Мюнцер и швейцарские ана뱁тисты XVI в. об идеях общности имущества // ИСУ. 1987. С. 215—217.

⁵⁹ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955. С. 266—267.

⁶⁰ Штекли А. Э. «Родоначальник утопического коммунизма» и «проблески коммунистических идей» // ИСУ. 1982. С. 58. Ср.: Он же. Утопии и социализм. М., 1993. С. 102 след.

⁶¹ Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchton — ihre ideologische Herkunft und geistliche Leistung. Berlin, 1953. S. 121 ff; Steinmetz M. Das Münzberbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971, S. 37—50.

⁶² Melanchton, Philipp. Die Historie Thomas Müntzer // Flugschriften der Bauernkriegszeit/Hrsg. von A. Laube, R. W. Seifert. Berlin, 1975. S. 531.

⁶³ См.: Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 2. С. 334—344.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 364.

⁶⁵ См. Некрасов Ю. К. Томас Мюнцер... С. 217—222, 232—234.

⁶⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 159.

⁶⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 357—358.

⁶⁸ См.: Зингер Я. С. Плебейские массы Мюнстера у власти // СВ. 1963. Вып. 23. С. 157—159; Чистозиков А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964. С. 248—262.

⁶⁹ См.: Некрасов Ю. К., Васильева М. В. Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэла Затлера и Ганса Шмидта // Германская история эпохи Реформации... С. 120—121; Васильева М. В. К истории раннего европейского анабаптизма: хуттеровское братство // Там же. С. 87—88, 90—92, 95—96; Он же. Анабаптисты и протестанский догмат об оправдании верой // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 214.

⁷⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 307.

⁷¹ См.: Смирин М. М. Передовые идеи народной реформации // СВ. 1975. Вып. 39. С. 25—40; Он же. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. Очерки из истории гуманистической мысли. М., 1978. С. 111—143; Немилов А. Н. Значение Крестьянской войны для развития общественной мысли эпохи Реформации // Вестник ЛГУ. 1958. Вып. 14: История — язык — литература. С. 170—172.

⁷² См.: Штекли А. Э. От приютов милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47. С. 100—115; Дятлов В. А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV—XVI вв. // Проблемы германской истории. Эпоха феодализма. Ижевск, 1989. С. 53—61, 161—163; Он же. Реформа городской благотворительности в Германии... С. 36—53; Евдокимова А. А. Законодательство Фрайбурга в Брайзгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения... С. 114—127.

⁷³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 413.

⁷⁴ См.: Ериолаев В. А. Гейльброннская программа... С. 186, 194, 199. Ср. также: Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962. С. 236—238; Павленко В. Г. О происхождении и сущности «Хайльброннской программы» // УЗ КГПИ. 1968. Истор. факультет. Вып. 16. С. 21 след.

⁷⁵ Некрасов Ю. К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения... С. 93.

⁷⁶ См.: Майер В. Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С. 137—156; Он же. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 124, 128—130; Он же. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны в Германии // Классы и сословия... С. 203.

А. Ф. Чуянов

**СТАНОВЛЕНИЕ
ПРОТЕСТАНТСКОГО СОЮЗА В ГЕРМАНИИ
(20—30-е гг. XVI в.)**

Первая половина XVI века была одним из ключевых периодов в истории Германии. К началу века, казалось бы, главная тенденция в развитии страны определилась: Германия неуклонно двигалась к распаду на ряд мелких суверенных государств, складывающихся на базе территориальных княжеств. Развернуть направление общественно-политического развития к созданию единого централизованного государства могла только очень мощная концентрация национально ориентированных сил. Эвентуальность подобного разворота отечественная марксистская историография связывает с деятельностью революционных масс и радикальной бургерской оппозиции в ходе Крестьянской войны 1525—1526 годов. Однако опыт большинства европейских стран (исключая, быть может, Италию) свидетельствует скорее о другом: политическая консолидация осуществляется усилениями верхних слоев общества, созидающих и выражают в своих действиях национальный интерес.

К сожалению, этот аспект германской истории — позиции и поступки политической элиты немецкого общества в эпоху Реформации — освещен в отечественной историографии недостаточно. Целью настоящей статьи является стремление внести посильный вклад в ликвидацию существующего пробела, показав историю возникновения Протестантского (или Шмалькальденского) союза. Концентрируя внимание на событийной стороне дела, автор считает возможным воздержаться от историографического обзора, который будет целесообразен при более широком рассмотрении проблемы.

С апреля 1521 года, когда Вормским эдиктом императора Карла V Лютер и его последователи были преданы опале, а само реформационное учение запрещено, в германском обществе интенсивно пошел процесс поляризации на сторонников и противников Реформации. Политическое руководство, однако, первоначально воздерживалось от взаимных враждебных действий. Переходным во взаимоотношениях католического и лютеранского лагерей стал 1526 год, год поражения Крестьянской войны. До этой даты и фанатичный католик герцог Георг Саксонский¹, и политический вождь протестантизма ландграф Филипп Гессенский в союзе и полном согласии расправлялись с восставшими крестьянами. Последним явлением, знаменующим относительное единство господствующего

класса перед лицом социальной угрозы, был рейхстаг 1526 г. в Шпайере². Собравшиеся там имперские «чины» и имперское руководство, озабоченное сверх того внешнеполитическими осложнениями, согласились на компромисс в «деле веры». В решении рейхстага было записано, что до будущего Вселенского собора «курфюрсты, князья и сословия империи... в деле относительно эдикта его императорского величества, изданного на рейхстаге в Вормсе, могут жить, управлять и стоять на том, как каждый из них верит и надеется оправдаться перед богом и его императорским величеством»³. Тем самым князьям фактически предоставлялась известная свобода в делах веры. Однако уже в июне 1526 г. лютеранские князья, опасаясь посягательств католиков на секуляризованные церковные имущества, заключили Магдебургский союз, в который вошли саксонский курфюрст Иоганн, герцоги Эрнст, Отто и Франц фон Брауншвейг-Люнебург-Целле, герцог Филипп фон Брауншвейг-Люнебург-Грюденхаген, князь Вольф Анхальтский, ландграф Филипп Гессенский, графы Гебхард и Альбрехт фон Мансфельд; нескользкими днями позже к ним присоединился город Магдебург, а в конце 1529 г. — Бремен⁴. Организационно слабо оформленный и заслуживающий скорее названия договора о взаимной помощи, этот союз самим фактом своего возникновения свидетельствовал об обострении взаимоотношений внутри господствующего класса.

Во время Шпайерского рейхстага ландграф Филипп Гессенский встречался с представителями городов Страсбурга, Аугсбурга и Нюрнберга, зондируя возможность заключения на более широкой основе союза с городами⁵. Переговоры продолжились и после завершения работы рейхстага. 1 декабря 1526 г. члены нюрнбергского совета Кристоф Кресс и Бернхард Баумgartнер обратились с письмом от имени своего города к франкфуртскому бургомистру Ханману фон Хольцаузену и к тайному совету Ульма. В письме авторы осторожно интересовались отношением Ульма и Франкфурта к предложенному на рейхстаге союзу с Саксонией и Гессеном⁶. Ответ Ульма был уклончив, но в целом идею союза городской совет не отвергал⁷. 13—15 января состоялась встреча нюрнбергских представителей с тайным советом Ульма, где было решено привлечь к переговорам также Аугсбург и Страсбург⁸. Предварительные консультации между Аугсбургом, Ульмом и Нюрнбергом продолжались и в конце месяца на швабском бундестаге в Ульме⁹. Итогом этих консультаций явились переговоры между городами и князьями во Франкфурте.

Ход переговоров во Франкфурте можно довольно ясно представить из донесения аугсбургского посланца Вагнера¹⁰. 11 апреля, поскольку представители князей еще не прибыли, посланцы городов собирались у франкфуртского бургомистра Хольцаузена. Здесь сни-

предъявили свои полномочия и договорились, что предложения князей можно будет принять предварительно, если они «не грешные». Однако в этот момент неожиданно выступил Хольцаузен и заявил, что он имеет инструкции ни в какие переговоры без ведома императора не вступать. Остальные посланцы уговаривали его хотя бы выслушать предложения князей, но тот был непреклонен, и Франкфурт окончательно устранился от переговоров. Тем не менее представители Ульма, Страсбурга, Нюрнберга и Аугсбурга решили встретиться с прибывшим на следующий день представителем князей, гессенским советником Балтазаром Шраутенбахом, который передал им текст проекта союзного соглашения¹¹.

Документ, представленный князьями во Франкфурте, интересен как первый этап разработки устройства будущего союза. Здесь еще четко разделяются города и князья, они выступают как две договаривающиеся стороны. Проект составлен в осторожных выражениях, автор даже косвенно не указывает, против кого направлено планируемое соглашение. На этот счет только в краткой преамбуле упомянуто, что одна сторона окажет другой помощь «в случае необходимости» (*so es not tun wurde*). Основное в проекте — определение размера помощи. Князья должны выставить 1300 всадников, города — 4000 пехотинцев. Если не будет возможности направить войска, то помочь можно оказать деньгами. Этими предложениями по существу исчерпывается конструктивная часть княжеского проекта. Интересно, что в примечании к краткому и явно наспех составленному тексту включена мысль, которая вскоре станет центральной у протестантов: «Если в Регенсбурге (место не состоявшегося в 1528 г. рейхстага. — А. Ч.) захотят что-либо предпринять против Евангелия и Слова Божьего, то вто не одобрять, а опротестовать».

Представители городов, согласно взаимной договоренности, не стали обсуждать во Франкфурте предложения князей и лишь обещали дать ответ на следующем рейхстаге. Таким образом, первая серьезная попытка заключить княжеско-городское соглашение об оборонительном союзе закончилась неудачей. Видимо, причина ее кроется в относительно спокойной внутриполитической обстановке весны 1527 г. Условия для заключения такого союза еще не сложились, и переговоры оказались несколько преждевременными. Инициатором этой встречи был ландграф Филипп, у которого имелись свои основания форсировать события.

Ландграф Филипп Гессенский, оказывавший демонстративную поддержку опальному герцогу Ульриху Вюртембергскому, находился в весьма натянутых отношениях с имперским управлением¹². Эти отношения еще более обострились весной 1528 г. и едва не вылились в серьезную внутреннюю войну, когда вследствие сложной интриги Филиппу удалось привлечь к своему плану превентивной

войны с католиками курфюрста Иоганна Саксонского¹³. Открытое столкновение было предотвращено лишь нежеланием католиков в тот момент ввязываться в вооруженный конфликт, а также твердой позицией Лютера, пользовавшегося исключительным влиянием на курфюрста и убедившего последнего отказаться от военных действий¹⁴.

Немецкая историография склонна преувеличивать значение планируемого Филиппом «похода на попов». Кульминации такое понимание находит у Э. Фабиана, который называет план превентивной войны гениальным и заканчивает свои рассуждения следующей тирадой: если бы ландграфу удалось совершить свой поход, «то возможно Шмалькальденский союз никогда бы не потребовался, реформация была бы проведена по крайней мере в Центральной Европе, церковь была бы секуляризована одним ударом, империя еще в XVI в. получила бы протестантского императора и история нового времени потекла бы совсем иначе»¹⁵.

Нам кажется, что эта оценка не вполне адекватна реальной политической обстановке 1528 г., и поход ландграфа не мог принести значительного результата. Сложные интриги Филиппа Гессенского не могли придать общегерманского характера его конфликту с имперскими органами, и действительным фактором, вызвавшим позднее религиозные войны, явилось столкновение имперской централизации и территориальной государственности. Однако до 1529 г. имперские органы проводили осторожную политику, и в итоге в Германии к затеи Филиппа отнеслись недоверчиво, видя в ней очередную княжескую усобицу. Города сохранили позицию настороженного нейтралитета, выражением которой явилась попытка Страсбурга, Ульма, Нюрнберга и Аугсбурга заключить на конвенте в Гайслингене особый городской оборонительный союз — в качестве его возможных противников были названы «князь (какой-либо. — А. Ч.), его сотоварищ (furstgenoss) или другой, им равный»¹⁶. Конфессиональный вопрос в союзном проекте затрагивался лишь указанием на решение Шпайерского рейхстага 1526 г. По-видимому, документ вытекал не столько из стремления защитить «дело веры», сколько был реакцией на общую беспокойную обстановку в Германии, когда города могли стать объектом агрессии как католических, так и лютеранских князей: горожане не могли не помнить, что Ройтлинген брал штурмом католический князь (Ульрих Вюртембергский), ставший затем лютеранином.

В такой сложной обстановке шла подготовка к созыву нового Шпайерского рейхстага. В начале 1528 г. император Карл V направил в Германию своего вице-канцлера Балтазара фон Вальтихра с поручением готовить новый рейхстаг. Согласно инструкции, полученной Вальтихром в феврале¹⁷, он должен был провести предва-

рительные переговоры с наиболее могущественными князьями и городами, имея в виду оказание помощи императору для войны с Англией и Францией. Стремясь в связи с этим не раздражать лютеран, император обещал отсрочку решения всех религиозных дел до Вселенского собора или общеимперского собрания (с возможностью последнего Карл V соглашался впервые). Фактически это означало продление уже упомянутого выше решения Шпайерского рейхстага 1526 г. по религиозному вопросу. С апреля по декабрь 1528 г. Вальтих разъезжал по Германии и вселял надежду на умиротворение в сердца лютеран¹⁸.

15 марта 1529 г. на торжественном открытии второго Шпайерского рейхстага была зачитана императорская пропозиция, которая оказала на сословия действие, подобное грому в безоблачный день. Евангелизм в пропозиции объявлялся «злым и пагубным учением», далее шло требование отмены решения Шпайерского рейхстага 1526 г. и проведения в жизнь Вормского эдикта, согласно которому лютеранство ставилось вне закона¹⁹.

Сразу же усилились оппозиционные настроения. Появляется анонимный памфлет, приписываемый айслебенскому проповеднику Иоганну Агриколе, где отмена решения 1526 г. называется «путем к тирании», чего не следует одобрять, а надо открыто протестовать. Тот же, кто «тихо молчит, тем самым помогает восхождению Христа на Голгофу», «осуждению невинности» и подобен Пилату²⁰. Меммингенский бургомистр и делегат Ганс Эхингер писал домой о тяжелом положении и сетовал, что «рейхстагом правит Экк»²¹ (Леонхард Экк, канцлер герцога Баварского, ревностного католика).

В переговорах между приверженцами Реформации вновь настоятельно начала звучать тема оборонительного союза. 5 апреля саксонские и гессенские советники дали письменную оценку сложившейся ситуации и, в частности, предложили: «Что касается соглашения с городами, то следует устно, доверительно и втайне вести переговоры»²². Накануне, 4 апреля, ульмские посланцы направили своему тайному совету донесение о доверительной беседе их бургомистра Б. Бессерера с ландграфом Гессенским. Речь во время беседы шла о необходимости единства евангелистов, ландграф особенно был озабочен тем, что от них отделяют Страсбург. Бессерер отвечал, что опасности разделения надежнее всего можно избежать, твердо отстаивая решение предыдущего рейхстага²³. По всей видимости, внутренние противоречия в лагере сторонников Реформации особенно рельефно начали проявляться в условиях реальной опасности, когда возникла необходимость объединения усилий и координации действий. Ландграф Филипп не случайно был озабочен возможностью отделения Страсбурга. Многие могущественные представители лютеранского лагеря весьма настороженно относились к

цивинглианскому учению, победившему в Страсбурге, Ульме и ряде более мелких городов Южной Германии.

В начале апреля Большая комиссия рейхстага, в которой преобладали католики, разработала проект решения по религиозному вопросу. Текст его стал известен за несколько дней до оглашения, и 8 апреля Филипп Гессенский вновь встретился с Б. Бессерером. Когда Б. Бессерер выразил озабоченность состоянием дел, ландграф заявил: «Курфюрст, маркграф (Георг Бранденбург-Ансбахский. — А. Ч.) и я... никоим образом не одобрим решение большинства». Такой же позиции придерживаются еще несколько князей. Кто желает остаться при Слове Божьем, те должны объединиться для апелляции и протестации. Далее ландграф повел разговор о возможности заключения княжеско-городского союза, называлось даже количество войск, которое мог бы выставить союз: 4500 всадников и 14 000 пехотинцев²⁴.

Аналогичные переговоры Филипп вел с представителями Страсбурга. Получив информацию о предложениях ландграфа, совет Страсбурга поручил Штурму и Пфарреру продолжать переговоры о союзе, но окончательного решения пока не принимать²⁵. Тайный совет Ульма 10 апреля вынес вопрос о союзе на большой совет города, подчеркнув при этом настоятельную необходимость союзного соглашения²⁶. В этот же день Нюрнберг направил инструкции своим делегатам, где указывал в случае принятия «совершенно обременительного» решения протестовать и направить апелляцию к императору. Совет города уверенно заявлял: «Мы считаем, что, несмотря на все опасности, следует придерживаться Слова Божьего»²⁷. Решимость оппозиции оказать сопротивление креила по мере усиления давления на нее.

Между тем разработка решения по религиозному вопросу была полностью закончена. Комиссия рейхстага заявляла, что в соответствии с императорской пропозицией следует отменить статью по религиозному вопросу в решении Шпайерского рейхстага 1526 г., ибо эта статья используется «для оправдания всевозможных ужасных новых учений и сект», сеет раздор и расколы²⁸. Далее в проекте все-таки смягчались требования пропозиции. Запрещался дальнейший переход католиков в лютеранство, лютеранам же позволялось состоять в своей вере, но они должны были «прекратить все новшества», то есть секуляризацию церковных имуществ и отмену католического богослужения. Комиссия решительно выступила против цвинглианства, его исповедание запрещалось во всей империи. Эт лютеран потребовали также, чтобы они не препятствовали католическому богослужению в своих владениях.

Состоявшееся 12 апреля 1529 г. обсуждение проекта стало центральным событием рейхстага, и от этой даты можно вести отсчет

начала существования в Германии политического и религиозного течения, получившего в научной литературе наименование протестантизма. Его возникновение явилось естественным следствием предыдущего социально-экономического и политического развития германских земель, создавшего исторические реалии, исключавшие дальнейшее развитие по пути становления абсолютизма в общегерманском масштабе.

В этот день, с 7 часов утра, курии рейхстага начали обсуждение проекта²⁹, и уже в первой половине дня состоялось общее заседание. Открывая его, канцлер курфюрста Майнцского фон Вестхаузен заявил, что так как большинство курфюрстов, князей и «чинов» рейхстага одобрило проект комиссии, то его следует передать королю Фердинанду³⁰ и императорским комиссарам для утверждения в качестве решения рейхстага по религиозному вопросу. В ответ с пространной и тщательно подготовленной речью выступил канцлер саксонского курфюрста Брюк. Суть его выступления сводилась к следующему: принятием представленного проекта рейхстаг не только не выполнит своей главной задачи — сохранение «земского мира», но, напротив, углубит раскол и обострит угрозу войны. Брюк твердо стоял на том, что следует сохранить решение предыдущего рейхстага в Шпайере³¹.

Саксонского канцлера энергично поддержал Филипп Гессенский, говоривший от имени лютеранских князей (маркграфа Георга Бранденбург-Ансбахского, епископа Эриха фон Оsnабрюк унд Падерборн, герцога Эриста Брауншвейг-Люнебургского, князя Вольфа Анхальтского и нескольких графов). Затем возникла дискуссия: по свидетельству протоколиста, «евангелические князья... с величайшиможесточением протестовали против императорского и королевского величеств».

Города не решились сразу высказать свое мнение и попросили время для обдумывания. Совещание городских делегатов продолжалось недолго, и вскоре страсбургский «штетмайстер» Якоб Штурм от имени всей городской курии заявил, что многие города считают предложенный проект обременительным и они предпочли бы оставить в силе решение прошлого рейхстага. Такой ответ, однако, не удовлетворил руководителей собрания, фон Вестхаузен потребовал уточнить, какие города одобряют проект, а какие считают его «обременительным». В конечном итоге было решено, что письменный ответ городские делегаты передадут после обеда, в 2 часа, в майнцскую канцелярию. В письменном ответе большинство городов — 27 — одобрили проект. Против высказались представители 15 городов: Кельна, Страсбурга, Франкфурта, Гослара, Нюрнберга, Констанца, Ульма, Ройтлингена, Меммингена, Швебиш-Халля, Виндсхайма, Линдау, Кемптена, Хайльбронна и швейцарского

Санкт-Галлена. Аугсбургские делегаты заявили о нейтралитете, мотивируя свою позицию отсутствием инструкций.

Перевес, который получили католики в городской курии, не вполне отражал действительную расстановку сил. За проект католического большинства проголосовали преимущественно мелкие города, такие, как Вайсенбург, Тюркхайн, Вайль, Кауфбойрен и ряд других. Правда, в этом же списке были Шпайер, Равенсбург, Мюнстер и Мюльхаузен, но ни один из них не мог сравниться по экономическому значению с Ульмом, Нюрнбергом, Страсбургом. Сказалось на исходе голосования и отсутствие на рейхстаге представителей крупных ганзейских городов, склонявшихся к лютеранству.

К вечеру этого же дня, 12 апреля 1529 г., Большая комиссия рейхстага приняла решение направить оба отзыва о проекте Фердинанду и императорским комиссарам для принятия окончательного решения. Этот акт был уже простой формальностью, ибо Фердинанд никогда не скрывал своего отрицательного отношения к Реформации: еще в августе 1528 г. он писал своему брату-императору: «Лютеранские секты во всех имперских городах сейчас так усиливаются, что турки стоят ближе к нашей вере, чем эти немцы»³².

20 апреля лютеранские князья передали Фердинанду через своих советников первую протестацию³³. Эта протестация, краткая и без подписей, явилась основой для второй, подробной, переданной Фердинанду на следующий день и на этот раз подписанной саксонским курфюрстом Иоганном, маркграфом Бранденбург-Ансбахским, ландграфом Гессенским, князем Вольфом Анхальтским и Иоганном, канцлером герцога Брауншвейг-Люнебургского³⁴. Протестация, вероятно, была составлена княжескими правоведами. Не вдаваясь в теологию, ее авторы стремятся доказать юридическую неправомочность проекта, даже если он будет утвержден Фердинандом. При этом они исходят из того, что представленный проект отменяет решение предыдущего рейхстага. Однако это решение, принятое единогласно, соответственно может быть отменено только единодушным решением рейхстага. Так как единодушия нет, более того, возникли серьезные разногласия, то как отмена старого решения, так и принятие нового будут в равной степени незаконны.

Несмотря на все протесты, 22 апреля 1529 г. на общем собрании рейхстага (при отсутствии протестантов) было официально оглашено окончательное решение³⁵. Фердинанд все же не решился реализовать идею восстановления Вормского эдикта, заложенную в пропозиции, и решение рейхстага дословно повторяет проект Большой комиссии. Лютеранам разрешалось — до Вселенского собора — оставаться при своем исповедании, однако дальнейшее распространение этого учения как вширь, так и вглубь категорически за-

прещалось. Католики, напротив, получили право восстанавливать в протестантских областях свое богослужение, а следовательно, и требовать возмещения понесенного в ходе Реформации ущерба. Фактически все это означало переход католической реакции к наступательным действиям.

Наступлению реакции протестанты оказали довольно стойкое сопротивление, которое объясняется рядом причин. Нельзя, конечно, полностью отрицать влияние конфессионального вопроса — и в позднее средневековье мышление человека оставалось глубоко религиозным, убежденность в истинности своего понимания веры, Христа и Евангелия во многом определяла позиции отдельной личности — подтверждением тому могут служить многочисленные проявления религиозной нетерпимости и фанатизма, характерные для этой эпохи. Однако приверженность к любой идеологии — религиозная не является исключением — всегда служила способом выражения социально-политических, «земных» интересов. Для протестантской верхушки — князей и руководства городов — наступление католицизма означало угрозу их новым владениям, приобретенным в результате секуляризации церковных имуществ. На это обращает внимание большинство западноевропейских историков, и значение фактора прямой материальной заинтересованности, безусловно, было весьма значительно.

Тем не менее следует особо подчеркнуть следующий момент, не отраженный историографией. Лютеранство возникло не как верхушечное явление; поддержанное широкими народными массами, это учение, выступая против идеальной основы европейского феодализма — католической церкви — заключало в себе уже предвосхищение Нового времени и в исследуемый нами период превратилось в важную часть общественного сознания. Как правило, реформация церкви проводилась не только при поддержке, но по требованию более или менее широких социальных слоев, которые достаточно ясно показали правящему классу свои силы в годы Крестьянской войны. Поэтому кажется естественным, что протестантская верхушка, иногда, быть может, и готовая из конъюнктурных соображений уступить католикам, могла действовать только с оглядкой на эту силу. Совет Меммингена прямо писал своему делегату и бургомистру Гансу Эхингеру, что принятие проекта католиков будет означать восстание в городах и в их областях³⁶.

Таким образом, с апреля 1529 г. в Германии возникает новое религиозно-политическое движение — протестантизм. Общей платформой для него, объединившей весьма разнородные силы, послужило отрицательное отношение к попытке реставрации католической церкви в реформированных областях. Политический смысл выступления протестантов на рейхстаге представляется вполне определенно:

территориальные власти отказались признать за империей право вмешиваться в их внутреннюю компетенцию, к которой они относили и религиозный вопрос. Для Габсбургов с их планами универсальной империи обеспечение религиозного единства было проблемой первостепенной важности; неудача в попытке навязать это единство Германии в 1529 г. явилась первой ступенью к развалу всей мировой империи Карла V.

Католический лагерь, представленный на рейхстаге, нельзя назвать единым в его отношении к протестантам. Наиболее непримиримую позицию занимал штатгальтер Германии, король Венгрии и Богемии Фердинанд. В тот момент он решительнее своего брата-императора стремился к утверждению в Германии сильной имперской власти и имел достаточно оснований видеть в лютеранстве силу, содействующую развитию сепаратизма территориальных властей. Более сложную позицию занимали католические князья. Из чувства конфессиональной солидарности они не могли не поддерживать Фердинанда, однако его наступательная позиция им не импонировала. Практически речь шла о признании за императором права вмешиваться во внутренние дела княжеств, с чем равным образом не могли согласиться ни лютеране, ни католики. Результатом настороженного отношения князей-католиков к политике Габсбургов явился уже проект Большой комиссии рейхстага, значительно смягчивший содержавшиеся в пропозиции требования.

На рейхстаге католики вели сложную интригу, целью которой было примирение с князьями-лютеранами, отделение от лютеран наиболее радикально настроенных верхненемецких городов, воспринявших идеи цвинглианской реформации, и смещение направления контрреформации на города. Наиболее дальновидные политики из протестантского лагеря заметили это уже в начале рейхстага. Еще 24 марта Якоб Штурм писал Петеру Бутцу, что у него создалось впечатление, что «вся игра» ведется против Страсбурга, Меммингена, Линдау и Констанца, которые отменили у себя мессу, а также против Ульма, Кемптена и Исни, которые вплотную к этому подошли³⁷. Советник саксонского курфюрста Георг фон Минквitz, человек прямой и решительный, выражался более определенно: «Попы и их партия... намерены как разделить города, так и отдельить от них Саксонию и Гессен»³⁸.

Страсбургские делегаты с тревогой описывали события 20—21 апреля, предшествовавшие принятию решения рейхстага: 20 апреля к протестантским князьям пришли герцог Генрих Бранденбургский и маркграф Филипп Баденский, переговоры между ними продолжались пять часов. Князья-посредники оставили протестантам проект соглашения с католиками. На другой день рано утром протестантские князья передали посредникам свой текст соглашения,

из которого следовало, что князья согласны с преследованием англичан, если в их собственных владениях будет сохранен *status quo* и не будет восстанавливаться католицизм³⁹.

Предложения протестантских князей свидетельствуют о том, что католикам удалось внести рознь в стане протестантов: лютеранские князья фактически подтвердили свою готовность отказаться от союза с верхненемецкими городами. Делегаты Страсбурга поспешили переслать этот проект своему совету и при этом горестно заметили: «Так охотно мы и другие города изменили бы его, но это не удалось»⁴⁰. Впрочем, здесь же страсбуржцы высказали сомнение в том, что рейхстаг примет предложения лютеранских князей, и оказались неплохими пророками. Фердинанд решительно отверг попытку смягчить решение рейхстага, но на одну уступку его все же удалось склонить: католики (включая Фердинанда) и протестантские князья обменялись обещаниями сохранить «земской мир и не предпринимать военных действий до будущего Вселенского собора»⁴¹.

22 апреля, в то время, когда католики торжественно оглашали решение рейхстага, курфюрст Иоганн Саксонский, Филипп Гессенский, Страсбург, Нюрнберг и Ульм заключили тайное соглашение. Стороны договорились оказать друг другу помощь, «если кто-либо захочет из-за Слова Божьего чинить насилия и отягощения». Если же против одного из членов соглашения что-либо предпримут имперский палатный суд, имперское управление или Швабский союз, то остальные окажут притесненному «совет, помощь и поддержку». В соглашении подчеркнуто не упоминается император — отношение к нему было спорным вопросом у протестантов, и эту проблему просто обошли. В заключение говорится, что соглашение составлено «в спешке», поэтому следует подумать, чем его дополнить и в ближайшее же время собраться с этой целью в Родахе⁴².

Соглашение действительно составлялось в спешке — до 22 апреля у лютеранских князей оставалась надежда, что Фердинанд примет предложенный ему компромисс, и союз в Шпайере был заключен протестантами в значительной степени под влиянием глубокого раздражения, охватившего их во время официальных торжеств по поводу решения рейхстага. Будущее показало, что проблема единства протестантского движения была далеко не решена этим договором.

Заканчивая тему Шпайерского рейхстага, нельзя не упомянуть об одной знаменитой фальшивке. Вопрос этот исследован таким великолепным знатоком эпохи, как Иоганн Кюн⁴³ (составитель многократно цитированного нами 7 тома актов рейхстага), и нам остается лишь констатировать вполне доказанный факт. Пропозиция, зачитанная на рейхстаге, была фальшивой — подлинная импе-

раторская пропозиция прибыла в Германию уже после начала работы рейхстага и была скрыта Фердинандом, но сохранилась в архиве. Сравнение этих двух документов не оставляет сомнений в истинности установленного И. Кюном факта подлога и может свидетельствовать о начале разногласий между Карлом V и Фердинандом. Вопрос их взаимоотношений — тема для отдельного разговора, здесь же ограничимся замечаниями по главному выводу Кюна, согласно которому ответственность за возникновение протестантизма возлагается на Фердинанда. Императорская пропозиция в разделе, касающемся лютеран, была действительно составлена в более умеренном тоне, но это следует объяснять в первую очередь тактическими соображениями: уже через год, на Аугсбургском рейхстаге, Карл V действовал с непримиримых позиций правоверного католика. Не дезавуировал он действия своего брата и когда к нему прибыла делегация протестантов с письменной апелляцией. Главное же заключается в том, что протестантизм возник не как результат деятельности одной или нескольких царственных особ — он явился реакцией территориальной государственности на попытку системы универсально-имперской власти перейти к наступательным действиям.

Дальнейшее развитие протестантизма интересно прежде всего как кристаллизация политической организации из спонтанно возникшего политического течения. В ходе этого процесса вырабатывалась общая программа действий, методы и приемы политическом борьбы.

В период между Шпайерским 1529 г. и Аугсбургским 1530 г. рейхстагами деятельность протестантов велась в двух основных направлениях. Первое — это разнообразные переговоры и консультации о создании и укреплении оборонительного военного союза. Второе, примиренческое, свелось к подготовке апелляционного посольства к императору. Еще 25 апреля депутаты, не согласные с решением рейхстага, разработали «орудие апелляции» (*Appellationsinstrument*)⁴⁴ — документ, в котором перечислялись нанесенные протестантам обиды. Он послужил основой для апелляционной грамоты, которую месяц спустя по решению Нюрнбергского тага протестантов повезло к императору специальное посольство⁴⁵. На этом же таге Кристофф Кресс распространил предназначенный для обсуждения на намеченном таге в Родахе проект устройства Протестантского союза, составленный видным нюрнбергским политиком Ладариусом Шпенглером⁴⁶.

Проект Шпенглера предусматривал создание оборонительного союза, направленного на защиту от возможного насилия в делах веры. В его руководящих органах планировалось равное представительство от городов и князей, особо подчеркивалось, что союз не

направлен против императора. Проект послужил основой для будущего устройства союза, но ряд его положений вызвал острые разногласия. Они появились уже во время его первого обсуждения на таге в Родахе (Франкония), где собрались представители участников Шпайерского соглашения протестантов. Кроме того, по особому приглашению курфюрста своего делегата прислал маркграф Георг Бранденбург-Ансбахский. Позитивного результата это собрание не дало. Филипп Гесенский через своего представителя выступил против исключения императора из числа возможных противников союза, а с такой решительной позицией в тот момент не могли согласиться ни Нюрнберг, ни маркграф Георг, ни саксонский курфюрст.⁴⁷

Особенно значительные колебания начал проявлять в это время курфюрст Иоганн Саксонский, и для правильного понимания дальнейшего хода событий важно попытаться объяснить причины его осторожной политики. Думается, что она вытекала из положения курфюрста как одного из первых князей империи. Такое положение позволяло ему уверенно чувствовать себя в отношениях с имперской властью, в случае осложнения надеяться на посреднические переговоры, взаимные компромиссы, отсрочки и другие дипломатические средства регулирования отношений.

Важнейшим фактором являлось и то, что для богатейшего феодала, считавшего себя суверенным государем, казалась неприемлемой сама мысль о союзе с представителями радикально-бюргерской реформации Ульриха Цвингли.⁴⁸ Что же касается самого Цвингли, то его, известного дружбой с крестьянским вождем Михаилом Гайсмахером, в Германии вообще считали «смутьяном», мало чем отличающимся от Мюнцера. Аналогично можно характеризовать и политику маркграфа Георга.

Для обоснования своей позиции курфюрсту Иоганну требовались аргументы, соответствовавшие этикету того времени, и неоценимую помощь в этом оказала ему теологическая нетерпимость Лютера. Первоначально, не до конца разобравшись в ситуации, Лютер советовал курфюрсту вообще отказаться от заключенного в Шпайере соглашения, однако Иоганна это не вполне устраивало — союз ему был все же нужен как гарантия на случай резкого ухудшения отношения с имперскими органами. Вскоре Лютер дал иной совет, вполне удовлетворивший курфюрста: союз возможен, но только с единоверцами. Цвингlianе в этом отзыве называны еретиками.⁴⁹

Источники не дают основания твердо заявлять, что верхненемецкие города знали о готовящемся исключении их из союза. Тем не менее предпринятые в это время городами политические шаги ясно свидетельствуют, насколько не уверены они были в своих сакновых союзниках. В мае-июле 1529 г. на трех Меммингенских

тагах верхненемецкие городов обсуждался вопрос о создании собственного оборонительного союза, при этом как альтернатива союза с князьями выдвигалась идея договора о взаимопомощи с цвинглианскими городами Швейцарии⁵⁰.

Все три Меммингенские встречи середины 1529 г. закончились бесплодными разговорами, в их ходе достаточно рельефно проявились слабости городской политики, сопутствующие ей и в дальнейшем. Взаимное недоверие, боязнь выйти за рамки официальной законности и вытекающая из них нерешительность оказались фактами, так и не позволившими городам твердо проводить самостоятельную политику и содействовать тем самым развитию политического строя Германии в прогрессивном направлении.

Выше мы отмечали, что для курфюрста Иоганна Саксонского официальным поводом к отказу от союза с принявшими цвинглианство городами служило различное толкование Лютером и Цвингли отдельных догматов веры. В связи с этим после окончания рейхстага Филипп Гессенский занялся реализацией своей старой идеи — примирением двух реформационных учений, и путь к этой цели он видел один — личную встречу двух выдающихся реформаторов. Летом 1529 г. ландграфу удалось добиться согласия Лютера и Цвингли на участие в религиозном коллоквиуме в Марбурге (Гессен)⁵¹.

К назначенному сроку, 29 сентября, в Марбург собрались наиболее видные представители реформационного движения: лютеране были представлены самим Лютером, Меланхтоном, Осиандером (Нюрнберг), Стефаном Агриколой (Аугсбург). Вместе с Цвингли прибыли Эколампий из Базеля и Буцер из Страсбурга. Важным моментом явилось прибытие швейцарских политиков Рудольфа Фрея и Ульриха Функа, а также Якоба Штурма из Страсбурга. Здесь же были ландграф Филипп и герцог Ульрих Вюртембергский.

Коллоквиум проходил в ожесточенных спорах, и главной проблемой, как и ожидалось, оказался вопрос о причастии. Спор велся вокруг чисто схоластической проблемы присутствия «тела и крови господней» в святых дарах, и сущность его свелась к следующему: цвинглиане считали, что причастие означает воспоминание о мученической смерти Христа и библейские слова о том, что в момент причастия хлеб и вино есть «тело и кровь», следует понимать в переносном смысле, фигурально. Лютер и его последователи понимали эти слова практически буквально. За внешне ступро теологическим спором скрывалось более глубокое противоречие, заключавшееся в республиканизме цвинглианства, его большей радикальности и демократичности в сравнении с лютеранством. Это противоречие и предопределило в конечном итоге исход коллоквиума. По боль-

шинству вопросов богословам удалось договориться, но по главному — о причастии — стороны остались непримиримы. В последний день диспута, 4 октября, Лютер встречался с Буцером и на его прямой вопрос: «Хотите ли вы принять меня за брата?» — ответил: «Я вам не господин, не судья и не учитель... Учите, как считаете возможным оправдаться перед богом»⁵². Это означало полный провал попытки примирения. Наутро раздосадованный ландграф покинул Марбург, вслед за ним разъехались теологи.

Встреча в Марбурге имела и иной результат — политический. В эти дни Филипп Гессенский, швейцарские политики, Цвингли и Якоб Штурм достигли принципиальной договоренности о заключении особого союза («бурграхт»), который и был затем окончательно подписан в ноябре 1530 г. между Гессеном, Страсбургом и швейцарскими городами-кантонами Базелем, Цюрихом и Берном⁵³.

В то же время, когда проходила встреча в Марбурге, курфюрст Иоганн Саксонский и маркграф Георг Бранденбург-Ансбахский разработали в Шлейце основы своей союзной политики. В составленном ими документе — инструкции их представителям для будущих переговоров — довольно подробно изложены взгляды князей на организацию и структуру союза⁵⁴.

В преамбуле к инструкции оговаривается главное условие для вступления в союз — признание лютеранства единственно верным учением. Несогласные с ним даже по одному вопросу не должны допускаться в союз. Противники союза четко не указаны, по отношению к императору князья засвидетельствовали свою лояльность заявив о необходимости быть ему послушными подданными (*wol aller schuldigen gehörgam zu halten*).

Далее в инструкции следует критика обсуждавшегося на таге в Родахе городского проекта союзного устройства Латариуса Шпенглера. Речь шла преимущественно о практических вопросах управления и военной организации союза.

Размер «спешной помощи» (*Eilende hilf*), определенной в проекте в 1500 всадников и 3000 пехотинцев, князья объявили недостаточным и предложили увеличить его до 2000 всадников и 10 000 пехотинцев. Под «спешной помощью» имелись в виду наемные войска, которые в случае опасности должны набрать союзники. Деньги для этой цели предполагалось предварительно депонировать в одном определенном месте. Размер депонированной суммы, по предложению князей, должен был соответствовать 2-месячному жалованью войскам (проект Шпенглера предусматривал месячное жалование).

Помимо «спешной помощи», князья потребовали включить в документ раздел о «постоянной» (*beharrlichen*) помощи. Под этим видом взаимодействия имелось в виду привлечение в случае крайней опасности всех наличных ресурсов членов союза.

В проекте Шпенглера предусматривалось, что при возникновении военной опасности члены союза соберутся на чрезвычайный совет и там обсудят необходимые мероприятия. Князья характеризовали такой способ приведения в действие механизма оборонительных мероприятий как чересчур медленный, подчеркнув при этом, что в случае опасности потребуется действовать «со всей поспешностью». В связи с этим необходимо, чтобы военачальник имел право собирать общее союзное собрание, а принять решение самостоятельно, лишь проконсультировавшись со своими советниками.

Князья выступили также против запланированного Шпенглером равенства голосов в главном союзном органе — совете (по три представителя от князей и от городов). Взамен они предложили совет с преобладанием князей: 1 голос — саксонскому курфюрсту, 2 — князьям и 2 — городам. Военачальником, по мнению князей, должен быть не горожанин, а князь, граф или барон. Военный совет при военачальнике должен состоять из 4 человек (2 — от князей и 2 — от городов), решение совет принимает простым большинством голосов с участием военачальника. Далее в инструкции затрагивался еще ряд вопросов: о необходимости привлечения в союз новых членов, о взаимном обмене информацией, об открытии границ между членами союза в случае войны. В заключение еще раз подчеркивалась необходимость строить отношения с императором на основе переговоров: союз может противостоять императору только в том случае, если последний и далее будет проявлять к протестантам «ненилость»⁵⁵.

Таким образом, разработанный в Шлейце документ позволяет с достаточной определенностью судить о принципах княжеской, в первую очередь саксонской, политики как по отношению к союзу протестантов, так и по отношению к императорской власти. Решительно отмежевавшись во вступительной части инструкции от цинглиан, князья предложили внести в проект Шпенглера изменения, которые должны были обеспечить им преобладание в руководящих органах союза. Относительно императорской власти князья заняли колеблющуюся позицию: желая уладить конфликт посредством переговоров, они в то же время проявили весьма серьезную заботу об укреплении военной организации союза, а предложенный дополнительно раздел о «постоянной» помощи может свидетельствовать о намерении в случае начала военных действий оказать серьезное сопротивление.

Это документ вместе с так называемыми Швабахскими статьями — специально по этому поводу составленным Лютером изложением своего учения — был вручен прибывшим наtag в Швабахе представителям Ульма и Страсбурга. Таким образом, вопрос о сою-

зе был поставлен в прямую зависимость от приятия верхне немецкими городами лютеранства⁵⁶.

Требование князей стало предметом обсуждения на таге бургомистров верхненемецких городов в Биберахе. Бургомистры отвергли предложение перейти в лютеранство и вновь вернулись к мысли о особом городском оборонительном союзе. В письме, направленном совету Нюрнберга, они пояснили свою позицию: на их взгляд, деле веры не должно быть принуждения (*besonder dieweil der glau nit gezwungen werden sol*)⁵⁷.

Описанные события означали фактический разрыв Шпайерского соглашения протестантов. Приближалось начало Аугсбургского рейхстага, назначенного на июнь 1530 г., и в канун его протестанты стремились держаться осторожно. Ожидаемое прибытие императора на рейхстаг также не побуждало к активным действиям: многие участники оппозиции еще не потеряли надежду на императорскую «милость», и, пожалуй, все опасались прямой конфронтации. Для этих опасений имелось достаточно оснований. Несмотря на слабости имперской власти в Германии и неразвитость общегерманских органов управления, Карл V обладал реальной военной силой, с которой нельзя было не считаться: за спиной императора стояли испанские войска — это был вполне достаточный потенциал, чтобы справиться с наиболее активными участниками оппозиции, а суровое обращение с апелляционным посольством протестантов, которое первоначально было арестовано, убеждало в серьезности намерений императора. Все это, наряду с внутренними раздорами в стане протестантов, заставляло их более заботиться о собственной судьбе нежели надеяться на помощь союзников. Поэтому не случайно весной 1530 г. саксонский курфюрст пытался, правда безуспешно вступить в тайные переговоры с императором, а Ульм особым письмом предложил своим партнерам по городскому союзу воздержаться до рейхстага от дальнейших шагов по реформации церкви⁵⁸.

20 июня 1530 г. начался Аугсбургский рейхстаг. Позиции имперских «чинов», участвовавших в его работе, не претерпели существенных изменений со времени предыдущего Шпайерского рейхстага, и потому ниже мы подчеркнем лишь наиболее существенные моменты. Важной особенностью рейхстага явилось присутствие на нем (и впервые с 1521 г. в Германии вообще) императора. Карл V, заключивший летом 1529 г. победный мир с Францией и римским папой, решил воспользоваться благоприятной внешнеполитической ситуацией и попытаться «навести порядок» в своих германских владениях. Его присутствие, разумеется, усилило позиции католического лагеря.

Большинство лютеранских князей лично явилось на рейхстаг. Серьезные колебания, правда, испытывал Филипп Гессенский, пер-

воначально решивший не посещать имперское собрание⁵⁹. Явившись все же на рейхстаг, он держался там очень осторожно и вскоре тайно уехал: у него было достаточно оснований опасаться императорского гнева.

Раскол, начавшийся в протестантском лагере еще зимой, проявился и на рейхстаге. Протестантские князья из 6 городов — Нюрнберг, Хайльбронн, Виндсхайм, Вайсенбург, Кемптен и Ройтлинген — представили рейхстагу и императору составленное Меланхтоном систематическое изложение лютеранства: *Confessio Augustana*, известное с того времени как Аугсбургское исповедание. Верхненемецкие города Страсбург, Мемминген, Констанц и Линдау представили принадлежащий перу Бусера свой символ веры: так называемую Тетраполитану. Несколько городов, уже осуществлявших у себя реформацию церкви — Аугсбург, Франкфурт, Швебиш-Халль, Ульм, Биберах и Исни, — предпочли воздержаться и не присоединились на рейхстаге, по крайней мере официально, ни к одному из представленных исповеданий. Первые три города фактически продолжили ту осторожную политику, которую они вели и на предыдущем рейхстаге, позицию Ульма и следовавших за ним Бибераха и Исни, очевидно, можно объяснить некоторым разочарованием в союзной политике, наступившей после разрыва Шпайерского соглашения.

Решительные события произошли 22 сентября. В этот день на общем собрании рейхстага был зачитан в присутствии императора проект решения относительно Аугсбургского исповедания. Лютеранство в проекте отвергалось и объявлялось еретическим учением⁶⁰. Сразу же поднялся саксонский канцлер Брюк и заявил, что лютеране не могут согласиться с таким решением. С этими словами Брюк попытался передать императору апологию лютеранства, но император не принял этот документ. Брюку пришлось быстро закончить свое выступление просьбой передать ему текст решения и дать время на размышление до 15 апреля⁶¹.

Положение сошлось угрожающее, последние иллюзии относительно взглядов императора развеялись. Через несколько дней, не обменявшиеся, как в Шпайере, мирными обещаниями с католиками, протестантские князья покинули Аугсбург, оставив продолжать переговоры своих советников. Фактически это означало взаимное объявление войны, начало которой только откладывалось до 15 апреля, то есть на срок, данный протестантам на размышление. 2 ноября княжеские советники предприняли последнюю попытку добиться соглашения: они обратились к императору с просьбой издать постановление о земском мире, однако император заявил, что постановление о земском мире было издано еще в 1521 г. в Вормсе и в новом он необходимости не видит⁶². В этот же день саксонские

делегаты написали курфюрсту, что дальнейшее их пребывание на рейхстаге бессмысленно и лишь влечет лишние расходы⁶³. Через несколько дней они действительно уехали, а 19 ноября рейхстаг принял второе решение по религиозному вопросу, составленное в самых решительных выражениях: вновь указывалось на необходимость приведения в исполнение Ворлского эдикта, восстановливавшего церковную юрисдикцию и права церкви на секуляризованные имущества⁶⁴.

Неожиданный, по всей видимости, поворот событий на рейхстаге заставил протестантских князей изменить отношение к союзу с верхненемецкими городами: городские представители были вновь приглашены на протестантский таг, начавшийся 22 декабря 1530 г. в Шмалькальдене. Этому совещанию суждено было стать важным этапом в развитии протестантского движения в Германии. Начался таг противоречиями, которые не предвещали успешного окончания переговоров о союзе: совершенно неожиданно для присутствующих Нюрнберг и маркграф Георг Бранденбург-Ансбахский отказались участвовать в оборонительном союзе, мотивируя это демагогическими рассуждениями о том, что они как послушные подданные не могут вести переговоры без участия или одобрения императора⁶⁵. Внезапное отступничество двух могущественных участников оппозиции не поколебало, однако, решимости остальных делегатов заключить оборонительный союз.

31 декабря совещание в Шмалькальдене приняло решение, первым пунктом в котором значилось, что подписавшие этот документ полностью одобряют текст договора о «Христианском соглашении для спасения и обороны» (*christlichen verslentnus zur gegenwar und rettung*) и окончательно его принимают. Это были курфюрст Иоганн Саксонский, герцоги Брауншвейг-Люнебургские, ландграф Филипп Гессенский, князь Вольф Анхальтский, графы Мансфельд, города Бремен и Магдебург. Представители городов Страсбурга, Констанца, Ульма, Меммингена, Ройтлингена, Хайльбронна, Линдау, Кемптена, Исни и Бибераха приняли договор «к сведению руководства» и обязались дать окончательный ответ в течение 6 недель⁶⁶. Окончательный текст союзного договора был отредактирован в саксонской канцелярии и датирован 27 февраля 1531 г. Этот документ, составленный в традициях современного ему правоведения в громоздких и витиеватых выражениях, содержал в себе обоснование необходимости союза и его задачи⁶⁷.

В договоре указывалось, что в настоящее время участники соглашения озабочены тем, что «некоторые желают» (здесь авторы, очевидно, сознательно используют неопределенno-личный оборот речи: *als ob man feigere*) «властью и делом влиять на тех христиан, которые милостью божией позволяют в своих княжествах, городах,

землях и областях проповедовать светлое, ясное, чистое и неослабленное Слово Божье, устряя и задерживая тем самым всевозможные злоупотребления...»⁶⁸. Далее следуют рассуждения о правеказать в этом случае сопротивление, многократно подчеркивается оборонительный характер союза, и заканчивается теоретическая часть договора весьма примечательным заявлением: «наше христианское соглашение направлено не против нашего всемилостивейшего господина, его императорского величества, или какого-то другого чина империи», оно создано исключительно для сохранения «христианской истины» и мира посредством самообороны⁶⁹. Таким образом, союзники здесь подчеркнули, что они не против персоны императора. В то же время они ставят императора в один ряд с другими «чинами» империи и ясно дают понять, что они против политики реставрации католицизма и укрепления имперской власти, следовательно, в случае попытки силой проводить эту политику, они окажут сопротивление любому «чину», в том числе и императору.

Далее в договоре содержится обычный для такого рода документов призыв сохранять ему верность, указывается срок действия — 6 лет, считая с 27 февраля 1531 г., — и оговаривается, что если срок действия договора истечет во время войны, которую ведет союз, то он автоматически продлевается до конца военных действий. Подписание договора и скрепление его печатями затянулось до мая 1531 г. Из представленных на таге городов вступление в союз по разным причинам отложили Кемптен и Хайльбронн, 3 февраля свое окончательное согласие вступить в союз подтвердили Констанц, Ульм, Ройтлинген, Мемминген, Линдау, Биберах и Исли⁷⁰, Страсбург сделал это еще 28 января⁷¹. В начале мая после длительных переговоров к Протестантскому союзу присоединились нижненемецкие города Любек и Брауншвейг⁷².

Помимо союзного договора, на собрании в Шмалькальдене обсуждался и получил одобрение еще один интересный документ — предложения гессенского канцлера Фейга о тактике протестантов в имперском палатном суде⁷³. Разработка этой тактики стала необходимостью, ибо в соответствии с решением рейхстага имперский фискал⁷⁴ возбудил против протестантов ряд судебных дел, связанных с возвращением конфискованных церковных имуществ. Фейг предложил направить в имперский палатный суд двух юристов с поручением защищать общие интересы протестантов. Здесь же им обоснован главный правовой аргумент: палатный суд — это суд светский и не в его компетенции решать духовные дела. В ходе процессов Фейг предложил применять тактику судебных проволочек: апелляций, жалоб, отводов судей и т.д. Следует заметить, что в дальнейшем протестанты эту тактику с успехом применяли.

Подписание союзного договора, датированного 27 февраля 1531 г., знаменовало собой формальное учреждение Протестантского союза. Однако для конституирования его в качестве реально действующей политической организации необходимо было разрешить два острых вопроса: преодолеть конфессиональные раздоры и согласовать проблемы внутреннего устройства союза, т. е. утвердить посвященный этому вопросу документ.

Наиболее сложным являлся конфессиональный вопрос, за которым скрывалось противоречие между бюргерским и княжеским крыльями в протестантской оппозиции. Настроениям бюргерства верхненемецких городов не были чужды радикальные устремления, и перспектива занять в союзе подчиненное от князей положение — а события развивались именно в этом направлении — их мало привлекала. Способ укрепления своих позиций бюргерство видело в вовлечении в союз цвинглианских городов Швейцарии. Курфюрст Иоганн Саксонский был решительно против этой идеи; города в свою очередь ультимативно на ней настаивали, угрожая выходом из союза⁷⁵. Острый конфликт между князьями и представителями городов был разрешен внезапным поворотом истории: этот вопрос был снят с повестки дня вследствие поражения швейцарских цвинглиан в войне с католическими кантонами и гибели самого Цвингли в битве при Капелле 12 октября 1531 г.

На внутриполитическую обстановку в Германии начала 30-х годов свой отпечаток накладывал фактор турецкой опасности. Для отражения ее требовались деньги, и, чтобы получить их от протестантских «чинов», Карл V был вынужден перейти к более гибкой политике. На Регенсбургском рейхстаге весной-летом 1532 г. Карл V пытался достичь компромиссного соглашения и вел одновременно переговоры с присутствующими на рейхстаге католиками, а при посредничестве Майнцского и Пфальцского курфюрстов — с протестантами, вообще не явившимися на имперское собрание. Убедившись в бесплодности этой своей попытки — для того, чтобы вести переговоры с имперскими «чинами» Германии требовалось поистине евангельское долготерпение, — Карл V решил обойтись без решения рейхстага, и 3 августа собственной властью издал в Нюрнберге эдикт, предписывающий всем «чинам» империи сохранять «земской мир» до решения будущего Вселенского собора. Этот имперский акт вошел в историческую литературу под названием Нюрнбергского религиозного мира⁷⁶. Вскоре после оглашения эдикта протестанты получили заверение императора о приостановке процессов по реформационным делам в имперском палатном суде⁷⁷.

Принятие и утверждение устройства Протестантского союза сопровождалось обсуждением его на бундестагах и городских тагах, где споры велись преимущественно по вопросу представительства в

союзном совете и размере взноса для «спешной» помощи. В качестве этапов этого обсуждения можно выделить Франкфуртский бундестаг конца 1531 г., на котором был согласован ряд технических вопросов⁷⁸, и Шмалькальденский 1530 г., после которого остался один неразрешенный вопрос — размер взноса нижненемецких городов (к тому времени к союзу присоединились города Гослар, Айнбекк, Гётtingен и Эслинген)⁷⁹.

В окончательной редакции устройство Протестантского союза было принято на декабрьском бундестаге 1535 г. в Шмалькальдене⁸⁰ под наименованием «соглашение к спешной помощи и обороне»⁸¹. От имени всех протестантов его подписали саксонский курфюрст Иоганн-Фридрих (сын умершего курфюрста Иоганна), ландграф Филипп Гессенский и представители городов: Якоб Штурм (Страсбург), Георг Бессерер (Ульм), Якоб Герике (Магдебург) Мартин Михавльс (Бремен).

Устройство подробно регулирует два основных вопроса: союзные органы и организация войска. Главным органом союза был объявлен бундестаг, но решение на нем принималось не общим голосованием, а девятым членами союза с правом решающего голоса. Голоса строго распределены: 2 голоса имеет саксонский курфюрст, 2 — ландграф Гессенский, 1 голос — все остальные князья и графы, 2 голоса у верхненемецких и 2 — у нижненемецких городов. Фактически это означало создание союзного совета из девяти человек, большинство в котором получали князья. Председателем совета являлся саксонский курфюрст, ему соглашение вручало «право опроса» (*umbzufragen*) при голосовании. Военачальниками (*хауптманами*) назначались курфюрст Иоганн-Фридрих и ландграф Филипп. При хауптманах имелся военный совет, представительство в котором аналогично составу союзного совета. Таким образом, стало очевидно, что в борьбе с городами за руководство союзом князьям удалось добиться полного приоритета.

В организации войска главное внимание уделялось не столько специально-военным, сколько финансово-организационным вопросам. Состав наемного войска для «спешной» помощи был определен в 2000 всадников и 10 000 пехотинцев, деньги для их содержания надлежало предварительно депонировать: князьям — в Торгау и Касселе, городам — в Ульме и Брауншвайге. Наемное войско предполагалось набирать лишь в случае военной опасности, в мирное время иметь свои войска союз не планировал.

Сумма взноса для месячного содержания войска была определена в 70 000 гульденов, одновременно следовало внести двухмесячный взнос, при этом города и князья платили поровну. По соглашению союз делился на два округа: верхненемецкий и нижне-

немецкий. С учетом этого деления раскладка месячного взноса выглядела следующим образом⁸²:

	Нижненемецкий союзный округ
Курфюрст Саксонский	14 000
Герцог Брауншвейг-Люнебургский	3000
Все остальные князья и графы	4000
г. Любек	3630
г. Магдебург	3560
г. Брауншвейг	3560
г. Бремен	3200
г. Гослар	1880
г. Гётtingен	970
г. Айнбекк	700
Общая сумма в гульденах	38 500

	Верхненемецкий союзный округ
Ландграф Гессенский	14 000
г. Страсбург	5000
г. Ульм	5000
г. Мемминген	1450
г. Констанц	1300
г. Эслинген	1250
г. Биберах	1100
г. Линдау	900
г. Ройтлинген	900
г. Исни	600
Общая сумма в гульденах	31 500

В гипертроированной форме в устройстве отразилось соперничество Иоганна-Фридриха и Филиппа Гессенского за руководство войсками союза. Поиски компромисса привели к попытке установить между ними полное равенство в военных делах. Каждый из них являлся хауптманом в своем округе. Каждый имел право распоряжаться половиной общей депонированной суммы и набрать 1000 всадников и 5000 пехоты. Если в одном из округов начиналась война, то хауптман другого должен был поспешить туда на помощь со своим войском. Точно так же курфюрст и ландграф поделили

пост старшего хауптмана: в этой должности каждый из них должен был пребывать по полгода. Вероятно, нет необходимости доказывать, до какой степени бессмысленно и ущербно в военном плане было установление такого двоевластия.

Много внимания уделяло соглашение механизму приведения в действие «спешной помощи». Очевидно, по требованию городов, опасавшихся полной зависимости от князей, указывалось, что вопросы войны решает исключительно бундестаг. Лишь при внезапном нападении хауптман мог действовать без решения бундестага, но в этом случае было необходимо согласие военного совета. По насторону нижненемецких городов из текста соглашения был исключен пункт о «постоянной» помощи — сборе всех наличных средств союза, то есть своего рода ополчения. Остался лишь неопределенный намек на нее — указание, что если «спешной» помощи окажется недостаточно, то тогда следует собрать бундестаг и решить, что предпринять.

Соглашение содержало и ряд менее важных положений: об открытии границ между членами союза для прохода войск в случае войны, о распределении военных доходов и убытков, о системе взаимной информации о военной опасности.

Принятием союзного устройства 1535 г. завершился период становления политической организации германских протестантов. В 1537 г. союз был продлен на 10 лет⁸³ и без значительных изменений в устройстве просуществовал до начала I Шмалькальденской войны. Постоянно пополняясь новыми членами, Протестантский союз к началу 40-х гг. превратился в одну из наиболее влиятельных внутриполитических сил Германии. Его членами являлись: курфюрст Иоганн-Фридрих Саксонский, ландграф Филипп Гессенский, король Христиан III Датский (как герцог Шлезвиг-Гольштейна), герцоги Померанские (Барним и Филипп), герцоги Брауншвейгские (Филипп, Отто, Эрнст, Франц), герцог Ульрих Вюртембергский, герцог Генрих Саксонский⁸⁴, князь Вольф Анхальтский, князья Анхальт-Дессау (Георг, Иоганн, Иоахим), маркграф Иоганн Бранденбург-Кюстринский, граф Вильгельм фон Нассау, граф Филипп фон Нассау-Саарбрюкен, графы Мансфельд (Альбрехт и Гебхард), граф Генрих Шварцбург, граф Конрад Текленбург; города Страсбург, Ульм, Магдебург, Бремен, Любек⁸⁵, Аугсбург, Гамбург, Франкфурт (Майн), Ганновер, Брауншвейг, Констанц, Ройтлинген, Мемминген, Линдау, Биберах, Исли, Гётtingен, Эсслинген, Гослар, Айнбекк, Кемптен, Минден, Хайльбронн, Швебиш Халль, Рига (Лифляндия), Хильдесхайм, Равенсбург, Дункельсбюль⁸⁶.

Выше мы уже писали, что возникновение Протестантского союза явилось реакцией окрепшей территориальной государственности на попытку имперских институтов власти вмешаться во внутренние

дела территории. Думается, что если брать проблему в общем плане, то такое определение справедливо. Однако было бы упрощением вопроса трактовать Протестантский союз просто как организации противников императорской власти, прямо детерминируя идеологию политикой или наоборот. В действительности все обстояло значительно сложнее. В Германии XVI в. трудно назвать князя, готового поступиться хотя бы малой частью своей компетенции в пользу укрепления центральной власти. Каждый германский князь в своей политике исходил из узкодинастических, эгоистичных (если только можно говорить об эгоизме в политике) интересов.

Так, могущественнейшие князья Южной Германии, герцоги Баварские (Винтельсбахи), традиционно соперничавшие с Габсбургами критиковали политику императора с ультра-католических позиций и часто оказывали ему более значительное противодействие, чем саксонский курфюрст-протестант. В то же время герцог Альбрехт Прусский, преданный имперской опале за секуляризацию Тевтонского ордена, вплоть до 1545 г. оказывал императору подчеркнутые знаки внимания⁸⁷. Балансируя между империей и Польшей, Альбрехт стремился не порывать полностью связи с имперскими властями. Для многолюдного клана герцогов Брауншвейг-Люнебургских участие в протестантском движении означало возможность поправить свое материальное благосостояние за счет церкви и та далее — перечень подобных личных оснований может быть бесконечным. Личное участие каждого князя в Протестантском союзе было обусловлено множеством мелких и часто случайных причин, однако в совокупности этих случайностей проявлялась и обретала жизнь историческая необходимость, которая в данном случае заключалась в политическом оформлении реформационного движения.

Особое значение имело участие в Протестантском союзе городов. Бюргерство более осознанно воспринимало реформационное учение и в борьбе с католицизмом порой оказывалось в состоянии подняться выше меркантильных интересов. Для городской администрации, особенно в Верхней Германии, испытавшей на себе силу крестьянских и плебейских движений 1524—1526 годов охрана достижений Реформации приобретала и значение охраны от социальных возмущений. Преобразование церкви было одним из центральных требований Крестьянской войны, и, несмотря на то, что осуществляемая протестантами религиозная реформа была далека от ее народного понимания, она все же означала поражение одиозного в глазах народных масс католицизма⁸⁸. Позиция городской администрации во многом определялась и ее дуалистической природой: теоретически долговременные интересы городского населения были связаны с усилением центральной власти; практически же далеко зашедший процесс территориальной разобщенности сообщил город-

ской администрации мироощущение локальных властей, родственное понятию княжеского суверенитета, а часто искреннее стремление отстоять «истинную веру» только усиливало местный партикуляризм.

Таким образом, Протестантский союз возник как оппозиционная по отношению к центральной власти организация, объединившая наиболее беспокойную и мобильную часть фронтирующих лютеранских князей, политически тяготевших к саксонскому курфюршеству, а также города, осуществившие в своих областях реформацию церкви и готовые защищать ее перед лицом имперских властей. Протестантскому союзу было суждено сыграть заметную роль в германской истории и развитии немецкой государственности, но в то же время вопрос о его значении, как кажется, не допускает однозначной трактовки. Союз принимал деятельное участие в борьбе с католицизмом и распространении на обширных территориях Германии лютеранства и цвингланизма, явившихся ступенью к формированию идеологии буржуазного общества. Но одновременно Протестантский союз оказался наиболее последовательным выразителем идеи территориального суверенитета и децентрализации.

Характерно, что в исследуемый период в Германии вообще не оказалось значительной политической силы, способной поддержать попытки центральной власти укрепить свое влияние. Это могущество центробежных сил являлось как следствием предыдущего развития германских земель, так и результатом своеобразия исторического момента, когда поражение Крестьянской войны ослабило радикально-демократическое движение, надолго ограничив возможность его участия в решении судеб народа и государства.

Очень скоро, особенно с появлением учения Кальвина, протестантизм превращается в общеевропейское явление и так же, как в Германии, находит приверженцев во всех классах общества. Такой универсализм протестантизма явился, на наш взгляд, результатом многогранности этого идеально-политического течения. Антикатолицизм не мог не встретить сочувствия народных масс, связывающих феодальную эксплуатацию с господствовавшей в то время религией — католической. Буржуазию привлекало учение о допустимости сопротивления светским властям и республиканизм, получивший яркое для своего времени отражение в учениях Цвингли и Кальвина. Консервативным дворянством Франции и Шотландии был использован именно тот аспект, который нашел наибольшее выражение в движении немецких протестантов и одержал там в конечном итоге победу — партикуляризм и обоснование власти мелких территориальных господ. Таким образом, эти особенности протестантизма обеспечили ему качества универсальной оппозиционной идеологии эпохи перехода к буржуазному обществу, однако его конкретное

проявление в судьбе европейских народов зависело от своеобразия развития того или иного государственного образования.

В Германии Протестантский союз объединил весьма разнородные силы, неадекватная направленность интересов которых обусловила непрочность союза, ярко проявившуюся во время внутренних войн конца 40-х — начала 50-х годов XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На политическую ситуацию в Саксонии особый отпечаток накладывали распри в правящей саксонской династии Веттинов: линия Эрнестинов (герцоги) и Альбертинов (курфюрсты) имели взаимные территориальные претензии; католический фанатизм герцога Георга подогревался его враждой к лидеру лютеран курфюрсту Иоганну Саксонскому.

² При передаче русской транскрипции географических названий мы придерживаемся написания, принятого в современной картографии. См. Федеративная Республика Германия. Справочная карта. М., 1982.

³ ...zu leben, zu regieren und zu halten, wie ein jeder solches gegen Gott und Kaiser. Majestat hofst und vertraut zu verantworten // Neue und vollständigere Sammlung der Reichs-Abschiede. Frankfurt: Koch, 1747. Tl. II. S. 274 (§ 4).

⁴ Fabian E. Die Entstehung des Schmalkaldischen Bundes und seiner Verfassung. 2. Aufl. Tübingen, 1962. S. 28.

⁵ Politische Correspondenz der Stadt Strassburg im Zeitalter der Reformation. Bd. 1. Bearb. von H. Virck. Strassburg, 1882. S. 268.

⁶ RTA-7. S. 2.

⁷ Ibid. S. 2.

⁸ Ibid. S. 12—13.

⁹ Ibid. S. 15.

¹⁰ Ibid. S. 44—45.

¹¹ Ibid. S. 990.

¹² Получив прямые указания от императора, его брат и наместник в Германии Фердинанд потребовал от Филиппа прекратить помочь герцогу, Филипп не подчинился. См. RTA-7. S. 101, 131, 131—132 (Alt. 4), 167.

¹³ В качестве казуса Белин фигурировал фальшивый документ об антиюгерманском союзе могущественных католических князей, полученный Филиппом от Отто фон Пака, вице-канцлера герцога Георга Саксонского. Подробнее о так называемом «Пакском инциденте» см.: Rommel C. Geschichte von Hessen. Cassel, 1830. 3. Tl., 2. Abt. S. 4—26; Kuhn J. Zandgraf Philipp von Hessen. Der politische Sinn der sogenannten Packischen Handel // Staat und Persönlichkeit. Leipzig, 1928. S. 107—129.

¹⁴ Письма Лютера во время конфликта, адресованные курфюрсту Иоганну, курпринцу Иоганну-Фридриху и саксонскому канцлеру Брюку см.: Luther M. Werke. Briefwechsel. Weimar, 1933. Bd. 4. S. 421—423, 432, 447—450, 450—453, 465, 472—473.

¹⁵ Fabian E. Die Entstehung... S. 32—34.

¹⁶ RTA-7. S. 1065—1066.

¹⁷ Ibid. S. 344—345.

¹⁸ Переписку о миссии Вальтихирха см.: Ibid. S. 342—387.

¹⁹ Ibid. S. 1128—1136.

²⁰ Ibid. S. 1136—1138.

²¹ Ibid. S. 605—606.

²² Ibid. S. 1213—1216.

²³ Ibid. S. 653—656.

²⁴ Ibid. S. 683—684.

²⁵ Ibid. S. 748.

²⁶ Ibid. S. 696—697.

²⁷ Ibid. S. 695—696.

²⁸ Ibid. S. 1143.

²⁹ Ниже мы описываем события этого дня, используя протоколы эрцканцелярии, о которых из них приведены в RTA-7, S. 702—710.

³⁰ Брат императора Карла V, Фердинанд, после гибели в 1526 г. в битве с турками при Мокаче короля Венгрии и Богемии Людовика принял его титул.

³¹ RTA-7. S. 1235—1244.

³² Ibid. S. 360.

³³ Ibid. S. 1260—1265.

³⁴ Ibid. S. 1273—1288.

³⁵ Ibid. S. 804—804. Der Abschiet: Speier 1529. Ibid., S. 1296—1314.

³⁶ Ibid. S. 616—617. Существующие публикации государственно-правовых источников крайне скучно освещают влияние социального аспекта на решения рейхстагов и политическую борьбу вообще. Между тем возможность социального взрыва несомненно учитывалась наиболее дальновидными государственными деятелями. Так, в ответ на воинственное бреве папы Адриана VI Большая комиссия 2-го Нюрнбергского рейхстага заявила, что слишком строгие преследования лютеран могут вызвать восстание «простого человека» и отпадение его от властей. — Deutsche Reichstagsakten. Jungere Reiche. Bd. 3. Bearb. von A. Wrede. 2. Aufl. Göttingen, 1963, S. 432.

³⁷ RTA-7. S. 604.

³⁸ Ibid. S. 619—622, bes. 621.

³⁹ Ibid. S. 795—796, 1294—1296.

⁴⁰ Ibid. S. 803—804.

⁴¹ Friedenszusage der RT — Mehrheit — Ibid. S. 1342—1343; Friedenszusage der Protestierender. см.: Ibid. S. 1343—1344.

⁴² RTA-7. S. 1321—1324.

⁴³ Kuhn J. Wer trägt Verantwortung an der Entstehung des politischen Protestantismus? // Kultur und Universalgeschichte. Leipzig, Berlin, 1927. S. 215—228.

⁴⁴ RTA-7. S. 1345—1356. В этом документе (S. 1354) перечисляются города, окончательно решившие не признавать решение рейхстага: Страсбург, Ульм, Нюрнберг, Констанц, Линдау, Мемминген, Нордлинген, Хайльбронн, Ройтлинген, Исли, Вайсенбург, Виндсхайм, швейцарский Санкт-Галлен.

⁴⁵ ABBP. S. 23—25.

⁴⁶ RTA-8. S. 97—112.

⁴⁷ ABBP. S. 31—32.

⁴⁸ Большинство верхненемецких городов восприняло цвинглианство в более умеренной форме «буцеранства» — учения страсбургского реформатора Мартина Буцера. Различие между ними незначительно, Буцер несомненно последователь Цвингли.

⁴⁹ Luther M. Op. cit. Bd. 5. S. 78—81.

⁵⁰ О Меммингенских тагах см.: ABBP. S. 17—21, 45—50, 51—57.

⁵¹ О переписке Филиппа Гессенского с Лютером и Цвингли при подготовке коллоквиума см.: Luther M. Op. cit. Bd. 5. S. 104—105, 108—110; Lenz M. Zwingli und Landgraf Philipp // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 3. Heft 1. Gotha, 1879. S. 29—62.

⁵² Kohler W. Das Marburger Religionsgespräch 1529 // Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte. Leipzig, 1529. Heft 1. (Nr. 148). S. 38. Лютер на коллоквиуме, особенно при встречах с Цвингли, держался крайне нескромно и вызывающе. Филиппу Гессенскому на правах хозяина не раз приходилось урезонивать разбушевавшегося теолога (см.: Ibid. S. 20).

⁵³ PA-1. S. 171—172. Ранее «бургрехт» — объединение цвинглианских городов Швейцарии. Участие ландграфа Гессенского в этом союзе практически прекратилось с гибелью Цвингли.

⁵⁴ ABBP. S. 70—87.

⁵⁵ Ibid. S. 86—87.

⁵⁶ Ibid. S. 95—97.

⁵⁷ Ibid. S. 110—115, 118—119.

⁵⁸ Подробнее см.: Fabian E. Die Entstehung... S. 84—90.

⁵⁹ PA-1. S. 164.

⁶⁰ URA-2. S. 474—478.

⁶¹ Tatsachen V. Protokoll des Augsburger Reichstags 1530. Göttingen, 1958. S. 157—158.

⁶² URA-2. S. 794—796; 811—812.

⁶³ Ibid. S. 818—820.

⁶⁴ Ibid. S. 839—846.

⁶⁵ BOSS-1. S. 66—77.

⁶⁶ SBA-1. S. 11—17, bes. 12.

- ⁶⁷ Полный текст этого документа приведен в приложении к монографии Э. Фабиана. См.: Fabian E. Die Entstehung... S. 347—353.
- ⁶⁸ Ibid. S. 350.
- ⁶⁹ Ibid. S. 352.
- ⁷⁰ BOSS-1. S. 103—107.
- ⁷¹ Ibid. S. 85—86.
- ⁷² Fabian E. Die Entstehung... S. 176—177.
- ⁷³ Kanzler Feiger Ratschlag über «fiskalisch sach» // Urkunden und Akten der Reformationsprozesse am Reichskammergericht, am kaiserlichen Hofgericht zu Rottweil und an andeinen Gerichten. Hrsg. von E. Fabian. Tübingen, 1961. S. 18—24.
- ⁷⁴ Императорский фискал — судебный чиновник, предназначенный для охраны интересов казны. Жалование получал от императора и фактически представлял его интересы в имперском суде.
- ⁷⁵ Наиболее остро этот вопрос стоял на бундестаге во Франкфурте в июне 1531. См.: BOSS-2. S. 12—13.
- ⁷⁶ Подробнее см.: Winckelmann O. Der Schmalkaldische Bund 1530—1533 und der Nürnberger Religionsfriede. Strassburg, 1892.
- ⁷⁷ URA-2. S. 76—79.
- ⁷⁸ SBA-1. S. 52—60.
- ⁷⁹ SBA-2. S. 22—28.
- ⁸⁰ Ibid. S. 66—74.
- ⁸¹ Verfassung zur eilenden rettung und gegenwehr // Fabian E. Die Entstehung... S. 357—376.
- ⁸² Ibid. S. 302; SBA-2. S. 113—114.
- ⁸³ SBA-2. S. 66.
- ⁸⁴ Правил в 1539—41 годах, после смерти брата, фанатичного католика Георга Саксонского.
- ⁸⁵ В 1537 году вышел из союза.
- ⁸⁶ Quellen zur Geschichte der Reformationsbündnisse und der Konstanzer Reformationsprozesse 1529—1548. Tübingen; Bascl, 1967. S. 238—241.
- ⁸⁷ Альбрехт ежегодно посыпал каизеру Карлу V особо почетные, «императорские дары» — охотничьих соколов. См.: Urkundenbuch zur Reformationsgeschichte des Herzogtums Preussen. Hrsg. von P. Tschackert. Osnabrück, 1965. Bd. 1. S. 183.
- ⁸⁸ Вероятность волнений в городах на религиозной почве действительно существовала. Так, когда летом 1548 г., после военного разгрома Протестантского союза, в Страсбурге стало известно о реставрации по приказу императора католического богослужения, множество дворян и богатых купцов покинуло город, опасаясь восстания простого люда. См.: Politische Correspondenz der Stadt Strassburg im Zeitalter der Reformation. Hrsg. H. Gerber. Heidelberg, 1931—1933. S. 1069—1070.

«ГЕЙЛЬБРОННСКАЯ ПРОГРАММА» И ЦВИНГЛИАНСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

В ходе Реформации и Крестьянской войны XVI в. в германских землях появилось немало проектов общественных преобразований. Одним из замечательных памятников той эпохи стала так называемая «Гейльброннская программа», авторы которой выдвинули проект создания централизованного государства. С целью реализации этого проекта ими сформулированы экономические и политические требования в интересах не только бюргерства, но и крестьянства, и низшего дворянства (рыцарства). В отечественной и зарубежной историографии исследованы многие стороны «Гейльброннской программы»¹. В то же время до сих пор некоторые аспекты документа изучены в недостаточной мере. Один из них — вопрос об идеологической ориентации авторов программы и ее политической сущности.

В советской исторической литературе данная проблема была только поставлена. П. П. Щеголев, например, считал, что «программа планировала евангелическую, т. е. лютеранскую, реформацию»². В. А. Еромолаев полагает, что взгляды объединившейся вокруг инициаторов «Гейльброннской программы» группировки бюргерской интеллигенции отличаются от взглядов консервативного большинства бюргерства меньшим вниманием к вопросам реформации религии и церкви. «Ее можно назвать, — утверждает он, — разновидностью радикально-бюргерской оппозиции, хотя у нее имеются большие отличия от Гайсмайера, Цвингли и др.»³.

Позиция В. А. Еромолаева по этому вопросу представляется научно обоснованной. В настоящей работе предпринимается попытка выявления сходства и различий в платформах авторов «Гейльброннской программы» и Ульриха Цвингли.

Различные аспекты цвинглианства освещались в отечественной историографии В. А. Порозовской, М. М. Смирным, А. Н. Чистозвоновым, В. Е. Майером, Ю. К. Некрасовым, В. В. Ивановым⁴, в зарубежной — Я. Кройцером, В. Кельнером, Э. Роттером, Г. Готтером, С. Озментом, Г. Расселом⁵. Среди отечественных историков цвинглианство наиболее глубоко исследовано В. В. Ивановым, в трудах которого прослеживается влияние реформационного учения Цвингли на программные документы Крестьянской войны в Юго-Западной Германии и деятельность верхненемецких реформаторов. Впрочем, еще до него отечественные историки обратили вни-

мание на связь таких документов Крестьянской войны, как «12 статей» швабских крестьян, анонимный политический памфлет «Собранию простого крестьянства» и некоторых других⁶, с цвинглианской реформационной доктриной. Однако здесь имеется в виду преимущественно юго-западный регион германских земель.

Во Франконии, где появилась «Гейльброннская программа», ситуация была несколько иной: тут большей популярностью пользовалось реформационное учение Лютера. Так, в Швабиш-Галле действовал лютеранский проповедник Иоганн Бренц. Лютеранство пустило достаточно глубокие корни в Гейдельберге, особенно в местном университете, из стен которого вышло немало последователей учения Лютера. В Гейльбронне проповедником церкви св. Килиана стал лютеранин Иоганн Лахман, и более радикально настроенный Мартин Буддер из Страсбурга, высказывал недовольство медленным ходом Реформации в Гейльбронне. Преобладание влияния лютеранства во Франконии было очевидным фактом⁷.

Необходимо, однако, отметить, что во франконских городах известное распространение получают и идеи радикальных реформационных течений, в том числе цвинглианство. В Крайгау, например, проповедовали процвинглианские священники Иоганн Вальц, Мартин Германус, Андреас Вайнштейн. В Нердлингене проповедник Теобальд Билликан находился под влиянием учения Карлштадта и признавал необходимость создания христианских общин «по цвинглианскому образцу»⁸. В этом же городе возникло движение во главе со стеклодувом Бальтазаром Фендом⁹, которого можно вполне отнести к радикальному крылу цвинглианской реформации. Все это в конечном счете усиливало интерес к цвинглианству не только как к религиозному, но и как к общественно-политическому течению.

Принципиальные положения своей доктрины Ульрих Цвингли сформулировал в «67 тезисах». Особое место здесь отводится общине верующих, так как, по словам автора, «все верующие есть части тела и дети Бога. [Они составляют] общину верующих или церковь Христову»¹⁰. При этом понятие церкви у Цвингли переносится с «духовного сословия» на всю общину верующих, как это было в первоначальных христианских общинах¹¹. Он отвергает разделение власти на духовную и светскую, полностью подчиняя первую второй. В 40-м тезисе Цвингли наделяет власти большими полномочиями по отношению к провинившимся подданным: «Они одни могут по праву наказывать смертью лишь тех, которые открыто Бога прогневали, рассердили...»¹². 37-й и 38-й тезисы развивают тему светской власти: «Ей повинуются, ей послушны все христиане, не исключая никого», «если она не требует ничего, что противно Богу»¹³. Однако уже в 42-м тезисе Цвингли допускает устранение неугодной Богу светской власти: «Если она поступает вероломно и

кому-то, кроме Христа, следовать будет, то ее необходимо с Божьей помощью (*mit Gott*) сместьть»¹⁴. Как замечает М. М. Смирин, вопрос об устраниении «богопротивных правителей» от власти «сильно смущает Цвингли»¹⁵. Но предложенная реформатором формулировка «с Божьей помощью» не исключала для некоторых радикальных цвинглианцев возможности свободного толкования и вложения в формулы учителя социального смысла¹⁶. Именно такими радикальными цвинглианцами, по нашему мнению, являлись авторы «Гейльброннской программы».

К числу социально-политических требований, сформулированных последними, относится требование реформы церкви и ее институтов. Венделль Гиплер и Фридрих Вейгандт выдвинули требование выборности священников: «Чтобы каждая община достала себе хороших пастырей, которые старались бы пасти своих овец только Словом Божиим, основанном на Писании; [чтобы община] могла ставить и смещать их». Требования относительно реформации церкви и секуляризации ее богатств обосновывались ими ссылками на гл. 19 Евангелия от Матфея, где Христос, советуя юноше расстаться со своим богатством, говорит: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Божие». Здесь же Христос формулирует важнейшие христианские заповеди, которые духовенство, по мнению реформаторов, не выполняет. В программе предусматривается содержание священников «согласно их действительным потребностям», «но с таким расчетом, чтобы остаток шел на бедных, нуждающихся людей и на общую пользу». Новый священник, проповедующий Слово Божие, противопоставлялся старому духовенству, к которому авторы «Гейльброннской программы» не скрывали своего негативного отношения: «Отменить все, что противно этому (Слову Божьему), которое запрещалось так называемым духовенством»¹⁷. В данном вопросе они выступали как единомышленники Цвингли — приверженца идеи выборности священника общиной. Цвингли писал в «67 тезисах», что «Священному Писанию не соответствует тот характер, который приобрело духовенство в последние времена», и что «Священное Писание признает только священников, вевающих Слово Божье»¹⁸. Авторы «Гейльброннской программы» однозначно и последовательно решали вопрос о судьбе монастырей и других институтов церкви: «Все духовные дома должны быть употреблены на пользу общую»¹⁹. Они предусматривали компенсацию за утрату поборов и пошлин светским феодалам за счет церковных владений²⁰. Эти требования программы вполне соответствовали взглядам Цвингли, видевшего в духовенстве причину многих зол в современном ему обществе.

Цюрихский реформатор не только осуждает, но и предупреждает духовенство католической церкви: «Все духовные [лица] должны

спешно смириться и воздвигнуть не ящик с деньгами, а крест Христов, иначе они придут к своей погибели»²¹. Цвингли был сторонником закрытия монастырей, что и реализовывал в своей практической деятельности. Лютер же, поначалу склонявшийся к идеи выборности священников, позднее отказался от этого принципа, передав право назначения приходских священников светской власти в лице князей и их чиновников²². Но оба реформатора выступали против института монастырей и поддерживали требования об их закрытии. Правда, Цвингли, а вслед за ним и авторы «Гейльброннской программы» выступали за скорейшее и насилиственное закрытие и ликвидацию монастырей. Лютер же полагал, что это следует осуществлять постепенно и на добровольных началах²³.

Авторы «Гейльброннской программы» поставили перед собой задачу, для решения которой необходимо было реформировать и радикально преобразовать все стороны общественной жизни Германии. Содержание составленных ими документов дает основание сделать следующий вывод: Гиплер и Вейгандт склонялись к разрешению общественных проблем мирным путем, суть которого состояла в проведении радикальных реформ, а в качестве основного средства их осуществления предлагалось «братское объединение» бюргеров, крестьян и рыцарей. Однако в условиях Крестьянской войны они не отказывались от практической поддержки крестьянского движения. И здесь они намерены были действовать вполне в духе учения Цвингли, которое все же допускало устранение светской власти неугодной Богу²⁴. Цвингли имел в виду три возможных варианта смешения светских правителей в зависимости от того, как они получили власть. Во-первых, если правитель избран всей общиной, она же его и смещает. Во-вторых, если правитель (германский император. — А. М.) избран собранием князей (коллегией курфюрстов), то последние и лишают его власти. В-третьих, если правитель обладает наследственной властью, Цвингли предлагает весьма туманную рекомендацию: отвергнуть его единодушным решением всей совокупности народа²⁵. Эта рекомендация, однако, не исключала и насилиственного низложения «тирана». Что касается Лютера, то он призывал подчиниться любой светской власти и уверял, что «простой народ нужно успокоить и указать ему, чтобы он воздержался от мятежа и в словах, и в помыслах и ничего бы не предпринимал без повеления начальства, без указания законной власти»²⁶. Как видим, и в отношении к институту светской власти Гиплер и Вейгандт ближе к Цвингли, чем к Лютеру.

«Гейльброннская программа» требовала лишить духовенство светской власти. Требование это мотивировалось тем, что «духовных лиц могут обольстить светские почести настолько, что они потеряют Божью благодать, если только она была у них»²⁷.

Подобная трактовка вполне соответствовала учению Цвингли, который писал: «Духовная власть с ее роскошью не имеет никакого основания в учении Христа», и «только светская власть имеет силу и подтверждение в учении и деятельности Христа»²⁸. Все это убедительно свидетельствует о том, что точки зрения авторов «Гейльброннской программы» и Цвингли в вопросе об институте власти по сути дела совпадают. Впрочем, такого мнения придерживался и Лютер. Дело в том, что, разрабатывая концепцию светской власти, Цвингли во многом опирался на Лютера, который исходил из того, что существует «светский и духовный порядок», и допускал при этом вмешательство светской власти в дела церкви, риторически спрашивая: «По-христиански учить и говорить, что светское начальство не властно над духовенством, что оно не может карать его?»²⁹ Лютер (как равным образом и Цвингли) стремился подчинить духовную власть светской власти.

Если по большинству вопросов Гиплер и Вейгандт выступали как единомышленники Цвингли, то в вопросе о форме государственного устройства они, в отличие от цюрихского реформатора, не были сторонниками республиканского строя. Авторы «Гейльброннской программы» требовали, чтобы «все ленники честно и добросовестно служили единому Римскому императору»³⁰. Здесь они оказываются ближе к Лютеру, склонявшемуся к монархической форме правления. Вполне возможно, что на подобную позицию Гиплера и Вейгандта повлияли не столько Лютер, сколько географический и политический факторы (Франкония, где была составлена «Гейльброннская программа», не была такой относительно обособленной территорией, как Швейцарский Союз, и здесь республиканские традиции не играли столь значительной роли).

При решении аграрного вопроса авторы «Гейльброннской программы» и сопутствующих ей документов стремились учесть интересы различных социальных групп общества (крестьянства, дворянства, бургерства), что обусловило поиски ими компромисса. Программа требовала, «чтобы можно было выкупить всякий ценз с земли, считая по 20 пфеннигов за 1 пфенниг», а также отмены личнонаследственной зависимости крестьян, свободы пользования землями альменды, отмены посмертного побора и малой десятины, уменьшения допускных платежей при вступлении в наследование держанием. При этом авторы программы сохраняли различные феодальные повинности и поборы до решения «всеобщей реформации».³¹

Рассматривая отношение авторов «Гейльброннской программы» к крестьянам, нетрудно обнаружить определенное сходство с позицией Цвингли. Последний также осуждал «личное крепостничество» и простиравшие из него поборы, «поскольку все мы Божьи дети и

должны друг с другом в братской любви быть»³². Предпринимая практические меры по решению аграрного вопроса, Цвингли сохранил большую десятину, но отменял малую. Аналогичным образом эту проблему решали и авторы программы. В то же время Цвингли признавал необходимость взимания налогов с крестьян, без уплаты которых светская власть не могла бы существовать³³. Необходимо поэтому отметить склонность швейцарского реформатора к компромиссу при решении аграрного вопроса. «Своими оговорками, — утверждает В. Г. Павленко, — он сводит на нет требования крестьян о предоставлении им общинных угодий, о запрещении продажи с аукциона имущества крестьян в счет неуплаты чинша»³⁴. И все же нельзя не признать, что «Цвингли стоял к делам крестьян намного ближе, чем виттенбергский реформатор»³⁵. Отвечая на требования «12 статей» швабских крестьян, Лютер говорил, что десятиной должна ведать существующая светская власть и что Библия не санкционирует и не отрицает крепостной зависимости, но можно привести десятки примеров того, что она мирится с нею³⁶. Вряд ли авторы «Гейльброннской программы», вполне определенно разделявшие и поддерживавшие требование отмены крепостной зависимости крестьян³⁷, испытывали в решении аграрного вопроса влияние Лютера, который заявлял о «незаконности» этого требования и обвинял крестьян в покушении на «чужую собственность»³⁸. Здесь они, безусловно, гораздо ближе к Цвингли, чем к Лютеру.

Анализируя документы, проливающие свет на военно-политический аспект в деятельности Гиппера и Цвингли³⁹, можно сделать вывод о том, что оба они принадлежали к числу тех представителей бургерской оппозиции, которые рассматривали войну как «нежелательное, но возможное, а при некоторых условиях и необходимое средство достижения политических и реформационных целей»⁴⁰. Более того, оба эти деятеля реформационного движения заплатили своими жизнями за дело, которому служили (Цвингли погиб в битве при Каппеле в 1531 г., а жизнь Гиппера оборвалась в тюрьме графа Нойенштадтского еще в 1526 г.). И если первый был прежде всего теоретиком, то второй — скорее практиком, на что, в частности, указывает и его роль в организации крестьянского движения⁴¹.

Красной нитью через весь проект гейльброннских реформаторов проходит мысль об обязанности власть предержащих защищать «послушных» и «благочестивых», вдов и сирот, заботиться о «бедном и простом человеке» и вообще действовать «по-Божески». Принципиальные установки Цвингли были аналогичными. В 39-м тезисе «67 статей» он замечал, что следует «все ее (светской власти. — А. М.) установления привести в соответствие с Божьей волей таким образом, чтобы они нуждающегося защищали даже [в

том случае], если он не жалуется»⁴². Далее Цвингли подвергает резкой критике князей за тианический образ правления, формулируя этические принципы княжеского правления и в сильных выражениях критикует тиранов, которых развелось так много, как цветов в августе⁴³. «В итоге то государство наилучшее и наиболее прочное, — пишет реформатор, — которое по-Божески правит, и то самое злое и непрочное, которое правит по произволу»⁴⁴.

Таким образом, проект гейльброннских реформаторов испытал влияние политических принципов цвинглианской и отчасти лютеранской реформации. Гиплера и Вейганда сближают с Цвингли радикальный подход при решении политических вопросов, отношение к несправедливой светской власти, более категоричное по сравнению со сторонниками умеренно-бюргерской оппозиции отношение к секуляризации церкви и упразднению монастырей, а также определенная компромиссность в решении аграрного вопроса. По всей видимости, реформационное учение Цвингли, ставшее важным идеальным импульсом общественного движения эпохи Реформации и Крестьянской войны, особенно в юго-западном регионе германских земель, в определенной степени стимулировало появление «Гейльброннской программы», хотя здесь возможно отразилось не только воздействие теории Цвингли на авторов программы, но и проявилось объективное сходство общих принципов их политической деятельности. При решении отдельных вопросов гейльброннские реформаторы могли, конечно, испытывать и влияние Лютера (скажем, в выборе формы правления, секуляризации церковных имуществ и подчинении церкви светской власти). Некоторые положения «Гейльброннской программы» (о приоритете Священного Писания над Священным преданием, требование реформы системы благотворительности, осуждение деятельности компаний-монополистов) разделяли все сторонники Реформации независимо от их социально-политической ориентации. И все же сходство религиозно-политических идей, которые нашли отражение в данной программе и сопутствующих ей документах, с учением и программой деятельности Цвингли позволяют рассматривать Гиплера и Вейганда (равным образом их единомышленников и сподвижников) как представителей радикально-бюргерского направления в реформационном движении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Е м о л а е в В. А. Гейльброннская программа: программа немецкого радикального бюргерства в Крестьянской войне 1525 г. Саратов, 1986; О н ж е. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. // СВ. 1954. Вып. 5; П а в л е н к о В. Г. О происхождении и сущности «Хейльброннской программы» // УЗ. КГПИ, Кемерово, 1968. Вып. 16; С и н и р и и М. М. Гейльброннская программа // СИЭ. 1963. Т. 4; М и к е ш и н А. А. «Гейльброннская программа» в отечественной историографии // Германская история эпохи

Реформации (исследования и документы). Вологда, 1993; О н ж е. «Гейльброннская программа» в освещении западных историков-немарксистов // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994.

² Шеголев П. П. Очерки истории Западной Европы XVI—XVII вв. Л., 1938. С. 112.
³ Ермолаев В. А. Гейльброннская программа... С. 88.

⁴ Порозовская Б. Д. Ульрих Цвингли. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1892; Чистозвонов А. Н. Цвингли // СИЭ., М., 1963. Т. 15. С. 709; О н ж е. Цвинглианство и кальвинизм. Католическая реакция в Европе // Всемирная история. М., 1958. Т. 4; О н ж е. Реформация в Швейцарии. Феодальная реакция и контрреволюция в Европе // История средних веков. М., 1991. Т. 2; Некрасов Ю. К. Социально-политические вопросы в освещении немецкой хроники XVI в. // ЕГИ, 1977. М., 1978. С. 190—192; О н ж е. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история... С. 55—56; Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера. М., 1957. С. 322—335, 339—341; О н ж е. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969. С. 390—397; Иванов В. В. Памфлеты и программы Юго-Западной Германии в 1523—1526 гг. и реформация Ульриха Цвингли. Автографат дисс... кандидата исторических наук. Л., 1986; О н ж е. У. Цвингли и военные программы южнонемецкого крестьянства в 1525 г. // Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма. Иваново, 1986; О н ж е. Религиозно-политические представления У. Цвингли. Рукопись. Деп. ИИОН. Устинов, 1985; Иванов В. В. Майер В. Е. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии. Ижевск, 1992.

⁵ Кёлер W. Huldrich Zwingli. Leipzig, 1954; Кетцер J. Zwinglis Lehre von der Obrigkeit. Amsterdam, 1965; Озентс The Reformation in the cities. Neu-Haven, London, 1975. Поттер G. Zwingli. Cambridge, 1976; Роттер Die religiöse und geistliche Grundlage des Politik Huldrich Zwinglis... Erlangen, 1956; Русслер Lay theology in the Reformation: popular pamphlets in South-Western Germany. Cambridge, 1986.

⁶ Майер В. Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 124, 128—130; Некрасов Ю. К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.). Вологда, 1985. С. 91—95.

⁷ Наппеманн M. The diffusion of the Reformation in southwestern Germany. Chicago, 1975. Р. 52—53, 159, 162, 184.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Некрасов Ю. К. Города и бюргерство... С. 63.

¹⁰ Buch der Reformation: eine auswältige zeitgenössische Zeugnisse (1476—1555) hrsg. Plöse D., Vogler G. Berlin, 1989. S. 308.

¹¹ Порозовская Б. Д. Указ. соч. С. 42.

¹² Zwinglis Werke. Zürich, 1828. Bd. I. S. 364.

¹³ Buch der Reformation... Berlin, 1989. S. 310.

¹⁴ Там же. С. 310.

¹⁵ Смирин М. М. Народная реформация... С. 339.

¹⁶ Смирин М. М. К истории раннего капитализма... С. 395.

¹⁷ Documente aus dem deutschen Bauernkrieg: Beschwerden, Programme, Theoretische Schriften. Hrsg. W. Lenk. Leipzig, 1974. S. 178; Евангелие (репринтное издание христиан-баптистов). 1968. С. 23.

¹⁸ Zwinglis Werke. Zürich, 1828. Bd. I. S. 414, 415.

¹⁹ Documente... S. 175.

²⁰ Там же. С. 176.

²¹ Buch der Reformation... Berlin, 1989. S. 310.

²² Павленко В. Г. Религиозно-философские и социально-политические взгляды Иоганна Эберлина // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. № 273. С. 73.

²³ Luthers Werke in neuer Auswahl. Berlin, 1950. Bd. 4. S. 67—69, 229. Ср. Дятлов В. А. Реформа городской благотворительности в Германии (1522—1524) // Германская история эпохи Реформации... С. 49—50.

²⁴ Buch der Reformation... Berlin, 1989. S. 310.

²⁵ Иванов В. В., Майер В. Е. Памфлеты... С. 51.

²⁶ Источники по истории Реформации / Сост. и перевод Д. И. Егорова. М., 1206. Вып. 1. С. 18.

²⁷ Documente... S. 181.

²⁸ Buch der Reformation... Berlin, 1989. S. 309, 310.

- ²⁹ Dr. M. Luthers Werke. Hamburg, 1826. Bd. 1. S. 311—315; Источники по истории Реформации... С. 6.
- ³⁰ Documente... Leipzig, 1974. S. 179.
- ³¹ Documente... Leipzig, 1974. S. 176—179; Источники по истории Реформации... С. 86.
- ³² Zwinglis Werke... Bd. 2. Abt. 2. S. 374.
- ³³ Там же. S. 374.
- ³⁴ Павленко В. Г. Религиозно-философские и социально-политические взгляды Иоганна Эберлинга // УЗ МГПИ им. В. И. Ленина. История средних веков. М., 1965. № 273. С. 73.
- ³⁵ Waas A. Die Bauern im Kampf um Gerechtigkeit: 1300—1525. München, 1976, S. 80.
- ³⁶ Соловьев Э. Непобежденный еретик: Лютер и его время. М., 1984. С. 207.
- ³⁷ Ермолов В. А. Гейльброннская программа... С. 202, 215, 221, 226—227.
- ³⁸ Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962. С. 253—254; Он же. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. М., 1978. С. 202—203; Голубкин Ю. А. Эволюция представлений Мартина Лютера о светской власти и ее роли в Реформации (1517—1525 гг.) // ЕГИ. 1978. М., 1979. С. 256 след.
- ³⁹ Zwingli U. Ratschlag zu einem Feldzug // Hauptschriften, Bd. 7. Zürich, 1942. S. 233—260; Gipplig W. Instruktion und Beratungsplan für den Heilbronner Baernstag // Documente... S. 188—190.
- ⁴⁰ Иванов В. В. Ульрих Цвингли... Иваново, 1986.
- ⁴¹ Ермолов В. А. Гейльброннская программа... С. 195—196.
- ⁴² Buch der Reformation... S. 310.
- ⁴³ Некрасов Ю. К. Социально-политические вопросы... С. 191.
- ⁴⁴ Buch der Reformation... S. 310.

M. V. Васильева

ХУТТЕРОВСКОЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ ПО «ОТЧЕТУ О НАШЕЙ РЕЛИГИИ, УЧЕНИИ И ВЕРЕ» ПЕТЕРА РИДЕМАНА*

Хуттеровские братья, об основных вероисповедных принципах которых пойдет речь в данной статье, являются представителями протестантского течения, возникшего во второй половине 20-х — первой половине 30-х гг. XVI в. на территории Моравии в среде австрийских, немецких и швейцарских эмигрантов-анабаптистов. С конца XIX в. зарубежные ученые проявляют значительный интерес к истории хуттеровского братства, при этом, естественно, не оставляя без внимания религиозные воззрения хуттеровцев¹. Однако отечественными исследователями эта проблематика фактически не разрабатывалась. По крайней мере, с достаточной определенностью можно сказать, что обращение к ней советских историков ограничивалось беглыми замечаниями², которые почти не затрагивали тему обозначенную в заглавии статьи. Между тем исследование вероисповедания хуттеровцев позволит пролить свет не только на некоторые стороны жизни их общин, но и на историю всего раннего европейского анабаптизма.

По отношению к проповедуемому хуттеровскими братьями учению крайнюю враждебность выражали как католики, так и представители ведущих направлений в Реформации³. Что же не устраивало последних в вероучении хуттеровцев, и в чем, соответственно, заключалось вызвавшее в ту враждебность своеобразие хуттеровского вероисповедания? Религиозное мировоззрение хуттеровцев нашло отражение в многочисленных теологических сочинениях⁴, однако в данной статье автор попытается ответить на поставленный вопрос, опираясь на анализ содержания только одного документа. Речь идет о первом своде хуттеровских догматов, так называемом «Отчете о нашей религии, учении и вере»⁵, принадлежащем перу одного из лидеров и идеологов хуттеровских братьев Петера Ридемана (1506—1556 гг.). Хуттеровские хронисты характеризуют этого «истинного евангелического служителя и руководителя всего сообщества Божьего» следующим образом: «Он был богат божественными тайнами. Дар духовного слова проистекал от него, как источник».

* Данная статья публикуется в рамках проекта «Хуттеровское вероисповедание и его истоки», разрабатывавшегося автором при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 1994 г. (грант № 94-06-19801-а).

ник, который переливается через край. Все души, слушавшие его, ликовали»⁶.

Автор «Отчета» был родом из Хиршберга (Силезия). В 1529 г. он стал «служителем слова» (проповедником-миссионером) верхнеавстрыйских анабаптистов. В том же году за свою приверженность анабаптизму Ридеман был арестован властями и находился в заключении в Гмундене (Верхняя Австрия) с 1529 по 1532 г. После освобождения, в 1532 г., он присоединился к «моравским» анабаптистам, занимался миссионерской деятельностью во Франконии и в 1533—1537 гг. был снова подвергнут заключению, на этот раз в Нюрнберге. После освобождения Ридеман активно занимался проповедью хуттеровского вероучения на территории Гессена, за что в 1540 г. снова был схвачен властями и подвергнут заключению первоначально в Марбурге, несколько позднее — в Волькерсдорфе, в замке ландграфа Филиппа Гессенского. Благодаря тому, что ландграф Филипп в это время пытался воздействовать на анабаптистов методом убеждения и с помощью теологов Марбургского университета склонить их к лютеранству, условия содержания адептов новой веры в Волькерсдорфе не были суровыми. Это позволило Ридеману использовать проведенное там время для подробного письменного обоснования основоположений хуттеровского вероисповедания и обусловленного им жизненного уклада хуттеровцев⁷. Таким образом, в 1540—1542 гг. появился интересующий нас «Отчет о нашей религии, учении и вере», который в дальнейшем для краткости мы будем именовать Гессенским отчетом (в отличие от первого «Отчета и исповедания нашей веры» Ридемана, написанного им во время заключения в Гмундене). В этом документе важнейшие принципы вероисповедания хуттеровских братьев впервые были обобщены, четко сформулированы и обстоятельно обоснованы многочисленными ссылками на авторитет Священного писания, поэтому уже в XVI в. Гессенский отчет Ридемана приобрел значение одного из основополагающих догматических документов хуттеровских братьев (о чем, в частности, свидетельствуют его публикации, осуществленные в 1545 и 1565 гг.)⁸.

Итак, обратимся непосредственно к тексту Гессенского отчета и начнем его анализ с учения о Боге, которое нашло отражение в этом документе. Ридеман утверждал, что Бог — это тот, кто «через себя самого существует, не имеет ни начала, ни конца» и обладает всей властью «на небе, на земле и в бездне»⁹. Он имеет «три имени» (Отец, Сын и Дух), но одну сущность и является воплощением «единственной, вечной и неизменной истины»¹⁰.

Краеугольный камень антропологии Ридемана — борьба двух начал в самом человеке. С одной стороны, в представлении Ридемана, человек подобен Богу, но не по плоти и крови, а по духу, так

как Бог в процессе создания «вдохнул в него дыхание своих уст, дух своей истины», а это и есть «Божье подобие». Пока «земным телом» человека руководит «дух истины», данный ему Богом, пока он «живет в божественном послушании», до тех пор он «несет божественный образ». С другой стороны, если человек дает «владеть собою плоти», избирает путь греха (а грех — это прежде всего непослушание Богу), он «воспринимает подобие дьявола» («духа лжи»)¹¹. Когда Адам и Ева нарушили Божью заповедь, в мир был привнесен грех, а «через него — смерть». Этот грех был унаследован всем родом человеческим¹². Вместе с тем, в отличие от Лютера¹³, Ридеман не настаивал на том, что в результате грехопадения «человек был полностью потерян». Следствием первородного греха («который все мы имеем от нашего отца Адама») явилось то, что все люди по своей природе приобрели «стремление к злу и греху», т. е. «наследственный» грех, как утверждал Ридеман, — это лишь «склонность к греху»¹⁴. Все те, кто, как полагал Ридеман, родился «способом Адама», чтобы снова достигнуть «доброго и божественного», должны « заново родиться в Духе»¹⁵. Этой стороне проблемы (необходимости и возможности возрождения человека к жизни вечной) Ридеман уделял значительно больше внимания, чем самому факту грехопадения и его удручающим последствиям¹⁶.

В этой связи остановимся подробнее на теории спасения, изложенной в Гессенском отчете. Возможность спасения человека, как считал Ридеман, появилась благодаря жертве Христа, примирившей Бога «со всем миром»: с этого момента и до тех пор, пока человек сам не согрешит, первородный грех ведет только к «временной смерти»; причиной же «смерти вечной» он является только постольку, поскольку вызывает в людях «все другие грехи». На это, в частности, ссылается Ридеман, отрицая необходимость крещения в детском возрасте (дети не отвечают за грехи родителей, Христос — их заступник)¹⁷. Таким образом, Ридеман признавал, что (теоретически) прийти к Богу может любой человек, так как в этом отношении в момент рождения у всех людей шансы на спасение равны. Следовательно, он не разделял теории божественного предопределения или непредопределения к спасению каждого человека еще до его появления на этот свет. Между тем теорию предопределения проповедовали многие реформаторы.

Путь человека к спасению, как полагал Ридеман, лежит через отказ этого человека от «всего временного и преходящего», через истинное раскаяние, которое идет от «разбитого», «опечаленного» сердца, страдающего из-за грехов и ищущего успокоения¹⁸. Тех, чьи сердца «устремлены только к Богу», Создатель «утешает в печали»: он им «показывает своего Сына», они «слышат его голос» и идут на его призыв¹⁹. По воле Отца все те, кто истинно уверовал,

в его Сына, «не будут потеряны, а будут иметь жизнь вечную», потому что Христос — их спаситель²⁰. Через веру люди воспринимают в себя Христа (он «приходит в них жить») и соединяются с Духом Божиим²¹. Этот Дух, «который обещан и будет дан всем верующим», освобождает их от власти греха и делает «по природе» единими с Христом: они становятся с ним «одной субстанцией, материей, сущностью» и одним «телом» (он — его «главой», они — остальными «членами»). Путь Сына Божьего (который принял на себя временно «человеческую природу», пережил телесную смерть, но «получил от Отца могущество, власть и право наследства», чтобы подобно ему «иметь вечную жизнь в самом себе») должен был пройти каждый верующий²². Таким образом, для Ридемана Христос — это, прежде всего, идеальный образ «возрожденного в Духе» человека. При этом божественная сущность последнего отнюдь не отрицается и не занижается, так как в данном случае не столько Христос приближается к человеку, сколько человек — к Богу. Сын Божий — пример, которому должны следовать все верующие. Чтобы стать истинными детьми «небесного Отца», они должны быть рождены «Богом христовым способом», то есть «через слово, веру и Святой Дух» (подобно тому, как «Мария поверила ангелу благодаря слову проповеди и через веру восприняла Святой Дух, который поддерживал ее веру, чтобы она восприняла Христа, который был ею рожден»)²³.

Итак, первым толчком к «возрождению человека в Духе», с точки зрения Ридемана, должно явиться услышанное слово. Под «словом» Ридеман мог подразумевать и Ветхий завет, и самого Сына Божьего («слово, которое вначале было у Бога»)²⁴. Однако в данном случае речь идет о проповедуемом «служителями Христа» (его «избранными свидетелями») слове Евангелия²⁵. Возникает вопрос: можно ли, исходя из сказанного, делать вывод о том, что для Ридемана первично «внешнее» (написанное или высказанное) слово, в то время как «внутреннее» слово, подразумевающее обладание Духом, для него вторично? Для того, чтобы ответить на него, обратимся к толкованию Ридеманом текста Священного писания.

Ветхий завет Ридеман называл «заветом рабства», так как он «был дан без раздачи Духа милости»²⁶. Соглашаясь с тем, что, когда благодаря Христу верующие получили Божью милость, они были освобождены от Моисеева Закона, Ридеман, вместе с тем, делает следующую оговорку: хотя, с одной стороны, уверовавшие в Христа больше не были «под Законом», с другой стороны, они все же были «не без него». Это означает, что, с точки зрения Ридемана, Закон отменялся только настолько, насколько он был «мертвой буквой», а «насколько он был духовным» продолжал действовать и,

более того, впервые благодаря Духу обрел завершенный «правильный вид»²⁷.

Ридеман признавал, что, в отличие от Ветхого, Новый завет является «заветом милости, откровения и познания Бога», и «дети» его — лишь те, в ком есть Дух Божий. Следовательно, Евангелие — это «радостная весть», объявленная Богом через Святой Дух. Это — «слово свободы», свидетельствующее о том, что благодаря Христу всем истинно верующим дана Божья милость, сделавшая их «свободными, благочестивыми и блаженными», «живое слово», которое пишется не на бумаге, а в сердце, и «не пером или чернилами, а Божьим перстом, его Святым Духом». Исходя из такого понимания сущности Нового завета, Ридеман заключал, что не имеющие в себе «Духа Христова» могут быть служителями только «книжного Закона», а не Евангелия²⁸.

Итак, как мы видим, с одной стороны, Ридеман подчеркивал разницу между Ветхим и Новым заветом, которая была обусловлена тем, что они соответствовали двум различным этапам развития отношений между Богом и человечеством: во времена Ветхого завета — это были отношения господина и рабов, во времена Нового завета — отца и детей (речь идет, конечно, только об истинно верующих). С другой стороны, он признавал, что при духовном восприятии Ветхий завет становился, подобно Новому завету, «словом милости» и, следовательно, различие между ними как бы стиралось²⁹.

Таким образом, согласно Ридеману, Священное писание может быть правильно понято только человеком, обладающим Духом, и лишь такой человек может стать истинным служителем слова Христова. Следовательно, когда Ридеман писал об «услышанном слове Евангелия» как о начале духовного возрождения, он тем самым выражал убеждение в том, что должна быть услышана проповедь человека, обладающего Духом и толкующего Священное писание в соответствии с его указаниями. Иначе говоря, стремящийся к Богу должен услышать не «книжное», а «живое» слово, проникающее в душу и вложенное самим Богом «в уста его вестников»³⁰. Все это позволяет констатировать, что Ридеман, придавая большое значение Писанию, при этом все-таки отстаивал приоритет Духа. В этом он категорически расходился с Лютером, для которого Библия была абсолютным авторитетом, не нуждающимся в обосновании с помощью Духа. Лютер вел «жестокую борьбу» с теми, кто полагал «что толкование Писания следует подчинять только их духу»³¹. Он настаивал на том, что «перед лицом Церкви все, в ком есть Дух, должны быть испытаны мерилом Писания, ибо у христиан должно быть прежде всего принято и совершенно твердо установлено: Священное писание — это свет духовный, который ярче самого солнца».

ца»³². Сказанное позволяет усомниться в правомерности категоричных выводов некоторых исследователей относительно того, что Ридеман, как и другие хуттеровские идеологи, не придавал особого значения учению о владении Духом, целиком опираясь на Библию³³. Надо учитывать и то, что огромное внимание, уделяемое Ридеманом тексту Священного писания, во многом было обусловлено тем обстоятельством, что, по его собственному признанию, «Отчет о нашей религии, учении и вере» первоначально предназначался для ландграфа Филиппа Гессенского³⁴.

Теперь вернемся к рассуждениям Ридемана о том, какие этапы должен пройти человек на пути к своему спасению. Итак, к тем, кто прилежно внимал проповеди божьего «слова» (не «книжного», а «живого»), как считал Ридеман, приходило познание Бога и истинная вера³⁵. Эта вера — «дар Господа», благодаря которому верующие будут спасены³⁶. На первый взгляд может показаться, что, рассуждая подобным образом, Ридеман защищал лютеровский догмат о «спасении только верой». Действительно, сходство нетрудно заметить: оно прежде всего проявляется в отрицании, в противовес католическому вероучению, «добрых дел» как обязательного условия спасения (во многом именно это позволяет объединять в рамках протестантизма эти столь различные учения). Однако наличие общих черт объясняется скорее влиянием в обоих случаях одной и той же традиции, восходящей к средневековой немецкой мистике, чем приверженностью Ридемана к лютеровскому вероучению. Не случайно в его сочинениях мы не находим в чистом виде тезиса о «спасении только верой». Дело в том, что в трактовке проблемы спасения души, несмотря на определенное сходство, Ридеман в то же время существенно расходился с Лютером. Провозглашая основополагающий тезис своего учения, Лютер имел в виду, что каждый должен верить (только верить) в то, что Христос искупил своей кровью его грехи, благодаря чему душа верующего обретет жизнь вечную. Лютер подчеркивал: «Вера никого не называет святым до свершения суда Божьего, потому что вере свойственно не обманываться. Поэтому несмотря на то, что по праву любви всем нам следует считать друг друга святыми, по праву веры никого нельзя объявить святым ...»³⁷. Учение Ридемана о спасении души, напротив, подразумевало, что каждый истинно верующий действительно «возрождается в Духе», становится в полном смысле «святым», что он действительно оправдан и избран к спасению, а не только должен в это верить. Насколько эта мысль отдаляет Ридемана от Лютера, настолько она приближает его к средневековому мистицизму. Первопричиной такого движения мысли было особое отношение Ридемана к вере.

Вера, в понимании Ридемана, — это «действенная божественная сила, которая возрождает человека и делает его похожим на Бога, живым в Его справедливости и страстным в любви и соблюдении его заповедей»³⁸. Тот, кто исповедует веру только на словах, не является истинно верующим³⁹. Когда человек через веру находит Бога, он полностью перерождается: теперь этот человек «живет в Боге», а «Бог — в нем». После того как человек уверовал, он соединяется с Духом, который искореняет в нем грех и насаждает «истину, добро, правду и святость»⁴⁰. С этого момента, как утверждал Ридеман, уже не сам человек действует, а Бог творит в нем свое дело и своей силой подавляет его греховные наклонности, поэтому вера является «победой, одержанной над миром», — это одна из основополагающих идей Гессенского отчета⁴¹. Из сказанного ясно, почему Ридеман резко выступал против обвинения в том, что его сторонники «ищут благодати через свое собственное дело» (т. е. формально занимают в этом вопросе позицию, близкую католическому учению о спасении через «добрые дела»). Он писал: «Но это мы говорим — нет, ибо знаем, что все наши дела, поскольку они наши, — не что иное, как сплошь грех и несправедливость, но насколько они Христовы и насколько их в нас производит Христос, настолько они — истина, справедливость и добро»⁴².

Мысль о том, что после возрождения в Духе человек становится святым, так как все действия в нем производит сам Бог, легла в основу понимания сущности церкви как «святого сообщества» и стала теологическим обоснованием тех внутренних распорядков, которые сложились в хуттеровских общинах со временем, когда был написан Гессенский отчет. Считалось, что членом «Церкви Христовой» — «столпа истины» — мог стать только тот, «кто живет в истине (т. е. — в Боге) или истина — в нем», и если Бог собирает свою церковь (под которой подразумевалось хуттеровское братство) и управляет ею через Святой Дух, то прийти в нее и тем более остаться в ней мог только обладающий этим Духом. Более того, он не только мог, но и, руководствуясь Духом Божиим, обязательно должен был вступить в эту общность «святых» (в «общину не плотскую, а духовную»)⁴³.

Актом «принятия в общину Христа» было крещение, которое при этом утрачивало значение таинства. Дело в том, что, с точки зрения Ридемана, крещение как таковое не давало святости, так как «возрождение в Духе», которое собственно и являлось «смыvанием» первородного греха, должно было произойти до него, само же действие играло чисто символическую роль. Оно рассматривалось как «знак союза», данный Богом своим истинным детям, «которым они принимают в церковь всех, предающих себя Богу», «символ их избранности»⁴⁴. Отсюда вытекало отрицание необходимости

сти крещения в детском возрасте, так как «дети, которые не были рождены Богом христовым способом, а именно через слово проповеди, веру и Святой Дух, не могли быть правильно крещены» и не могли быть приняты в «общину Христову»⁴⁵. Если крещение, как утверждал Ридеман, — «союз доброй совести с Богом» и приобщение к «завету милости и познания Бога», то по отношению к детям, которые «не знают ни добра, ни зла», оно не имеет никакого смысла⁴⁶.

Тот, кто вступал в общину хуттеровских братьев, с точки зрения Ридемана, становился частью тела Христова. Для хуттеровцев это — не метафора: община действительно считалась телом Христа, так как каждый ее член (о чем сказано выше) должен был воспринять в себя Сына Божьего. Отсюда понятно, почему причастие как таинство также утрачивало смысл: сама жизнь в «общине святых» была причащением к телу Христову. Акт же причащения рассматривался Ридеманом как действие, совершающее в память о спасительной жертве Христа, который «снискал нам через свою смерть доступ к Отцу и его милость», чтобы уверовавшие в него были возрождены в Боге и имели жизнь вечную⁴⁷. Он видел в причащении «доказательство общности тела» Христова, символ единения членов хуттеровской общины и их готовности во имя веры принять на себя любые страдания. Слова о хлебе, сказанные Христом ученикам во время Тайной вечери: «Примите, ешьте, сие есть тело мое, за вас ломимое, сие творите в мое воспоминание» (1. Кор. 11), — Ридеман толковал следующим образом: этим Христос желал показать ученикам, что они должны стать с ним одним «телом, сущностью, субстанцией, материей», но при этом он не давал им вкушать в хлебе свою плоть. Тем же, что Христос велел своим ученикам вкушать преломленный хлеб, по мнению Ридемана, он желал показать, что они должны стать похожими на него и в его смерти, стать «сонаследниками» его страданий⁴⁸. Толкуя слова Христа о чаше с вином: «Сие есть Новый завет в моей крови, которая за вас проливается» (Лук. 22), — Ридеман подчеркивал, что он говорит здесь не «сие есть моя кровь, пейте ее все», а — «сие есть Новый завет». В данном случае, считал Ридеман, речь идет о познании людьми Бога, которое открывает путь к их единению: Христос сделал своих учеников сопричастными завету милости, «укрепленному в его крови», чтобы они с ним стали через веру единым телом, благодаря чему Святой Дух всех их приводит к «одному сознанию, пониманию, воле» (в знак этого Христос дает ученикам именно вино, «которое стало напитком из многих зерен или виноградин»)⁴⁹.

В то же время Ридеман не ограничивает свою задачу теорией (теологией). В Гессенском «Отчете» уделяется также внимание

вопросу организации управления общиной верующих. В нем фигурируют такие должности, как «служитель естественных потребностей» («Diener der Notdurst») — тот, кто контролировал хозяйственную деятельность общины и следил за порядком; «служитель слова» («Diener des Worts») — проповедник, миссионер. Выборность должностей у хуттеровцев установилась задолго до того, как Ридеман обосновал это правило теологически: «...служители должны не сами возвышаться и обращать на себя внимание, а ждать до тех пор, пока они будут выделены и избраны Богом»⁵⁰. Порядок выборов на должности описывался Ридеманом следующим образом: когда община нуждается в одном или нескольких служителях, она должна с помощью усердных молитв «побудить» Господа указать тех, кого следует избрать, и принять их «как дар от Бога». В том случае, если тех, кто станет известен «благодаря совету Бога», окажется больше, чем требуется, избранник должен быть «указан Господом через жребий». После окончания выборов «должность подтверждается общиной через возложение рук старейшин». Следовательно, акт «рукоположения» при вступлении в должность — только знак, однако без него должность не будет считаться занятой, поскольку на практике замещение должностей находилось под строгим контролем общины⁵¹. С одной стороны, такой порядок замещения должностей был обусловлен принципом всеобщего священства; с другой стороны, факт выделения из среды общинников отдельных лиц, наделяемых, в отличие от прочих, правом проповедовать и наставлять в вере, одновременно свидетельствовал об определенном отходе от этого же принципа.

В том случае, если кто-либо из членов общины не придерживался норм «святой» жизни и не внимал братским увещеваниям, тот, при достаточно тяжелых нарушениях (грехах), мог быть изгнан из ее рядов. Отлученного снова могли принять в общину только после покаяния и возвращения к нему божьей милости. Символическое действие, сопровождавшее повторное принятие в общину, представляло собой «рукоположение»: «Как сначала некто принимается в церковь через знак — крещение, так он должен (после того, как он отпал и обособился от общины) снова быть принят через знак — рукоположение, которое должно совершаться через служителя Евангелия, этим будет указано, что он снова стал сопричастен милости Бога и в этом укоренился»⁵².

Таким образом, мы видим, что таинства как единовременные акты передачи Божьей благодати для хуттеровцев в принципе утрачивают смысл, так как уже сама по себе жизнь в хуттеровских общинах подразумевает постоянное непосредственное приобщение к Богу всех ее членов (не случайно термин «тайинство» Ридеманом вообще не использовался). Казалось бы, сведение хуттеровскими

братьями христианских таинств до роли знаков можно трактовать как рационалистическую черту их мировоззрения. Это было бы правильно, если бы этот «рационализм» не был достаточно условен: нельзя не принимать во внимание, что за ним стоит мысль о мистическом единении верующих с Богом (не вера в единение, не надежда на него, а убежденность в том, что оно является действительно совершившимся фактом).

Способ, каким Ридеман трактовал в Гессенском отчете сущность христианских таинств, позволяет сделать некоторые уточнения относительно хуттеровской доктрины спасения. С одной стороны, каждый член «святой общины» выступает здесь в качестве носителя Духа, при этом он непосредственно связан с Богом, дарующим ему лично свою милость и, следовательно, — спасение. Однако, с другой стороны, здесь же подчеркивается, что каждый, обладающий Духом Божиим, обязательно должен быть «членом тела Христова» (общины). В связи с этим пребывание в рядах хуттеровского братства («церкви Христа») становится обязательным условием спасения, и община, обладающая правом принятия в свои ряды и изгнания из них, таким образом фактически (вопреки теологическим рассуждениям о милости как свободном даре Господнем) «распоряжается» божественной благодатью, в определенном смысле выполняя роль посредника между Богом и человеком. Пожалуй, наиболее показательны в этой связи рассуждения Ридемана о передаче общине божественной власти «здесь, на земле, прощать грехи». Так, он писал, что «полную власть ключа Христова» (т. е. право исключать или снова принимать в общину) Христос «предоставил не отдельным лицам, а общине в целом». Исходя из этого, Ридеман делал вывод: «Что она [община] изгоняет, то изгнало, но, что она прощает, то прощено здесь и там [на земле и на небе] навечно, и вне ее нет прощения, нет благочестия, нет спасения, нет истинного утешения, кроме надежды. Ибо в ней, а не вне ее, живет Отец, Сын и Дух Святой, который все делает благочестивым и оправданным»³³. Отсюда следует, что хуттеровская доктрина спасения не только приближается к католическому принципу «вне церкви нет спасения», но и, провозглашая избранность к спасению всех членов братства (условно говоря, «коллективное» спасение), более последовательно его проводит. И все же хуттеровская доктрина существенно отличается от католической, так как первая, хотя бы в теории, все-таки предполагает, что человек сначала лично обретает милость Божью, становится святым, и лишь затем попадает в общину, которая, принимая его в свои ряды, только подтверждает факт его свяности, а не наделяет его таковой в награду за «добрые дела».

То, что Ридеман видел в хуттеровском братстве сообщество «святых», руководимых Духом Божиим, послужило, в свою оче-

редь, обоснованием тезиса о необходимости обособления общих хуттеровских братьев от всего остального мира — царства греха, законам которого, противоречащим божественным указаниям, и тинно верующие подчиняться не должны. Ридеман настаивал том, что церковь Христа («собрание детей Божьих») сам Бог «избрал и обосбил от всех народов, чтобы она служила ему чистый детский дух с одним сознанием и сердцем», и не хуттерцы, «а все крестители детей покинули церковь и общность Христову и обособились от нее»⁵⁴. При этом подчеркивалось то, что «истинная церковь» не отделена от мира непроходимым барьера она готова принять тех, «кто пожелает предаться раскаянию и продолживаться верного божественного порядка», т. е. они тоже могли стать избранниками Бога и от них самих во многом зависит, будь они избраны к спасению или нет, на них лежит ответственность выбора пути. Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что идея о независящем от самого человека предопределении к избранию у Ридемана отсутствует. Более того, его слова о том, что «мы обратились к церкви Христа, а не от нее, покинули запятнанное нечистое собрание и охотно желали бы, чтобы также поступали в люди», — наводят на мысль, что идеальный (теоретически допустимый) вариант — всеобщее спасение путем объединения всех людей в «святом братстве»⁵⁵. Это высказывание Ридемана, в котором можно услышать отголосок тех времен, когда ранний европейский анабаптизм переживал стадию массового движения, в определенной мере свидетельствует в пользу того, что принцип обособления — это, прежде всего, дань времени. Существя во враждебном окружении, невозможно было иначе сохранить свою веру: религиозное меньшинство должно было сплотиться в целях своего самосохранения. «Обособление», вылившееся в сектантство, было обусловлено объективными внешними причинами и являлось вынужденной мерой к которой анабаптистам пришлось прибегнуть во время репрессий гонений. Аналогичным примером может служить швейцарский анабаптизм, который на раннем этапе своего развития отнюдь не имел сектантского характера, и лишь в 1527 г. в «Шлейтгеймских статях» впервые было сформулировано требование обособления швейцарских братьев от всего остального мира⁵⁶. Для «морских» баптистов в связи с их переселением на новые территории, где они помимо всего прочего, были этнически чуждыми элементами, требование приобрело особую актуальность. При этом не исключено, что в иных условиях и при иной расстановке сил они предпреды заняться переустройством мира в соответствии со своими представлениями о «божественном порядке и справедливости», а не обособлением от него.

В Гессенском отчете Ридемана много внимания уделяется конкретизации принципа обособления истинной церкви от грешного мира. В чем же, с его точки зрения, это обособление должно было выражаться на практике?

Прежде всего в принципе невмешательства светской власти в дела хуттеровских общин, так как «только Бог во Христе — король и повелитель над Своим народом»⁵⁷. Функции власти как таковой Ридеман сводил к наказанию «злого, подлого народа» и видел в ней лишь «служанку Божьего гнева и возмездия»⁵⁸. Из того, что «благословенное дитя не может быть слугой мести», следовал вывод: представители власти не являются истинными христианами⁵⁹. Вместе с тем, ссылаясь на то, что власть является божественным установлением, какие-либо посягательства на нее Ридеман отвергал, хотя подчиняться ей призывал только до тех пор, пока «она не приказывает и не действует вопреки Богу»⁶⁰. Исходя из того, что «совесть свободна и помнит одного Бога», он заключал: «Если власть смеет посягать на совесть, господствовать над верой людей, то она похищает у Бога принадлежащее ему, поэтому несправедливо ей в этом оказывать послушание»⁶¹. Камнем преткновения в отношениях между светской властью и хуттеровцами стала проблема войны и военных налогов. Она активно дебатировалась в среде «моравских» анабаптистов еще в 1527—1528 гг. и даже стала одной из причин их раскола: выделения «палочников» («Stabler») и «мечников» («Schwertler»)⁶². Члены хуттеровского братства строго придерживались пацифистских взглядов: «христианин не может ни воевать, ни совершать возмездие» (т. е. «владеть светским мечом»); в царстве Христа (под которым подразумевалось хуттеровское братство) «заканчивались все светские войны»⁶³. Соглашаясь платить различные «ежегодные налоги, установленные от Бога», хуттеровцы (из опасения «стать причастными к чужим грехам») отказывались делать взносы, предназначенные для ведения войн и пролития крови⁶⁴. По той же причине членам хуттеровских общин запрещалось изготавливать оружие⁶⁵. Эти взгляды обосновывались ссылками на пример Христа, которому должны следовать его преемники⁶⁶. Кроме того, хуттеровцы не имели права участвовать в судебных разбирательствах (предполагалось, что они в принципе не должны «спорить,ссориться или судиться», так как «все проходящее» им чуждо)⁶⁷.

Обособление хуттеровцев от окружающего мира проявлялось также во введении ими в рамках своего братства общности имуществ, которая (по крайней мере, в теории) подразумевала отказ его членов от любой собственности и передачу ее общине. Первая попытка реализации принципа общности имуществ, согласно хуттеровской хронике, относится к 1528 г., когда возглавляемая Якобом

Видеманом группа анабаптистов переселилась из Никольсбурга⁶⁸ (Микулова) в Аустерлиц (Славков), где был организован «братьский двор»⁶⁹. Наиболее же последовательно этот принцип проводился в жизнь хуттеровскими братьями в Моравии во второй половине XVI в.⁷⁰ Принцип общности имущества стал одним из важнейших положений хуттеровского учения, во многом определившим его особое место в ряду других анабаптистских течений⁷¹. Давая ему обоснование, Ридеман в первую очередь опирался на ту же идею мистического единения Бога и души истинно верующего человека, которая служила основой для большинства других его теологических построений. Он рассуждал следующим образом: все члены хуттеровского братства («общности святых»), являющиеся «членами единого тела Христова», должны иметь общность не только «в Боге» (т. е. в «святых вещах», в «духовном»), но и во всем «временном» (т. е. в «тварных вещах», в «кreatурах»)⁷². Присваивая «творения», люди нарушали божественный порядок, отходили от Бога, забывая Творца ради творений, превознося их выше Создателя. Все «временное» (преходящее) является «чуждым» человеку, а чужого, согласно заповеди господней, никто желать не должен. Таким образом, чтобы «следовать Христу» и «стать подобным ему», человек должен оказаться от собственности⁷³. Следовательно, если человек желает «быть снова возрожден в подобии Божием», то он обязан освободиться от того, что ему в том препятствует (т. е. от «восприятия кreatур»), так как «в противном случае он не сможет снова достигнуть божественного образа»⁷⁴. Как видим, обосновывая необходимость общности имущества, Ридеман обратился к мистической идеи о возможности единения с несotворенным божественным началом только при условии отделения человека от всего сотворенного. Точка зрения Л. Мюллер о связи введения хуттеровцами общности имущества с их стремлением претерпеть в себе страдания Христовы в Гессенском отчете подтверждения не находит⁷⁵. Интересно, что в этом документе тема мистических страданий, хотя и присутствует, но явно отодвигается на второй план и не особенно занимает автора. Это объясняется в первую очередь тем, что в Гессенском отчете Ридемана, обобщающем реальный опыт братской жизни, основное внимание все-таки уделяется не поискам пути к Богу, способам оправдания и моральной поддержке гонимых за веру, а тому, как должна быть организована жизнь в сообществе уже «возрожденных» и «спасенных» детей Божих».

Принцип обособления нашел свое выражение и в том, что действительным считался только брак, признанный таковым общиной. Последняя также занималась и воспитанием детей⁷⁶. Кроме того, хуттеровские братья и сестры не должны были посещать храмы⁷⁷.

принимать участие в церковных церемониях. Подлинным «храмом Божиим» считалась сама хуттеровская община, в которой «было покончено с церемониальной видимостью, и в [образе] Иисуса Христа началась верная и истинная божественная служба, которая должна совершаться через единый Дух»⁷⁷. Священники, по мнению Ридемана, не могли быть истинными слугами Евангелия, так как они владели «только книжным словом, законом и учением» и «не имели божественной силы Святого Духа» (о чем свидетельствовали их собственные дела — «пьянство, алчность, тщеславие, высокомерие», а также то, что «они насаждали свое учение» с помощью таких средств как «палки, плахи, тюрьмы, изгнания»). «Чтобы не стать причастными к их грехам», представителям «святого сообщества» категорически запрещалось иметь с ними какие-либо дела⁷⁸. Присутствие Духа Божьего в верующих при совершении действий, которые имели внешнее сходство с традиционным христианским культом, с точки зрения Ридемана, являлось принципиальным различием между ними. Так, непременной частью религиозного культа хуттеровских братьев считалась не просто молитва, а та молитва, которая совершается «в Духе и Истине». Ридеман особо отмечал, что «тот, кто желает молиться, должен прежде всего подготовить свое сердце через расставание со всем неправедным, ибо Бог не слышит грешников»⁷⁹. Большой популярностью у хуттеровцев пользовались «духовные песни»⁸⁰. Они, как писал Ридеман, «сочинены через Дух Божий или через его побуждение и склоняют человека к божественному блаженству», но слушать эти песни «ради удовольствия» — значит «грешить против Бога»⁸¹. Сам Ридеман считается автором около пятидесяти песен духовного содержания⁸². Хуттеровские братья также отрицали католический пост и праздники⁸³.

Итак, анализ текста Гессенского отчета Ридемана позволяет сделать следующие выводы относительно основополагающих принципов хуттеровского вероисповедания и его сущности. Исходная теологическая посылка сочинения, лежащая в основе вероисповедания хуттеровских братьев, — это возможность возрождения верующего в Духе и его мистического единения с Богом. Данная идея близка к кругу идей немецких мистиков XIV в.⁸⁴ и по своей сути является выражением религиозного индивидуализма. Жесткие общинные распорядки, предполагавшие унификацию всего жизненного уклада истинно верующих, их «обособление» от всего остального мира и в определенном смысле «коллективное» спасение обладающих Духом «избранных Божиих» (членов хуттеровского братства), не были с ней органически связаны. Такие распорядки были результатом естественного развития анабаптистского движения. Ридеман в своем Гессенском отчете обобщал реальный опыт «моравских» анабаптистов, стремился дать теологическое обоснова-

ние установившимся к моменту его написания общинным распорядкам хуттеровских братьев. С этой целью он обратился к близким ему мистическим идеям. В пользу того, что с этими идеями Ридеман не только был знаком, но и находился под их сильным влиянием, свидетельствует содержание его первого Гмунденского отчета, написанного в 1529—1532 гг., т. е. до его вступления в ряды хуттеровского братства, осуществленного в 1532 г. В отличие от Гессенского первого «Отчет и исповедание нашей веры» Ридеман представляет собой мистико-аллегорическое размышление на библейскую тематику, соответствующее духу раннего анабаптизма (практика общинной жизни в это время не особенно занимала автора)⁸⁵. В процессе работы над Гессенским отчетом Ридеман, вероятно, попытался осуществить «перенос» знакомых мистических идей с отдельной личности на общину в целом. Отсюда с неизбежностью проис текают те противоречивые черты хуттеровского вероисповедания, которые, с одной стороны, в значительной степени сближают его с протестантизмом; с другой — свидетельствуют об определенном сходстве с католической традицией.

Что же является общим между хуттеровским вероучением и протестантской доктриной? С доктрины спасения «только верой» (*«sola fide»*) хуттеровское вероучение сближает признание того, что путь человека к избавлению от печати первородного греха лежит через раскаяние, личную веру в искупительную жертву Иисуса Христа и духовное возрождение; что спасение — не награда за добрые дела, а милость, даруемая Богом истинно верующему. Хуттеровцы отрицают как средство спасения выделение особой сакральной деятельности, объявляя священнодействием всю повседневную жизнь верующего; провозглашают принцип всеобщего священства; отвергают священное предание. По сравнению с католическим их религиозный культ был сильно упрощен.

Вместе с тем хуттеровские братья не являются последовательными приверженцами доктрины спасения «только верой». Они отрицают жесткое предопределение индивида к спасению или вечным муки, установленное еще до его рождения и съвершенно не зависящее от его собственной воли. Из этого следовало теоретическое признание того, что при соблюдении определенных условий мог быть спасен каждый. По этой причине члены хуттеровского братства не только должны были верить в то, что они будут спасены, но и считать себя действительно святыми и спасенными уже в посюсторонней жизни. В этом хуттеровцы были верны (в отличие от представителей большинства других течений в Реформации) средневековой мистической традиции. Отсюда, в противовес характерной для протестантизма в целом абсолютизации авторитета Священного писания, вытекало их стремление сверять «мертвое книж-

ное слово» со «словом живым», внущенным верующему непосредственно Духом Божиим.

Однако хуттеровских братьев нельзя назвать последовательными мистиками. Мистическая теория личного спасения путем единения человеческой души с Богом вступала в противоречие с практикой «братской» жизни, отодвигавшей личность на второй план. Сосредоточение в руках общины таких полномочий, как принятие в свои ряды новых членов и исключение нарушителей общинных порядков, выборы и утверждение на должности, распоряжение собственностью общинников, контроль за их личной жизнью и т.д. — все это свидетельствует о чрезвычайном росте ее значения. В ряде случаев община фактически берет на себя роль посредника между Богом и человеком, покушаясь в деле спасения человеческой души на привозглашаемую ею же в теории суперенную свободную волю Творца. Так, если в теории спасение зависит от божественного волеизъявления, то на практике община, обладающая правом принимать и исключать из своих рядов, то есть из рядов избранных к спасению, выступает проводником божественной воли и принимает на себя функцию «раздачи милости Божьей». Так же обстоит дело и с принципом всеобщего священства: в теории все члены хуттеровского братства святы, все обладают Духом, но реально проповедовать может лишь тот, кто уполномочен на это общиной. Здесь хуттеровское вероисповедание расходится как с мистической традицией, так и с протестантской доктриной личного спасения (в ее идеальном варианте), и в определенной мере сближается с католицизмом. В данном случае имеется в виду главным образом принцип «вне церкви нет спасения»: тот, кто не является членом хуттеровской общины и не подчиняется ее распорядкам, в соответствии с вероучением хуттеровских братьев, не может быть спасен (несмотря на то, что хуттеровцами одновременно признавалась независимость достижения спасения от добрых дел, совершаемых тем или иным человеком). Таким образом, хуттеровская доктрина спасения в значительной мере отразила сущность вероисповедания хуттеровского братства и обусловила его особое место в христианском мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см., например: Васильев М. В. К истории раннего европейского анабаптизма: хуттеровское братство // Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993. С. 81—84.

² См.: Чистозонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964. С. 162—163; Крестьянинов В. Ф. Анабаптисты. М., 1967. С. 17; Некрасов Ю. К. Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты: XVI в. об идеях общности имуществ // ИСУ. М., 1987. С. 228; Протестантизм / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина. М., 1990. С. 86; Некрасов Ю. К., Васильева М. В. Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэля Затлера и Ганса

Шмидт // Германская история эпохи Реформации... С. 120—149; Христианство / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М., 1994. С. 117—118.

³ См., например: Bullinger, Heinrich. Der Widertäufer vrsprung/ fürgang/ Secten/ wäsen/ förnemmen vnd gemeine jrer leer Artickel... Zürich, 1560; Erhard, Christoph. Gründliche kurtz verfaste Historia. Von Münsterischen Widertauffern: vnd wie die Hutterischen Brüder... in vilen ähnlich, gleichformig vnd mit zustimmet sein. München, 1589; Fischer, Christoph Andrea. Viervndsfunstzig Erhebliche Vrsachen/ Warumb die Widertauffer nicht sein im Land zu leyden. Ingolstadt, 1600; Idem. Von den Widertauffer verfluchten Vrsprung, Gottlosen Lehre, vnd derselben gründliche widerlegung. Bruck an der Teva, 1603; Idem. Der Hutterischen Widertauffer Taubenkobel... Ingolstadt, 1607; Stellungnahmen zu den Täufern // Flugschriften vom Bauernkrieg zum Täuferreich (1526—1535). Bd. 2. Berlin, 1992. S. 1145—1500.

⁴ См., например: Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter / Hrsg. von L. Müller. Leipzig, 1938. Т. 1; F r i e d m a n n R. Die Schriften der huterischen Täufergemeinschaften: Gesamtkatalog ihrer Manuskriptbücher, ihrer Schreiber und ihrer Literatur, 1529—1667. Wien, 1965; Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter / Hrsg. von R. Friedmann. Gütersloh, 1967. Т. 2; В а с и л ь е в а М. В. Хуттеровские вероисповедные документы XVI в. // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995. С. 165—168.

⁵ Rechenschaft unsrer Religion, Lehre und Glaubens. Von den Brüdern, die man die Huterischen nennt. Berne (Ind.), 1902. См. также: F r i e d m a n n R. Peter Riedemann Rechenschaft // Friedmann R. Hutterite Studies. Goshen (Ind.), 1961. P. 224—229.

⁶ Geschicht-Buch der Hutterischen Brüder / Hrsg. von Rudolf Wolkan. Wien, 1923. S. 270.

⁷ О П. Ридемане см.: Geschicht-Buch... S. 73, 134—135, 138, 146, 150—151, 167, 174, 181, 269—270; Müller L. Der Kommunismus der mährischen Wiedertäufer. Leipzig, 1927. S. 7—19.

⁸ Единственный известный экземпляр первого издания Гессенского отчета из собрания И. Х. Оттиуса (1617—1682) хранится в Центральной библиотеке Цюриха под названием «Rechenschaft unsrer Religion/ Leer vnd Glaubens», с подпись — «R. P.» Год издания не указан, но, по мнению большинства исследователей, это издание относится к 1545 г. Второе издание, осуществленное в 1565 г. Ф. Воландтом, вышло под заглавием: «Rechenschaft unsrer Religion/ Leer und Glaubens/ von den Brüdern so man die Huterischen nent auszgangen/ durch Peter Ryedeman».

⁹ Rechenschaft... S. 6.

¹⁰ Ibid. S. 7—18.

¹¹ Ibid. S. 46—48.

¹² Ibid. S. 48—51.

¹³ М а р т и н Л ю т е р . О рабстве воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1987. С. 544.

¹⁴ Rechenschaft... S. 50.

¹⁵ Ibid. S. 51.

¹⁶ Ibid. S. 38—39.

¹⁷ Ibid. S. 24, 51—53.

¹⁸ Ibid. S. 53—55.

¹⁹ Ibid. S. 24, 55.

²⁰ Ibid. S. 24, 27, 56.

²¹ Ibid. S. 27, 56.

²² Ibid. S. 24.

²³ Ibid. S. 63.

²⁴ См., например: Ibid. S. 14, 59.

²⁵ См.: Ibid. S. 55—56, 63.

²⁶ Ibid. S. 58—59.

²⁷ Ibid. S. 60.

²⁸ Ibid. S. 61.

²⁹ Ibid. S. 60—61.

³⁰ Ibid. S. 40—44.

³¹ М а р т и н Л ю т е р . О рабстве воли. С. 351.

³² Там же. С. 352.

³³ См., например: P l o m p e r , H a n s - D i e t e r . Die Gütergemeinschaft bei den Täufern des 16. Jahrhunderts. Göppingen, 1972. S. 63, 70—71, 85.

³⁴ Mennonitisches Lexikon. Frankfurt/M. Bd. 3. S. 501.

³⁵ Rechenschaft... S. 41.

- ³⁶ Ibid. S. 39.
- ³⁷ Мартин Лютер. О рабстве воли. С. 350.
- ³⁸ Rechenschaft... S. 40.
- ³⁹ Ibid. S. 39.
- ⁴⁰ Ibid. S. 9, 10, 30.
- ⁴¹ Ibid. S. 40—41.
- ⁴² Ibid. S. 28.
- ⁴³ Ibid. S. 32—34, 88.
- ⁴⁴ Ibid. S. 89.
- ⁴⁵ Ibid. S. 63.
- ⁴⁶ Ibid. S. 64.
- ⁴⁷ Ibid. S. 81.
- ⁴⁸ Ibid. S. 82.
- ⁴⁹ Ibid. S. 83.
- ⁵⁰ Ibid. S. 76.
- ⁵¹ Ibid. S. 76—77.
- ⁵² Ibid. S. 133.
- ⁵³ Ibid. S. 37.
- ⁵⁴ Ibid. S. 88—89.
- ⁵⁵ Ibid. S. 90.
- ⁵⁶ Подробнее об этом см.: Haas M. Der Weg der Täufer in die Absonderung // Umstrittenes Täuferamt 1525—1975: Neue Forschungen / Hrsg. von Hans-Jürgen Goertz. Göttingen, S. 50—78.
- ⁵⁷ Rechenschaft... S. 103.
- ⁵⁸ Ibid. S. 100—102.
- ⁵⁹ Ibid. S. 104.
- ⁶⁰ Ibid. S. 100.
- ⁶¹ Ibid. S. 101.
- ⁶² См.: Bender H. S., Hein G. Stäbler // Mennonitisches Lexikon. Karlsruhe, 1967. Bd. 4, S. 229; Teufel E., Hein G. Schwerter // Ibid. S. 140.
- ⁶³ Rechenschaft... S. 105—107.
- ⁶⁴ Ibid. S. 108—109.
- ⁶⁵ Ibid. S. 109—110.
- ⁶⁶ Ibid. S. 105—109.
- ⁶⁷ Ibid. S. 11—112.
- ⁶⁸ Geschicht-Buch der Hutterischen Brüder / Hrsg. von R. Wolkan. Macleod; Wien, 1923. S. 62—63.
- ⁶⁹ Подробнее об этом периоде см.: Gross L. The Golden Years of the Hutterites: The Witness and Thought of the Communal Moravian Anabaptists During the Walpot Era, 1565—1578. Scottsdale (Pa.); Kitchener (Ont.), 1980. S. 62—63.
- ⁷⁰ Подробнее об общности имуществ у хуттеровцев см.: Pümpel H.-D. Die Gütergemeinschaft... S. 38—158.
- ⁷¹ Rechenschaft... S. 84—88.
- ⁷² Ibid. S. 85—86, 88.
- ⁷³ Ibid. S. 86.
- ⁷⁴ Müller L. Der Kommunismus... S. 58—63.
- ⁷⁵ Rechenschaft... S. 95—100.
- ⁷⁶ Ibid. S. 130—131. Подробнее о воспитании в хуттеровских общинах см.: Heldeland B. Erziehung zur Gemeinschaft: Geschichte und Gegenwart des Erziehungswesens der Hutterer. Pfaffenweiler, 1993. S. 33—55; Васильева М. В. Воспитание и обучение детей у хуттеровских братьев (Моравия, XVI в.) // Педагогика ненасилия: реалии и перспективы. М., 1993. С. 1—2.
- ⁷⁷ Rechenschaft... S. 90—92.
- ⁷⁸ Ibid. S. 92—94.
- ⁷⁹ Ibid. S. 120—122.
- ⁸⁰ См., например: Die Lieder der Hutterischen Brüder. Scottdale, 1914.
- ⁸¹ Rechenschaft... S. 122—123.
- ⁸² Friedmann R. Die Schriften... S. 125.
- ⁸³ Rechenschaft... S. 123—126.
- ⁸⁴ О немецком мистицизме XIV в. и его влиянии на анабаптистов см., например: Смирин М. М. Томас Мюнцер и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955. С. 171—

229; Pack will W. O. *Mysticism and the Early South German-Austrian Anabaptist Movement*, 1525—1531. Scottsdale (Pa.); Kitchener (Ont.), 1977, p. 17—184.

¹³ Peter Riedmann. *Die erste Rechenschaft // Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgeister* / Hrsg. von Friedmann R. T., 2. Gütersloh, 1967, S. 1—47.

О. А. Киселева

О ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ ЮГА (1865—1877 гг.)

Хорошо известно, что последняя треть XIX в. — время серьезных изменений в экономическом развитии ведущих стран Запада. Эти перемены касались как структуры национальных хозяйств, так и соотношения их потенциалов на мировой арене, что неизбежно влекло за собой сдвиги в межгосударственных экономических связях.

Данное утверждение, являющееся одним из постулатов отечественной историографии, требует углубленного конкретно-исторического изучения в связи с необходимостью преодоления одностороннего взгляда на экономические процессы. Эта односторонность выражалась в том, что изменение хозяйственной мощи западных стран рассматривалось как проявление закона неравномерности развития при капитализме, приводившей к обострению международных противоречий и столкновений. Существовавшая же объективно тенденция к упрочению экономических контактов, к интернационализации хозяйственной жизни народов уходила на второй план.

В этой связи актуальным является анализ экономических взаимоотношений США и Великобритании в период Реконструкции (1865—1877 гг.), когда было положено начало длительному процессу изменения характера хозяйственных и финансовых отношений двух стран, традиционно сочетавших элементы сотрудничества и соперничества.

Во время Реконструкции Юга, являвшейся вторым этапом американской буржуазной революции XIX в., появились первые экономические результаты ликвидации рабства (1863 г.) и принятия закона о гомesteadах (1862 г.). Освобождение двух миллионов негров и распределение западных земель на основе буржуазно-демократических принципов привели к возрастанию производительности труда в земледелии. Именно в этот период фермеры США совершили рывок в выращивании и экспортре основной зерновой культуры — пшеницы. С 1866 по 1880 гг. занятые ею посевные площади увеличились с 15,4 до 38,1 млн. акров, валовой экспорт — со 169,7 до 509,3 млн. бушелей¹, экспорт — с 5,6 до 153,3 млн. бушелей, то есть при увеличении обрабатываемойся площади в 2,5 раза вывоз пшеницы возрос в 27,4 раза. К началу

1880-х гг. США были одним из основных экспортёров хлеба, удовлетворявших почти половину потребности стран, ввозивших пшеницу.

В связи с расширением сельскохозяйственного производства и увеличением доходов части фермерства во второй половине 60-х — 70-е гг. XIX в. возрастал спрос на орудия труда, инвентарь, другие промышленные товары. Победа промышленной буржуазии в гражданской войне 1861—1865 гг. закрепила переход США к политике протекционизма. Введение высоких таможенных пошлин окончательно обеспечило вхождение южных штатов в состав внутреннего рынка США. Это произошло вопреки сопротивлению плантаторов Юга, издавна более связанных с капиталом Англии и Франции, чем с буржуазией Севера США, и отстаивавших свободу торговли в отношениях с зарубежными странами.

Данные факторы явились условиями консолидации национального американского рынка, ставшей важным стимулом подъёма промышленного производства в послевоенный период. Его объём в 1865—1877 гг. увеличился почти вдвое², основной капитал, инвестированный в промышленность в 1859—1879 годах, возрос в три раза³. При этом вследствие появления в США после окончания войны множества мелких предприятий процесс концентрации производства был внешне почти незаметен и сказывался главным образом в тяжёлой промышленности. Но уже в 1870-х годах концентрация производства проходила так интенсивно, что отразилась на общих хозяйственных показателях: число промышленных предприятий возросло менее чем на 1%, количество рабочих на них — на 33%, а стоимость произведенной продукции — на 58%⁴.

Подобные перемены, сопровождавшиеся массовым внедрением изобретений, созданием принципиально новых отраслей производства — электротехнической, нефтеперерабатывающей, химической — не могли не привлечь к себе внимания. У. Гладстон проявил реализм и дальновидность, когда в 1879 г. заявил: «...Америка — единственная, кто в обозримом будущем сможет и, вероятно, вырвет у нас наше торговое превосходство... Мы не имеем оснований против признания этого, так же, как в свое время его не было у Венеции или Голландии в отношении нас самих...»⁵. Действительно, основание у лидера английских либералов было достаточно серьёзное: высокие темпы развития экономики США после гражданской войны 1861—1865 гг. и Германии после завершения объединения в 1871 г. подорвали в последней трети XIX в. промышленную монополию Англии, бывшую долгое время «мастерской мира».

Несмотря на то, что Англия продолжала сохранять промышленное первенство, оставаясь торговым и финансовым центром мира, с начала 1870-х годов обнаружилось замедление темпов развития ее

экономики. За 70-е годы XIX в. темпы прироста реального дохода на душу населения сократились в 3 раза, промышленного производства — на 20%, экспорта — на 13%⁶. По контрасту с бурным ростом хозяйства Великобритании в предшествующий период замедление его темпов воспринималось современниками как «великая депрессия». «Великая депрессия» 1873—1896 гг. представляла собой сложный комплекс явлений, о характере которых до сих пор спорят историки⁷. При этом диапазон суждений достаточно широк. Если одни отрицают наличие реальной промышленной депрессии в Англии в последней трети XIX в. и объявляют ее результатом субъективного восприятия современниками событий⁸ определенных трудностей британской экономики, то другие полагают, что период с 70-х гг. XIX в. следует рассматривать в качестве начального этапа долговременного процесса утраты Англией позиций, занимаемых ею в мировом промышленном производстве и торговле в 1780—1870 гг.⁹

Это последнее утверждение послужило ряду зарубежных исследователей одним из оснований для вывода о прекращении существования после 1860 г. «Атлантической экономики»¹⁰. По их мнению, до 1860 г. в англо-американских хозяйственных связях существовала значительная доля взаимности и взаимодополняемости, свидетельством чему являлся большой объем перевозок в Северной Атлантике. Основой этого «организма» («атлантической экономики») было пересекающееся движение двух потоков: сырья и продовольствия — из США, промышленной продукции, капитала и рабочей силы — из Великобритании.

Это был период, когда развитие английской хлопчатобумажной промышленности, равно как и рост населения страны, означали увеличение спроса на американскую сельскохозяйственную продукцию. Около половины всего американского экспорта направлялось в Великобританию. Главной статьей вывоза был хлопок, что имело своим следствием установление более тесной экономической связи между рабовладельческим Югом и бывшей метрополией, нежели между различными регионами (Севером и Югом) США.

Подрыв «Атлантической экономики» начался еще до второй американской революции, но окончательно, с точки зрения этих исследователей, он произошел во время гражданской войны и был тесно связан с изменением расстановки сил в правящем лагере США. Введение республиканской партией военного протекционистского тарифа Моррилла (1862 г.) в интересах промышленной буржуазии свидетельствовало о возрастающей экономической зрелости и самостоятельности Америки.

По мнению Г. Холмса, в 60-е годы значение «Атлантической экономики» как особого торгового образования упало вследствие

гражданской войны, американского протекционизма и обращения Великобритании к другим рынкам сбыта¹¹.

Нельзя не согласиться с принципиальной частью выводов английских исследователей. В то же время, на наш взгляд, их оценки содержат долю абсолютизации. Несмотря на существование определенных оснований для заключения о том, что после гражданской войны изменилась до известной степени основа экономических взаимоотношений между англосаксонскими государствами, представляется неправомерным говорить о завершенном изменении характера этих отношений.

Переход власти в руки буржуазии в федеральном масштабе привел в рассматриваемый нами период к трансформации внутри- и внешнеэкономической политики Соединенных Штатов Америки. Главной ее задачей было создание оптимальных условий для развития национальной промышленности в условиях консолидации внутреннего рынка страны. 60—70-е годы XIX в. стали временем чрезвычайно быстрого промышленного развития Североамериканской республики, но, безусловно, в рамках этого периода не могло произойти коренного изменения структуры ее национального продукта и позиций на мировой коммерческой арене. США оставались преимущественно аграрной страной и одним из крупнейших в мире государств-дебиторов. Поэтому в экономических отношениях с Великобританией — главным поставщиком промышленной продукции и капиталов в соответствии с исторической традицией — в годы Реконструкции объективно продолжали преобладать, используя терминологию английских исследователей, элементы взаимности и взаимодополняемости, а не конкуренции. Одним из доказательств данного утверждения может служить характер торговых связей между ними.

Важно заметить, что место США и Великобритании в международной торговле было принципиально различным. Основной движущей силой развития американской экономики после гражданской войны были значительно возросшие потребности внутреннего рынка. Напротив, в Англии после 1850 г. рост торговли опережал рост промышленности. Влияние внешней торговли на британское хозяйство достигло апогея в 1870—1880-е годы, когда ее удельный вес в национальном доходе составил около 33%. По данным М. Малхолла, внешнеторговый оборот на душу населения в 1870-е годы составлял в Великобритании 92 долл., во Франции и Германии — 36 долл., в США — 25 долл.¹²

Для внешней торговли США последняя треть XIX в. характеризовалась преобладающим значением европейских рынков. Если накануне гражданской войны 1861—1865 гг. доля Европы в экспортной торговле США составляла 77,5%, то в 1866 г. она дос-

тигла 81%¹³. При этом главным потребителем североамериканской продукции была Великобритания. С окончанием гражданской войны, по мере урегулирования политico-дипломатических отношений между Вашингтоном и Лондоном, объем двусторонней торговли стал быстро увеличиваться. За годы Реконструкции (1865—1877 гг.) американский экспорт в Англию вырос в 3,5 раза — с 21,6 до 77,8 млн. ф.с.¹⁴, а его доля в общем вывозе США поднялась с 13,6 до 21,6%¹⁵. Стоимость двух основных статей вывоза из США — хлопка и пшеницы — выросла за тот же период с 12,6 до 37,2 млн. ф.с., что составляло соответственно 58,3% и 47,8% всего американского экспорта в Великобританию. Вывоз пшеницы в 1868 г. впервые превзошел вывоз хлопка и с тех пор опережал его и абсолютно, и по темпам прироста. За время Реконструкции количество экспортируемого в Англию хлопка увеличилось в 6,7 раза — с 68 до 456 млн. т., а пшеницы — в 18 раз — с 61 до 1198 млн. т¹⁶. В 1877 г. все виды зерновых, мука и хлопок составили 2/3 всего американского экспорта в Англию¹⁷. Другими важными статьями экспорта были мясопродукты, сахар, лес, пиломатериалы, масло, сыр, табак, рис, кожа, рыба, меха, семена, шерсть¹⁸.

Одновременно в период Реконструкции возрос и вывоз иных продуктов: нефти, железа, стали и изделий из них. Так, если до Гражданской войны США не поставляли нефть на мировой рынок, то в 1872—1876 гг. стоимость ее экспорта только в Великобританию увеличилась с 1,99 млн. до 6,70 млн. долл., а железа и стали — с 947,5 тыс. до 1,2 млн. долл.¹⁹.

Несмотря на то, что основной прирост экспорта по-прежнему давала сельскохозяйственная продукция, многие американцы видели потенциальные возможности изменения характера национальной внешней торговли. Особое внимание этому уделяла консульская служба Государственного департамента. Состояние экономических отношений с Великобританией находилось в центре ее внимания по многим причинам. Во-первых, в большой степени через ее представителей шел процесс интеграции английского технического и технологического опыта в промышленное производство США. Во-вторых, в ее функции входило определение перспектив развития хозяйственных связей. Во время Реконструкции ее специалисты прогнозировали увеличение товарообмена с Англией не только в связи с тем, что последняя была не в состоянии обеспечить свое население продовольствием, но и в связи с началом вывоза американских товаров, не производившихся в Великобритании, — ряда сельскохозяйственных машин и орудий, швейных машин, кухонных плит, телефонных аппаратов, осветительных электрических приборов, то есть продукции тех новых отраслей промышленности, которые обогнали в техническом и организационном отношении

«мастерскую мира»²⁰. В-третьих, генеральное консульство США в Лондоне внимательно следило за динамикой торговли двух стран и обеспечением в ней положительного для США сальдо. Эта задача была выполнена в 1866 г., ставшем трамплином в укреплении двусторонних торговых контактов на новом — послевоенном — этапе. К скончанию Реконструкции США стали бесспорным лидером в импорте товаров в Великобританию. В 1877 г. стоимость ввезенной американской продукции составила 367,4 млн. долл. (более 1/5 всего британского ввоза), что почти на 150 млн. долл. превысило импорт из Франции и на 230 млн. долл. из Индии — стран, следовавших за США в списке главных импортеров продукции на Британские острова²¹.

Таким образом, абсолютно преобладающая часть американского экспорта в Англию сохранила традиционный аграрный характер. Одновременно структура вывоза претерпела некоторые изменения, отражавшие завершение промышленной революции в Североамериканской республике. Свидетельство тому — начало экспорта продукции машиностроения из США.

У нас нет оснований для вывода о существовании в рассматриваемый период серьезной конкуренции со стороны американских товаров на внутреннем английском рынке. Английских промышленников и торговцев больше беспокоило активное проникновение американских станков и инструментов, оружия, сельскохозяйственных орудий в третьи страны — на рынки Южной Америки, Австралии, Канады. По данным британской газеты «Дейли пост», в 1877 г. доходы многих известных фирм, связанных с рынками Австралии, составляли лишь 1/10 их прибылей в предыдущие годы²². Основная причина этого — начинавшее обнаруживаться отставание соответствующих английских товаров от предъявлявшихся потребителями требований и качественное превосходство американской продукции.

Подводя предварительный итог экономическому развитию Великобритании в 1870-е годы, влиятельнейший орган английских деловых кругов — еженедельник «Экономист» — поместил цикл статей «Американско соперничество»²³. В них был предложен анализ причин, региональной и отраслевой структуры конкуренции американской продукции, а также способы сохранения британского превосходства на мировых рынках. В зоне внимания английских аналитиков оказался и характер изменений в торговле с заатлантическим партнером.

На протяжении второй половины XIX в. в США преобладал ввоз промышленной продукции. Накануне Гражданской войны она составляла 63,3% американского импорта, в 1876—1880 гг. ее доля понизилась до 47,1%²⁴. Это имело своим следствием серьезное изменение места Североамериканской республики в экспортной

торговле Англии. США во второй половине 1870-х годов не только уступали принадлежавшее им ранее в ней первое место, но и оказались позади Индии, Германии, Франции и Австралии. Удельный вес экспорта в США в общем экспорте Великобритании составлял 14,9%²⁵. Причинами нестабильности вывоза английских товаров в США в 1865—1877 гг. были колебания цен и курсов валют на мировом рынке, усиление цикличности развития экономики западных стран, особая острота кризиса перепроизводства 1873 г. в США, резко сократившего емкость американского рынка, частичная переориентация британского капитала на другие регионы, протекционистская политика американского правительства. Очевидно комплексное влияние всех этих факторов на развитие англо-американской торговли в 1865—1877 гг. Но если определение с наибольшей адекватностью степени влияния каждого из них на возникновение понижательной тенденции в английском экспорте в США представляется проблематичным, то тот факт, что доминирующей причиной снижения доли Англии во взаимном товарообороте являлось интенсивное развитие национальной американской индустрии и возрастание ее способности удовлетворять запросы собственного рынка, является несомненным.

Американские государственные деятели и крупные предприниматели, осознавая, что рост положительного сальдо в торговле с Великобританией в данном случае являлся отражением подрыва промышленной монополии последней, не впадали в эйфорию. Дело в том, что платежный баланс оставался отрицательным для США в связи с тем, что Англия имела огромные преимущества по невидимым статьям экспорта. Главными статьями невидимого экспорта Великобритании в другие страны, в том числе в США, были морские перевозки и инвестиции капитала. Другими словами, если в 70-е годы XIX в. роль Англии как «промышленной мастерской» мира начала испытывать серьезное потрясение, то ее положение «владычицы морей» и финансового центра мира оставалось бесспорным.

США занимали особое место среди государств, получавших английские кредиты. Гражданская война 1861—1865 гг. вызвала панику у инвесторов, отказавших в финансовой поддержке правительству А. Линкольна. Единственной страной, от которой Соединенные Штаты получали денежную помощь в первые годы войны, была Германия. С окончанием конфликта приток европейских капиталов возрос, хотя Великобритания проявляла некоторую осторожность до конца 1860-х годов. Это было связано с нестабильностью американской экономики реконверсионного периода, развернувшейся инфляцией и несбалансированным состоянием денежного рынка США, а также с «алабамским кризисом» в двусторонних отноше-

ниях, когда с обеих сторон раздавались голоса, предупреждавшие об опасности третьей англо-американской войны.

Перелом наступил в 1869—1870 гг., когда Великобритания вновь заняла положение главного кредитора на рынке американских ценных бумаг. Удельный вес ее капитала в общем объеме иностранных инвестиций в период Реконструкции колебался от 44 до 70%²⁶. Столь широкое инвестирование независимого государства объяснялось высоким уровнем получаемых дивидендов: облигации займов правительства США давали 7,5% годовых (правительства Великобритании — 4%), акции американских железных дорог — 9,3% (британских — немногим более 4%)²⁷. Доля США во внешнем кредите Лондона во время Реконструкции колебалась от 22 до 40%, а рост инвестиций в США составлял 60% общего увеличения вывоза капитала из Англии в этот период²⁸.

Основной сферой приложения английских капиталов в США было железнодорожное строительство. К 1880 г. в эту отрасль хозяйства поступило 96 млн. ф.с., или 62% всех инвестиций²⁹. В начале 70-х годов XIX в. в Великобритании активно создавались тресты, занимавшиеся финансированием горной промышленности США. Британский капитал направлялся вслед за миграцией населения в те регионы американского Запада, которые были надежно обеспечены природными ресурсами, рабочей силой, транспортной инфраструктурой, гарантировавшей благоприятные условия экспорта добывавшегося сырья и материалов.

Дать количественную оценку роли и значения британского капитала в развитии отдельных отраслей американской промышленности периода Реконструкции крайне сложно в связи с неполнотой существующих статистических данных. Но очевидным является принципиальное значение этого капитала для американской индустрии. Оно заключалось в том, что, во-первых, создававшиеся им компании впоследствии становились основой индустрии целых регионов, особенно на Западе США; во-вторых, британские корпорации часто указывали и прокладывали путь американским предпринимателям.

Еще одна заметная отрасль британского инвестирования в США в период Реконструкции — скотоводство и мясоперерабатывающая промышленность. В этой области наибольшую активность проявили шотландские предприниматели (им принадлежали ранчо общей площадью около 2 млн. акров), а также фирмы, подобные «Техас Лэнд Компани», имевшие главной целью экспорт мяса, кожи и сала в Великобританию и лишь второстепенной — снабжение американского рынка. Эти предприятия являлись своеобразными конкурентами американских фермеров на британском рынке, что вызывало оппозицию части американских бизнесменов активному росту принадлежавших иностранцам земельных компаний.

число которых достигло пика к середине 1880-х годов. Наибольшим нападкам подвергались британские предприниматели, владевшие зерновыми элеваторами, хлопковыми плантациями, скотоводческими ранчо.

Таким образом, стремясь избегать инвестиций в отрасли, способные составить в перспективе конкуренцию английской промышленности и торговле, англичане направляли главную часть инвестируемого капитала в железнодорожное строительство США, являвшееся составной частью экономической инфраструктуры и не имевшее в рассматриваемый период прямого отношения к внешнеэкономической экспансии Североамериканской республики. Несомненные прагматические мотивы в выборе сфер приложения капитала. Железные дороги делали американский Запад доступным для предпринимателей и финансистов лондонского Сити, а создававшиеся ими, к примеру, горнодобывающие и скотоводческие компании становились важными экспортерами сырья и продовольствия на английский рынок.

Несмотря на то, что США на протяжении всего XIX в. широко пользовались иностранными кредитами и были одним из крупнейших государств-дебиторов, 1870-е годы положили конец движению капитала в одном направлении. В это время некоторые крупные американские предприятия начали создавать свои филиалы и основывать дочерние компании в Европе, Канаде, Латинской Америке. По оценке Р. Вернона, к концу XIX в. за пределами США существовало 75—100 филиалов фирм и предприятий, контролировавшихся американским капиталом³⁰. Большая часть из них находилась в Канаде и Великобритании. В период Реконструкции частные зарубежные инвестиции США составляли 0,1—0,2 млрд. долл., правительственные же не поддавались оценке³¹.

Американский капитал направлялся в те отрасли хозяйства, где привносимая им техническая мысль и технология не только опережали английскую, но и могли добиться монопольного положения на британском рынке. Успехи предпринимательской деятельности ряда компаний, принадлежавших американцам в 70—80-е годы XIX в., частично объяснялись почти полным отсутствием английских производителей в возникавших новых отраслях промышленности.

Создание дочерних компаний и фирм в Великобритании приближало американское производство к английскому рынку, снижало транспортные издержки, освобождая предпринимателей от платы за морские перевозки через океан, осуществлявшиеся преимущественно британским флотом. В 1876 г. тоннаж английских судов, прибывших в порты США, вдвое превышал тоннаж всех американских торговых и транспортных судов. Важным стимулом для предпринимателей некоторых отраслей были меньшие издержки производства

в Англии в связи с высокими ввозными пошлинами в США на необходимые для них сырье и материалы.

Примером успешного проникновения на английский рынок может служить деятельность компании Зингера по производству швейных машин. Основанный в 1867 г. в Бриджтауне, неподалеку от Глазго, филиал компании был небольшим экспериментальным предприятием, занимавшимся сборкой аппаратов из деталей, поставляемых из США. К концу 70-х годов английский филиал не только стал крупным самостоятельным производством, но и имел 26 контор в Великобритании и по одной — в Париже, Мадриде, Брюсселе, Милане, Базеле, Кейптауне, Бомбее и Окленде³².

В период Реконструкции на Британских островах появились первые американские фирмы, производившие полиграфическое оборудование, телефонные и кассовые аппараты, грузоподъемники, паровые насосы, фармацевтическую продукцию. Все это приводит к выводу, что вторая половина 60-х — 70-е годы XIX в. — начальная ступень в вывозе американского предпринимательского капитала в Великобританию. Создававшиеся на основе передовой технологии в новых отраслях промышленности фирмы и дочерние компании ориентировались на британский рынок и, в отличие от многих предприятий английского капитала в заатлантической республике, не занимались экспортом производившейся продукции в США. Номинальный капитал этих фирм, как правило, так же, как и их число, был невелик. Это естественно вытекало из практически безграничной потребности в капитале внутреннего американского рынка в период воссоздания единого федеративного государства после гражданской войны.

В XIX в. американская экономика, особенно промышленность, традиционно зависела в своем развитии не только от ввоза капитала, но и от притока рабочей силы. В связи с тем, что за годы конфликта между Севером и Югом промышленность Севера лишилась 500—750 тыс. работников, потребность в привлечении рабочих из заграницы резко возросла. В 1864 г. конгресс США принял «Акт о поощрении иммиграции», позволявший ввозить рабочих по контрактам, условия которых обязывали предпринимателей оплачивать проезд в Америку нанимавшихся лиц, а последних отрабатывать определенный срок на том или ином предприятии. Этим же законом создавались федеральные органы, призванные способствовать иммиграции в США из европейских стран.

В 1864—1868 гг. эту роль выполняла Американская Эмиграционная Компания, основными центрами деятельности которой на Британских островах были районы хлопчатобумажной, угледобывающей и металлургической промышленности: Ланкашир, Страффордшир, Южный Уэльс. Компания стремилась к установлению

контактов с британскими тред-юнионами, особенно в районах депрессивного состояния хозяйства и напряженной борьбы между рабочими и предпринимателями. Там создавались специальные эмиграционные комитеты. Сотрудничая в них с деятелями отраслевых британских профсоюзов, Компании часто удавалось добиваться их согласия на компенсацию затрат для переезда в Америку членов их организаций.

Английские официальные власти практически не вмешивались в деятельность Американской Эмиграционной Компании. Представители деловых кругов резко разошлись в своем отношении к ней. Те из них, кто экономически был связан с США, требовали расширения эмиграции путем выделения средств из государственного бюджета и активизации частной вербовочной деятельности. Другая часть предпринимателей была настроена оппозиционно и пыталась противодействовать контрактации квалифицированной рабочей силы для американской промышленности. На протяжении всего периода Реконструкции они не только вели кампанию против американских иммиграционных агентств, но и внимательно следили за динамикой трудовой эмиграции в США, публиковали материалы о ее опасности для национальной промышленности, создавали механизмы поощрения эмиграции в колонии и доминионы³³.

Все эти усилия, имевшие целью воспрепятствовать выезду английских рабочих в Североамериканскую республику, нельзя признать эффективными. Дело в том, что американское «притяжение» было сильным, практически постоянно действовавшим фактором. Более высокая заработка плата (за более интенсивный труд), исключительно ёмкий рынок рабочей силы, возможность получения земельного участка (плата за который была меньше суммы, ежегодно выплачиваемой английским арендатором в качестве ренты ленд-лорду) были главными причинами, стимулировавшими иммиграцию рабочих, в том числе британских, в США. Это «притяжение» значительно усилилось в середине 1860-х годов, когда действие экономических факторов было дополнено такими специфическими условиями, как окончание Гражданской войны и развитие парового флота. Последнее резко сократило время преодоления расстояния между Европой и Северной Америкой, способствуя росту числа желающих испытать судьбу в Новом Свете.

Эмиграция из Великобритании в США, составив в 1865 г. 147 258 чел., почти непрерывно возрастила до 1873 г. (166 730 чел.), после чего начался заметный спад: 113 774 чел. — в 1874 г. и 45 481 чел. — в 1877 г.³⁴. Это превышало выезд из Великобритании во все остальные страны, колонии и доминионы, вместе взятые.

Динамика британской эмиграции в Соединенные Штаты согласовывалась главным образом с циклами развития американской и европейской экономики, во все возраставшей степени отражавшимися на состоянии мирового хозяйства. Она проявляла устойчивую тенденцию к росту в 1868—1873 гг., что совпадало с циклическим подъемом, модифицированным в США развернувшейся реконверсией, и резко снизилась в период кризиса и депрессии 1873—1877 гг. Спад был настолько глубоким, что «Экономист» в 1874 г. не без удовлетворения констатировал, что слава о Соединенных Штатах как обетованной земле для рабочих начинает меркнуть, и предсказывал в будущем изменение направления эмиграции: из Нового Света — в Старый³⁵. Данному предсказанию не суждено было сбыться, но реальностью стало другое — с начала 80-х годов XIX в. доля квалифицированного труда в рабочей эмиграции в США сократилась. Это означало, что исключительное значение европейской, прежде всего английской, рабочей силы для американской промышленности стало падать, началось возрастание удельного веса трудовой иммиграции из стран Южной и Восточной Европы, а чуть позже — и из Азии. Причин к этому было несколько. Главное — то, что технический и технологический прогресс в организации промышленного производства США уже не зависел в прежней степени, а подчас и опережал развитие соответствующих британских отраслей, а поэтому иммигрировавшие английские рабочие — носители старого традиционного профессионального опыта — часто воспринимались как тормоз эффективной работы предприятий.

В рассматриваемый нами период (1865—1877 гг.) подобные соображения еще не были широко распространены в США, и английские иммигранты занимали важное место среди трех ведущих переселенческих потоков того времени — из Германии, Ирландии и Великобритании. Абсолютно преобладавшим элементом британской иммиграции в США были промышленные рабочие, которые не только редко меняли свою специальность или род занятий, но и становились наименее дискриминируемой и наиболее легко ассимилирующейся частью американского пролетариата, отличавшейся от приехавших из других стран более высоким имущественным и общественным положением.

Таким образом, фаза Реконструкции была составной частью периода 1825—1890 гг., когда взаимозависимость США и Великобритании, с точки зрения экономических отношений, была наибольшей.

В условиях бурного экономического подъема после гражданской войны, когда промышленность США не могла полностью удовлетворить потребности внутреннего рынка, англо-американская торго-

ля достигла такого уровня (пик приходился на 1871—1872 гг.), которого она не превосходила до начала первой мировой войны.

Великобритания являлась крупнейшим поставщиком на американский рынок промышленной продукции, капиталов и рабочей силы, являвшихся важными ресурсами самого экономического развития США этого периода. Соединенные Штаты, оставаясь одним из основных экспортёров сельскохозяйственной продукции на мировом рынке и совершив в годы Реконструкции беспрецедентный рывок в производстве пшеницы и других зерновых культур, стали главным конкурентом России на английском рынке³⁶.

Преобладание элементов взаимодополняемости над развивающейся тенденцией к конкуренции в экономических отношениях, высокая степень заинтересованности сторон в их сохранении стали важными факторами мирного, компромиссного урегулирования политico-дипломатических противоречий и спорных вопросов в послевоенный период (1865—1877 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Historical Statistics of the U. S. Colonial Times to 1957. W., 1960. P. 297.
1 акр = 0,405 га; 1 бушель = 35,2 л.

² Ibidem. P. 409.

³ М о т ы л е в Б. Экономическая история зарубежных стран. М., 1961. С. 306.

⁴ Ф о л ь к н е р Г. История народного хозяйства САСШ. М.; Л., 1932. С. 398.

⁵ Цит. по: A l l e n H. C. Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations 1783—1952. Archon Books, 1969. P. 82.

⁶ Рассчитано по: A l d c r o f t D. (ed.). The Development of British Industry and Foreign Competition 1875—1914. L., 1968. P. 13.

⁷ A s h w o r t h W. An Economic History of England, 1870—1939. L., 1960; C o p p o c k D. British Industrial Growth during the Great Depression (1873—1896): A Pessimist's View // The Economic History Review. Vol. 17. No 2. P. 389—396; H a b s b a w m E. J. Industry and Empire. L., 1977.

⁸ S a u l S. B. The Myth of Great Depression. 1873—1896. L., 1972.

⁹ S e a m a n L. C. B. Victorian England. Aspects of English and Imperial History. 1837—1901. L., 1977.

¹⁰ B a g w e l l Ph., M i n g a y G. Britain and America 1950—1939. A Study of Economic Change. L., 1970; H o l m e s G. M. Britain and America. A Comparative Economic History 1850—1939. L., 1976.

¹¹ H o l m e s G. M. Op. cit. P. 13.

¹² M u l h a u f M. G. Thirty Years of American Trade // North American Review. 1897. November. Vol. 242. P. 572—581.

¹³ J o h n s o n E. R. Van Metre T. W. History of Domestic and Foreign Commerce of the U. S. 2 vols. Vol. 2. W., 1915. P. 72.

¹⁴ Historical Statistics of the U. S. Colonial Times to 1957. W., 1960. P. 555—556.

¹⁵ A l l e n H. C. Op. cit. P. 54.

¹⁶ Historical Statistics of the U. S. Colonial Times to 1957. W., 1960. P. 555—556.

¹⁷ C. R. U. S. for the Year 1878. P. 464.

¹⁸ C. R. U. S. for the Year 1877. P. 28.

¹⁹ I b i d e m .

²⁰ C. R. U. S. for the Year 1878. P. 42.

²¹ C. R. U. S. for the Year 1877. P. 370.

²² C. R. U. S. for the Year 1878. P. 384.

²³ The Economist. 1878. Vol. 36.

- ²⁴ Bagwell Ph., Mingsay G. Op. cit. P. 95.
- ²⁵ Great Britain Parliament. First Report of the Royal Commission Appointed to Inquire into the Depression of Trade and Industry. L., 1886. P. 197.
- ²⁶ Williamson J. G. Growth and the Balance of Payments 1820—1913. Chapel Hill, 1964. P. 144.
- ²⁷ Bagwell Ph., Mingsay G. Op. cit. P. 108.
- ²⁸ Williamson J. G. Op. cit. P. 143, 146.
- ²⁹ Ibidem. P. 132.
- ³⁰ Buckley P. J., Roberts B. R. European Direct Investment in the U. S. A. before the First World War. N. Y., 1982. P. 26.
- ³¹ Historical Statistics of the U. S. Colonial Times to 1957. W., 1960. P. 565.
- ³² Wilkins M. The Emergence of Multinational Enterprise: American Business Abroad from the Colonial Era to 1914. Cambridge, 1970. P. 41—43.
- ³³ The Economist. 1867. Vol. 25. No 1224, 1229; The Economist. 1874. Vol. 32. No 1615, 1616; Extract from A Paper on Immigration Read by Hill A. H. of the Boston Board of Trade, at the Meeting of the National Conference of Charities and Correction, May 1875, Proceedings. P. 85—90 // Abbott E. (ed). Historical Aspects of the Immigration Problem. Select Documents. Chicago, 1926. P. 352—354.
- ³⁴ Douglas D. C. (ed.). English Historical Documents. Vol. 12 (I). L., 1970. P. 204.
- ³⁵ The Economist. 1874. Vol. 32. No 1615.
- ³⁶ См. об этом: Гулишамбаров С. С. Всемирная торговля в XIX в. и участие в ней России. СПб., 1898; Куропатников Г. П. Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981.; Орбинский Р. В. О хлебной торговле САШ. СПб., 1880.; Хлебная конкуренция России с Америкой. Материалы для решения хлебного вопроса в России. М., 1883.

Т. В. Вахрамеева

**Ф. Д. РУЗВЕЛЬТ
И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
(1936—1937 гг.)**

Вопрос о роли президента Ф. Д. Рузвельта в конструировании планов сближения с европейскими демократиями накануне второй мировой войны является составной частью более общей проблемы о характере внешнеполитического курса его администрации, давно ставшей предметом острой полемики как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Тем не менее представляется важным и необходимым обратиться к анализу личной позиции главы государства, сохранившего контроль над внешней политикой страны, по вопросу о контактах с представителями Великобритании в столь ответственный период, что позволяет выяснить новые грани, увидеть намечавшиеся тенденции в развитии англо-американских отношений и способствует углублению наших знаний об истоках англо-американского сотрудничества в годы второй мировой войны.

Среди американских исследователей, обосновывающих официальную концепцию внешней политики Ф. Рузвельта в предвоенные годы, возобладало мнение, что президент и его окружение, будучи твердыми приверженцами «интернационалистского» курса и сторонниками коллективных действий на международной арене, в середине 30-х годов оказались «пленниками» изоляционистского общественного мнения. Данное обстоятельство, считают они, было главной причиной того, что Рузвельт так и не сумел реализовать весь комплекс сформулированных им идей по обузданию агрессора¹.

В труде представителя официальной школы американского исследователя Р. Даллека, основанном на обширном источниковом материале и наиболее полно освещавшем внешнюю политику Ф. Рузвельта в первой половине 30-х годов, утверждается, что президент был «интернационалистом» в принципе, но националистом и изоляционистом в действительности вплоть до 1939 г. Историк не считает необходимым пересматривать общепринятую точку зрения о роли президента США в 30-е годы, хотя идет дальше, чем какой-либо другой исследователь, подчеркивая заинтересованность Рузвельта в решении международных проблем. Критический подход к анализу внешней политики рузвельтовской администрации в значительной степени проявился в исследованиях А. Оффнера. В целом разделяя точку зрения официальной школы, последний склонен обвинять руководство страны в непоследовательности, недоста-

точной компетентности, отсутствии аргументированной концепции курса на международной арене. В рамках такого подхода исследователь дает и общую оценку отношения Рузвельта к Великобритании. По мнению историка, президент США считал сомнительным англо-американское сотрудничество в первой половине 30-х годов, так как, говоря словами Рузвельта, во-первых, британская концепция взаимности отличалась от его концепции, и, во-вторых, в лучшие времена англичане проявляли «национальный эгоизм», а в худшие — «стремились пропустить американцев вперед» или сделать их «хвостом британского воздушного змея». Оффнер ссылается на утверждение Рузвельта: «Когда вы садитесь с англичанином за стол переговоров, он обычно получает 80%, а вы только то, что остается». Несомненно, основания для такой позиции Рузвельта существовали в условиях многочисленных нерешенных проблем двусторонних отношений. Но, по мнению автора настоящей статьи, отношение самого Рузвельта к Великобритании не было столь однозначным, а поэтому представляется более справедливым суждение американского исследователя Р. Харрисона, что «настойчивость Рузвельта в особом сотрудничестве с Англией была постоянной составной частью его внешней политики до войны»².

Документальная база позволяет обосновать точку зрения, согласно которой Ф. Рузвельт стремился к конструктивному партнерству с Великобританией еще во время своего первого президентства, что вполне соответствовало его взглядам на мир и проблемы европейской безопасности. Позиция Рузвельта имела в виду потенциальную возможность совместных действий двух стран в деле предотвращения агрессии, причем и без достижения предварительной договоренности по экономическим вопросам. При этом роль, которую президент отводил Великобритании в европейском регионе, и отказ США взять на себя какие-либо политические обязательства ограничивали осуществление данной возможности ожиданием инициативы и решительных действий с британской стороны. Однако не вызывает сомнения тот факт, что к 1936 г. позиция президента существенным образом изменяется в направлении признания необходимости того, что некоторая инициатива с целью установления англо-американского сотрудничества должна исходить и от Соединенных Штатов. Следствием такого признания явилась целая серия мер, которые предпринял Рузвельт с марта 1936 г. по июль 1937 г. для установления более тесных контактов с Лондоном. Эти меры означали президентский демарш в отношении Великобритании в его высшем дипломатическом смысле.

Естественно, возникает вопрос, какие факторы оказали влияние на изменение позиции Ф. Рузвельта, что заставило президента выступить с подобными инициативами. Во-первых, решимость прези-

дента предпринять шаги к достижению совместных действий с Англией усиливалась по мере роста международной напряженности и угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке. Во-вторых, настойчивость Рузвельта в контактах с представителями Великобритании объяснялась «недостаточным энтузиазмом британского правительства» относительно заключения торгового соглашения с США, которое Лондон не без оснований рассматривал как угрозу системе имперских преференций. Как вспоминает Г. Икес, Рузвельт в 1937 г. заявил ему о том, что «пришло время действовать и поступать в международных делах отлично от Хэлла». В мае 1937 г. Рузвельт напишет: «Экономический подход к миру является слишком слабой тросточкой для Европы, чтобы опереться на нее. Можно долго оттягивать войну, но может ли это предотвратить войну?» Несомненно, что к такому выводу президент пришел гораздо раньше и его шаги в направлении достижения англо-американского сотрудничества в 1936 г. явились ярким тому подтверждением³. Однако это вовсе не означало, что президент был противником заключения англо-американского торгового соглашения. Напротив, Рузвельт надеялся, что правительство Великобритании примет другие предложения США по сотрудничеству, отличные от предложений государственного секретаря К. Хэлла, прежде чем это будет слишком поздно⁴. Наконец, немаловажным фактором, повлиявшим на решение президента США, были проявившиеся к началу 1936 г. тенденции все большего отказа Великобритании от политики сдерживания Германии посредством политического взаимодействия с другими заинтересованными в коллективной безопасности государствами в пользу достижения договоренности с Германией. Предложения Рузвельта о все более проявлявшейся в политике Англии тенденции к неоправданно односторонним уступкам агрессору нашли подтверждение не только в событиях июня 1935 г., но и в поступавших в Вашингтон сообщениях американских послов⁵. Все эти обстоятельства не могли не оказать влияния на позицию и способ фактических действий президента.

В своем стремлении к сотрудничеству с Великобританией в деле сдерживания агрессивных устремлений Германии Ф. Рузвельт придавал особое значение личной дипломатии, считая ее эффективным средством достижения соглашения. Наряду с несомненными преимуществами, личный дипломатический стиль президента в то же время часто затруднял достижение поставленных самим Рузвельтом целей, делая его предложения иногда поверхностными, не сообразующимися с обстановкой и порою весьма неожиданными для британских наблюдателей. Тем не менее Рузвельт использовал любую возможность для установления личных контактов с членами британ-

ского кабинета в целях улучшения отношений между двумя странами.

Как свидетельствуют приводимые Р. Харрисоном архивные материалы, в марте 1936 г. президент имел встречу с А. Виллертом, возглавившим в конце 1935 г. отдел информации Форин оффис. В своем отчете об итогах беседы с Ф. Рузвельтом Виллерт отмечает, что ее основное содержание составили вопросы англо-американского сотрудничества в условиях обострившейся международной обстановки. Президент «ослепил» сотрудника британского министерства иностранных дел «целой серией идей во имя сохранения мира, ни одна из которых не была детально разработана, и все они были предметом серьезных размышлений Рузвельта». Президент привлек внимание Виллтерта к двум предложениям: во-первых, к осуществлению обмена по программам вооружений, что могло бы явиться «началом более широкой международной системы по разоружению» и, во-вторых, к созданию «эффективной блокады» вокруг страны — потенциального агрессора. Рузвельт высказал мнение о том, что Лига Наций могла бы создать своего рода «санитарный кордон» вокруг такой страны, как Германия, который он, как президент, мог бы также объявить «эффективной блокадой». «Преимущества такой идеи, — сказал он Виллерту, — в том, что она позволяет поддержать действия Лиги Наций без необходимости получения согласия со стороны конгресса». В то же время «Рузвельт дал ясно понять, что Британия должна гораздо эффективнее действовать во имя сохранения мира, прежде чем такая поддержка будет оказана со стороны США». Однако после ознакомления с информацией Виллтерта официальные лица Уайтхолла по существу отказались принять во внимание предложения американского президента, расценив их как «нечто опасное и неинтересное»⁶.

Между тем в достоверности приводимых Р. Харрисоном материалов нет оснований сомневаться, так как над идеей «создания эффективной блокады» как средства совместных действий Лиги Наций и США Рузвельт размышлял еще в 1935 г. Информация А. Виллтерта подтверждается документально. Еще в апреле 1935 г. в письме полковнику Э. Хаузу Рузвельт указывал на возможность использования такого средства сдерживания Германии, как блокада. «Мне кажется, — писал президент, — что если бы Франция, Италия и Малая Антанта положительно отнеслись к идеи совместной акции и установили бы полную блокаду Германии, отпала бы необходимость в ее оккупации. Если эта мера окажется эффективной, мы признаем ее. Это в конечном счете не бойкот и не санкции, хотя в действительности они равнозначны. Бойкот и санкции не могут быть поддержаны нами без одобрения конгресса, а блокада является прерогативой исполнительной власти»⁷.

Изложенные выше факты позволяют сделать следующие выводы.

1. В марте 1936 г. Ф. Рузвельт впервые предложил правительству Великобритании осуществление совместных действий по предотвращению угрозы мировой войны. Это дает основание полагать, что именно данная инициатива положила начало президентскому демаршу.

2. Анализ информации А. Виллерта и сопоставление ее с международной обстановкой марта 1936 г. подтверждают, что в конкретной обстановке 1936 г. Ф. Рузвельт был сторонником применения эффективных методов противодействия агрессору. Более того, документы свидетельствуют о том, что президент США был сторонником коллективных действий миролюбивых держав и стремился найти пути к сотрудничеству, минуя сопротивление изоляционистского большинства в конгрессе США.

3. В то же время содержание беседы президента с А. Виллертом ярко характеризует особенности дипломатического стиля Ф. Рузвельта, его осторожность и умение вести «двойную игру». Очевиден тот факт, что президент имел целью подтолкнуть, воодушевить Лондон на более действенные меры и вызвать британскую инициативу, на которую Соединенные Штаты могли бы откликнуться. Однако никаких обязательств и гарантий американской поддержки президент не давал. Эта помощь могла быть оказана, но ее могло и не быть, если Вашингтон сочтет действия Англии недостаточно эффективными. Все это, безусловно, настораживало британскую сторону и вызывало отрицательную реакцию.

4. Отрицательная реакция Лондона на предложения Ф. Рузвельта явилась также и следствием расхождений в американской и английской концепциях сдерживания агрессора, которые вполне наметились к 1936 г.

Великобритания, принявшая программу перевооружения, не могла по этой причине поддерживать принципы разоружения и, опасаясь вооруженного конфликта, отвергала использование политики силы в отношении Германии, не имея к тому же гарантий поддержки со стороны США. Это дает основание предполагать, что с самого начала президентский демарш был обречен на неудачу, если не будут найдены взаимоприемлемые решения.

Попытки президента выступить с новыми инициативами по сотрудничеству, которые могли бы быть одобрены английской стороной, предпринимались одновременно с мерами, способствовавшими решению вопроса о заключении англо-американского торгового соглашения. Как свидетельствуют документы, 4 мая 1936 г. Ф. Рузвельт воспользовался услугами своего шотландского друга А. Мюррея, чтобы передать секретное приглашение министру торговли Ве-

Британии В. Ренсмюну посетить Вашингтон. Ренсмюн дал согласие приехать с визитом в США после президентских выборов.

В это же время Ф. Рузвельт обратился к министру финансов США Г. Моргентау с просьбой открыть другой канал связи с Лондоном с целью решения сложного вопроса о стабилизации валют. Моргентау предложил приступить к переговорам по этому вопросу с Н. Чемберленом. И хотя президент сомневался в положительном ответе британской стороны, он поручил своему министру изучить вопросы валютной политики. Американский исследователь Д. Блюм показал, что данная «идея соответствовала решимости Моргентау использовать финансовую политику для создания единого фронта демократических государств против Гитлера...». Однако нежелание британской стороны участвовать в обсуждении вопроса до тех пор, пока Моргентау не получит одобрения президента США, препятствовало достижению прогресса в осуществлении замысла министра финансов. Инициатива Моргентау завершилась в конце сентября 1936 г. «дженльменским соглашением» США, Великобритании и Франции о стабилизации валютных курсов. Даже К. Хэлл приветствовал это урегулирование как шаг на пути к всестороннему англо-американскому торговому соглашению⁸.

Таким образом, меры, предпринятые Ф. Рузвельтом в мае 1936 г., преследовали двоякую цель: с одной стороны, установить личные контакты с членами британского кабинета, с другой — продвинуть решение вопроса о заключении торгового соглашения с Англией. Осуществление инициативы министра финансов США явилось первым успехом в этом направлении и, несомненно, способствовало укреплению британского доверия к Вашингтону. Вполне можно согласиться с утверждением Р. Харрисона о том, что Рузвельт рассматривал сентябрьское соглашение как доказательство эффективности помощи Моргентау и что в дальнейшем президент «будет больше полагаться на министра финансов, который был согласен с ним в необходимости коллективной оппозиции диктаторским государствам, чем на К. Хэлла, который считал, что однажды достаточно согласовать коммерческие вопросы, и за этим последуют мир и безопасность»⁹.

26 августа 1936 г. в «Нью-Йорк таймс» появилась статья А. Кроука, содержание которой однозначно свидетельствовало о намерении президента США организовать встречу глав ведущих государств для урегулирования спорных вопросов в целях обеспечения всеобщего мира. В статье отмечалась уверенность Рузвельта в том, что в случае переизбрания на второй срок он будет способствовать делу мира вопреки сильной оппозиции¹⁰.

Между тем документы, относящиеся к августу 1936 г., дают повод усомниться в возможности выдвижения Ф. Рузвельтом пред-

ложении о созыве мирной конференции. На многочисленные запросы, поступавшие в госдепартамент по поводу появившегося в газете сообщения, госсекретарь К. Хэлл и помощник президента С. Эрли отвечали, что «они ничего не слышали об этом предложении и выражали удивление публикацией на весь мир такой информации». Хэлл «настаивал на международных причинах, по которым президент отклоняет все комментарии»¹¹. Возможно предположение, что госдепартамент действительно не знал о намерениях Рузвельта. Но имеется еще один документ, на основании которого можно предположить, что сам президент, находившийся в то время в Чикаго, отверг достоверность появившейся информации. Рузвельт одобрил ответы госдепартамента и попросил министра сельского хозяйства Г. Уоллеса сообщить репортерам, что «президент не читал статьи и поэтому не может ничего отрицать». «Но президент просил передать, — заявил также Уоллес, — что не было ничего, что в какой то бы то ни было форме или манере касается описанной такого рода встречи». Окончательный ответ госдепартамента на статью А. Крока был следующим: «...достоверность информации была опровергнута президентом, который, однако, глубоко обеспокоен проблемами всеобщего мира, как это показало его последнее выступление в Котоко»¹².

Необходимо отметить, что внимательное рассмотрение данного вопроса опровергает официальную версию. Не вызывает сомнения тот факт, что идея созыва конференции мира была в сознании Рузвельта и что президент был одержим этой идеей уже с весны 1936 г.

На основании изучения источников может быть установлено, что предложение о проведении встречи глав государств было выдвинуто бывшим лидером лейбористской партии Великобритании, членом английского парламента Дж. Лансбери, который приезжал в Вашингтон 21 апреля 1936 г. для участия в национальной конференции мира. В очередной его приезд в США в мае 1936 г. послы Р. Линдсей и Р. Бингхэм просили Ф. Рузвельта о встрече с Лансбери. Из содержания письма британского пацифиста Рузвельту по итогам встречи с президентом 26 мая, следует, что в центре их беседы стоял вопрос о проведении конференции мира и что Рузвельт поддержал такую идею¹³. Обсуждение предложения о встрече глав семи государств состоялось у Рузвельта и с американской пацифисткой Мэри Вулли во время конфиденциальной встречи, вероятно, 8 августа. 10 августа Вулли писала президенту: «Ваше предложение о встрече 7 глав государств постоянно в моем сознании ... Я только что направила обращение к Вам с призывом созвать конференцию глав государств — участников подписания Версальского договора. Если Ваше предложение кажется Вам неосуществимым,

не лучше ли следующей попыткой будет встреча подписавших Версальский договор держав с тем, чтобы обсудить возможность десятилетнего перемирия, прекращающего увеличение вооружений и дающее шанс миру?»¹⁴ Из содержания приведенных документов следует вывод, что идея созыва конференции мира, носившая аморфный и неопределенный характер, стала доминирующей темой бесед Рузвельта с видными представителями пацифистского движения, хотя очевидны и сомнения президента относительно возможности и результатов такой встречи. Свидетельства источников не дают основания для вывода о беседах Рузвельта на эту тему только с пацифистами, чтобы представить президента в глазах общественного мнения государственным деятелем, готовым использовать влияние своей страны для поддержания мира.

Переписка Ф. Рузвельта с американским послом в Берлине У. Доддом в августе 1936 г. показывает, что президент прорабатывал возможность реализации упомянутой выше идеи и по дипломатическим каналам. Просьба Рузвельта, изложенная в письме к Додду от 5 августа 1936 г., шла в направлении осуществления предложения М. Вулли. Понимая, что позиция Германии является ключевой для определения перспектив проведения конференции, президент просил посла навести справки относительно «общих границ германских внешнеполитических целей на десятилетний период и возможности Германии поддержать предложения об общем ограничении вооружений». Додд в ответе от 19 августа 1936 г., сообщая о сложности решения данного вопроса, отметил, что он никогда не знал германских официальных лиц в известность о преследуемых Рузвельтом целях. Позднее посол будет неоднократно возвращаться к теме президентского письма от 5 августа. Рузвельт, однако, никак не отреагировал на информацию Додда, содержащуюся в этом и других посланиях президенту¹⁵.

Таким образом, факты свидетельствуют о существовании у президента США серьезных намерений по организации встречи руководителей ведущих государств для урегулирования спорных вопросов и дают основание считать достоверной информацию, появившуюся в «Нью-Йорк таймс». В то же самое время в эпизоде с нашумевшей статьей А. Крока вновь проявились особенности дипломатического стиля Ф. Рузвельта, которые часто и были причинами такого рода замешательств. Будучи политиком, восприимчивым к общественному мнению, президент, выдвигая те или иные предложения и инициативы, внимательно следил за реакцией на его действия и всегда сохранял для себя возможность отказаться, если в том была необходимость, от своих заявлений. Поэтому правильнее предположить, что в августе — сентябре 1936 г. президент счел неподходящим момент для публичного признания в своих намерени-

ях. Причин тому было несколько: во-первых, из-за изоляционистской оппозиции во время избирательной кампании; во-вторых, из-за негативной реакции госдепартамента; в-третьих, из-за сомнений и недостаточной уверенности в возможности проведения конференции, на идею которой Лондон вообще не отреагировал¹⁶. Но эти события конца лета — начала осени 1936 г. имели продолжение.

После победы на президентских выборах в ноябре 1936 г Ф. Рузвельт вновь сконцентрировал свои усилия на достижении совместных англо-американских действий как главного условия в деле предотвращения военной опасности, и снова по дипломатическим каналам был поднят вопрос о созыве Соединенными Штатами конференции мира. Как следует из документов, американский посол У. Додд продолжал изучать вопрос о возможности встречи руководителей ведущих государств и выражал уверенность в успехе конференции. Именно Додд заверил своего британского коллегу Э. Фиппса в стремлении Рузвельта совместными усилиями демократических государств урегулировать европейские конфликты. Такое утверждение Додда давало Форин оффис основания полагать, что идея мирной конференции действительно входила в планы президента. Обсуждение вопроса о степени ее реальности обнаружило различие в позициях членов внешнеполитического ведомства Великобритании и вполне обоснованное беспокойство относительно «очередного импульсивного шага» Рузвельта. Среди руководителей Форин оффис, выражавших готовность поверить в реальность намерений американского президента, был А. Иден. Министр иностранных дел Великобритании утверждал, что даже опровержение Рузвельтом такой идеи будет полезным. «В любом случае, — говорил Иден, — мы сумеем отбить желание у президента вводить нас в заблуждение»¹⁷.

Всячески подталкивая Лондон к поиску более решительных мер для достижения совместных англо-американских действий, Ф. Рузвельт в то же время действовал в соответствии с разработанным госдепартаментом внешнеполитическим курсом¹⁸. Будучи сторонником заключения торгового соглашения с Великобританией, президент способствовал решению этого вопроса. Он использовал также визит министра торговли Англии для того, чтобы в переговорах с последним сделать акцент на политических преимуществах двустороннего экономического соглашения и добиться отказа Лондона от абсолютной приверженности системе имперских преференций¹⁹.

Хотя на пресс-конференции 26 января 1937 г. по итогам визита В. Ренсимена в Вашингтон Ф. Рузвельт заявил, что «переговоры имели отношение только к торговле», из архивных материалов, приводимых Р. Харрисоном, следует, что участники встречи вообще не касались вопросов торговли. Президент США во время встречи с

Ренсименом выразил личную заинтересованность в англо-американском сотрудничестве в условиях нараставшей военной опасности. Рузвельт обещал, что Соединенные Штаты примут новый закон о нейтралитете, который предоставит большую власть президенту. Рузвельт также настаивал на сотрудничестве с англичанами в урегулировании дальневосточных проблем и высказался за расширение связей между министерствами финансов двух стран. Во время этой же встречи президент впервые выразил свое отношение к британской программе перевооружения. Он одобрил эту программу и предложил обменяться секретной военной информацией. Ренсимен находился под сильным впечатлением готовности президента США пойти навстречу Лондону и возвратился домой сторонником заключения англо-американского торгового соглашения как первого шага на пути к политическому партнерству с США²⁰. Таким образом, наметившиеся к 1937 г. изменения в позиции британской стороны по вопросу об англо-американском торговом соглашении можно рассматривать в первую очередь как заслугу и успех личной дипломатии президента, а встречу Рузвельта с министром торговли Великобритании Ренсименом как составную часть президентского марша.

Британское внешнеэкономическое ведомство играло второстепенную роль в решении внешнеполитических проблем, но Форин оффис перед отъездом министра торговли в Вашингтон подготовил для В. Ренсимена список вопросов, которые могли быть затронуты во время его беседы с Ф. Рузвельтом. В числе этих вопросов упоминалась и всемирная конференция²¹. Однако во время встречи президента с министром идея проведения конференции под главенством США не обсуждалась, и негативные последствия данного факта станут очевидными несколько позже.

Ф. Рузвельт вновь поставит вопрос о конференции мира в повестку дня в феврале 1937 г. Теперь он предпримет попытку реализации этой идеи по двум каналам.

Еще в ноябре 1936 г. президент получил информацию о готовившихся изменениях в составе британского кабинета и в первую очередь о кандидатуре Н. Чемберлена на пост премьер-министра Великобритании. В правительстве Соединенных Штатов, пожалуй, кроме Г. Моргентау, уважавшего британского министра финансов за деловую предприимчивость, все очень настороженно отнеслись к такой информации. Большинство американских политических деятелей обвиняли Чемберлена в высокомерии, самонадеянности и, не без основания, считали антиамериканистом. Посол Р. Бингхэм убеждал Ф. Рузвельта, что «избрание Чемберлена будет величайшей ошибкой Великобритании». Репутация Чемберлена как антиамериканиста таила в себе опасность всякому трансатлантическому партнерству, и

Рузвельт предпочитал урегулировать имеющиеся противоречия, убедить Чемберлена, прежде чем он займет пост премьер-министра, в заинтересованности Соединенных Штатов в англо-американском сотрудничестве. Полагаясь на Моргентау, который имел успех в установлении контактов с британским министерством финансов, президент предложил в феврале 1937 г. своему министру узнать у будущего премьера Англии, что он думает о США и как США могут помочь предотвращению войны в Европе. Вероятно, Рузвельт надеялся на поддержку британской стороной идеи всемирной конференции, которая должна была урегулировать экономические вопросы и найти пути к всеобщему разоружению. Но, как оказалось, Моргентау не был в курсе реальных намерений президента, и послание последнего в Лондон содержало просьбу к Чемберлену об изложении позиции по вопросу о том, как «можно снизить экономическую тяжесть гонки вооружений и предотвратить войну в Европе». Вручая послание британскому атташе по делам торговли Т. Бьюли, Моргентау сказал, что «он ждет ответа, который не будет ограничиваться только экономическими проблемами», но даже не коснулся вопроса о всемирной конференции²².

Эта неясность в послании Г. Моргентау своему британскому коллеге явилась одной из причин неудачи президентского демарша. Делу не помогло и использование Ф. Рузвельтом другого канала, чтобы донести смысл своего послания до Лондона. Он попросил посла в Великобритании Р. Бингхэма сообщить А. Идену, что «президент США намерен предпринять определенную мирную инициативу, но только в тесном контакте с Великобританией». Согласно рузвельтовской инструкции, Бингхэм просил министра иностранных дел сообщить, считает ли правительство Англии, что момент для такой инициативы наступил²³.

Сообщение Р. Бингхэма поступило в Лондон почти одновременно с посланием Г. Моргентау. Поэтому ответ министра финансов Великобритании от 30 марта 1937 г. Ф. Рузвельт расценил как отказ британской стороны поддержать его инициативу²⁴. Провал рузвельтовской инициативы, которая предполагала созыв всемирной конференции, стал окончательным после того, как обсуждавшаяся в дипломатических кругах идея конференции дошла и до госсекретаря К. Хэлла. Будучи не посвященным в планы президента, Хэлл официально отрицал 2 апреля 1937 г. получившие распространение сведения о намерении американского правительства созвать всемирную конференцию и подтвердил, что Соединенные Штаты не будут вмешиваться в европейские дела²⁵. Ответ Н. Чемберлена на послание Моргентау не содержал упоминания о всемирной конференции. Это дает основание полагать, что в британском кабинете никто не связывал послание министра финансов США с намеками президен-

та на созыв всемирной конференции. Но в то же время по своему содержанию меморандум Чемберлена от 30 марта 1937 г. является ярким документом, показывающим принципиальные различия в подходе обеих сторон к проблемам европейского урегулирования, без преодоления которых даже в случае поддержки со стороны Форин оффис инициативы Рузвельта всемирная конференция была бы невозможна. Поэтому главными причинами неудачи инициативы Моргентау и в целом президентского демарша были не только установленные автором настоящей статьи особенности дипломатического стиля Рузвельта, но и принципиальные различия в американском и английском подходах к проблемам европейской безопасности.

Анализ содержания меморандума Н. Чемберлена позволяет заключить, что министр финансов Великобритании правильно понял мнение, изложенное в послании Г. Моргентау, как точку зрения администрации США и их президента. В первой части меморандума Чемберлен отвечает на вопрос, от кого исходит угроза миру и что является ее причиной. Министр справедливо возложил вину и ответственность за европейские проблемы на Германию. «Источник военной опасности в Европе, — писал Чемберлен, — исходит от Германии, которая желает сделать себя настолько сильной, чтобы никто не осмелился противостоять ее требованиям». Из текста документа становится очевидным, что главные расхождения в подходах США и Великобритании к европейскому урегулированию возникли по вопросу о разоружении. Откровенные призывы США к ограничению гонки вооружений и разоружению стали темой выступлений Ф. Рузвельта и госдепартамента США. Более того, в послании Моргентау приверженность США принципу разоружения проявлялась в отождествлении вооружения с главной причиной международных проблем, как политических, так и экономических. Но изменившаяся к 1937 г. ситуация в Европе исключала возможность общего подхода обеих стран к проблемам разоружения, как это было в 1933—1934 годах. Чемберлен отказался от поддержки принципа разоружения, так как, писал он, «Германия вряд ли может согласиться с каким-либо разоружением, которое может нанести поражение ее цели». Исходя из того, что единственным средством, способным остановить агрессивные устремления Германии, «убедить, что ее (Германии. — Т. В.) усилия обеспечить превосходство силы обречены на провал», являлась сила, Чемберлен обосновывал необходимость британского перевооружения, программа которого, по его словам, «поддержана большинством европейских наций»²⁶.

Послание Г. Моргентау и ответ на него Н. Чемберлена сыграли в целом положительную роль в установлении расхождений в позициях сторон и в ориентации самого Рузвельта на решение вопросов,

которые осложняли англо-американские отношения. Как известно, президент США выразил свою поддержку программе перевооружения Великобритании во время встречи с В. Ренсимоном в январе 1937 г. Неудача Моргентау в достижении совместных англо-американских действий по предотвращению войны и определившееся разногласия сторон сделали необходимым публичное выступление президента с изложением позиции администрации США по данному вопросу. На пресс-конференции 20 апреля 1937 г. Рузвельт провел четкое разграничение между «наступательным» перевооружением (неприемлемым) и «оборонительным» перевооружением (приемлемым) и тем самым, на взгляд автора статьи, однозначно заявил о своем одобрении и поддержке британской программы перевооружения²⁷. Преодоление одного из различий в позициях двух сторон, несомненно, сыграло положительную роль в деле англо-американского сотрудничества в недалеком будущем.

Однако осуждение Н. Чемберленом политики Германии еще не означало предложения Соединенным Штатам участвовать в совместных с Британией действиях по предотвращению войны. По мнению британского министра финансов, «существенный вклад, который могут внести США в настоящий момент в дело мира — это изменить законодательство о нейтралитете». Следовательно, вторым существенным препятствием на пути к достижению англо-американского согласия был отказ США взять на себя какие-либо политические обязательства по отношению к Европе. В меморандуме Чемберлен изложил свое мнение о недостатках законодательства о нейтралитете, которое на самом деле поощряет агрессора, и настаивал на гарантиях поддержки американской стороной жертвы агрессии. Как известно, 1 мая 1937 г. в США вступил в силу новый закон о нейтралитете, включавший пункт о торговле с воюющими странами по принципу «cash and carry», который отвечал интересам Великобритании. Но анализ английской стороной нововведений этого закона будет осуществлен слишком поздно, чтобы повлиять на ответ Чемберлена. В тот период, когда готовился меморандум министра финансов, в США шли острые дебаты вокруг закона о нейтралитете, и не было сомнений в том, что изоляционисты в очередной раз одержат победу. Отсутствие твердых гарантий помощи со стороны США в случае войны, естественно, вынуждало правящие круги Великобритании избегать какого-либо обострения ситуации в Европе. В связи с этим Чемберлен поставил в известность правительство США о намерениях Англии развивать официальные контакты с германским правительством «нормальным путем», что свидетельствовало о стремлении Лондона к поиску договоренностей с Германией.

Наконец, еще одним расхождением в позициях американской и английской сторон были вопросы подписания англо-американского торгового соглашения. Администрация США придавала первостепенное значение экономическому аспекту сохранения и обеспечения всеобщего мира, предотвращения войны и экономической катастрофы. Но приверженность принципам либерализации экономических и торговых связей наносила ущерб экономическим интересам Британской империи. Н. Чемберлен, признавая необходимость заключения торгового соглашения с США, указал на важность взаимных уступок.

Таким образом, существенные различия в подходах США и Великобритании к проблемам европейского урегулирования и сохранения мира воспрепятствовали попытке достижения совместных действий, столь необходимых в условиях роста военной опасности. Предпринята в июле 1937 г. инициатива Ф. Рузвельта в организации визита Н. Чемберлена в Соединенные Штаты и отказ премьер-министра Великобритании от президентского приглашения означали окончательную неудачу рузвельтовского демарша 1936—1937 гг.²⁸ Анализ причин неудачи этого демарша с достаточной степенью определенности позволяет характеризовать середину 30-х годов в общем процессе развития отношений между США и Великобританией как период упущеных возможностей.

Во-первых, инициативы Ф. Д. Рузвельта 1936—1937 гг., пусть ограниченные и довольно аморфные, но все же не исключавшие возможности совместных американо-английских действий в деле предотвращения войны, не были подвергнуты анализу даже в порядке дискуссий ни одной стороной. Во-вторых, ни американские, ни британские политики не учитывали важности фактора времени, не торопились с поисками адекватных создавшейся ситуации решений, не проявили энергии для достижения так необходимого взаимопонимания в условиях, когда динамика событий в Европе требовала оперативности не только в принятии принципиальных политических решений, но и в их реализации. Наконец, в-третьих, политики оказались в плена иллюзий в определении методов сдерживания агрессора. Отождествление ситуации 30-х годов со временем, предшествовавшим первой мировой войне, преувеличение значения единственности ненасильственных методов, боязнь спровоцировать вооруженный конфликт явно были недостаточны в качестве эффективных средств обуздания агрессивных устремлений фашистской Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. работы: Leuchtenburg W. E. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932—1940. N. Y., 1963; Kinsella W. E. Jr. Leadership in Isolation: FRD and the Origins of the

Second World War. Cambridge, 1978; Cole W. S. Roosevelt and isolationists, 1932 — 1945. L., 1983; etc.

² Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979. P. 23 — 143; Offner A. A. The United States and National Socialist Germany // The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement / Ed. by W. J. Mommsen and L. Kettneracker. — L., 1983. P. 414; Blum J. M. From the Morgenthau Diaries. Years of Crisis, 1928 — 1938. Boston, 1959. P. 141; Harrison R. A. A Presidential Demarche: Franklin D. Roosevelt's Personal Diplomacy and Great Britain, 1936 — 1937 // Diplomatic History. 1981. Vol. 5, № 3. P. 248.

³ Harrison R. A. Op. cit. P. 252; Ickes H. The Secret Diary of Harold L. Ickes: In 3 Vols. N. Y., 1953 — 1954. Vol. 2. — P. 213; F. D. Roosevelt: His Personal Letters, 1928 — 1945. In 2 vols. / Ed. by E. Roosevelt, G. P. Lash. N. Y., 1947 — 1950. Vol. I. P. 680 — 681.

⁴ Будучи уверенным в том, что всеобщий мир зависит от либерализации мировых экономических отношений и расширения торговли, в качестве главного условия и первого шага к достижению сотрудничества с Великобританией К. Хэлл рассматривал ее готовность заключить взаимовыгодное торговое соглашение с США на принципах режима наибольшего благоприятствования. — Hull C. The Memoirs of Cordell Hull: In 2 vols. N. Y., 1948. Vol. I. P. 523.

⁵ FDR and F. A. Vol. III. P. 261, 263; F. D. Roosevelt: His Personal Letters, 1928 — 1945. Vol. I. P. 576.

⁶ Harrison R. A. Op. cit. P. 250.

⁷ Selected speeches, messages, press conferences, and letters of Franklin D. Roosevelt / Ed. by B. Rauch. N. Y., 1960. P. 138 — 139.

⁸ Harrison R. A. Op. cit. P. 251 — 252; Blum J. M. Op. cit. Vol. I. P. 140 — 141, 228; Hull C. Op. cit. Vol. I. P. 522.

⁹ Harrison R. A. Op. cit. P. 252.

¹⁰ New York Times. 1936. August 26. P. 1.

¹¹ FDR and F. A. Vol. III. P. 401.

¹² New York Times. 1936. August 27. P. 4; FDR and F. A. Vol. III. P. 401.

¹³ FDR and F. A. Vol. III. P. 312 — 313.

¹⁴ Ibid. Vol. III. P. 373.

¹⁵ F. D. Roosevelt: His Personal Letters. Vol. I. P. 605 — 606; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1936. In 5 vols. Wash., 1953 — 1954. Vol. I. P. 355; FDR and F. A. Vol. III. P. 391 — 392.

¹⁶ Harrison R. A. Op. cit. P. 255.

¹⁷ FDR and F. A. Vol. III. P. 455 — 458; Eden A. Facing the Dictators: The Memoirs of Anthony Eden. L., 1962. P. 595.

¹⁸ Harrison R. Op. cit. P. 257; Hull C. Op. cit. Vol. I. P. 497 — 503; FDR and F. A. Vol. III. P. 559 — 560; История США: в 4-х т. / Ответ. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 3. М., 1985. С. 286.

¹⁹ FDR and F. A. Vol. III. P. 526 — 528; FRUS. 1937. Vol. I. P. 24 — 26, 638 — 640.

²⁰ Harrison R. A. Op. cit. P. 261.

²¹ Ibid. P. 260.

²² Blum J. Op. cit. Vol. I. P. 473; Bullitt O. H. For the President, Personal and Secret: Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972. P. 213; FDR and F. A. Vol. III. P. 485, 486; FRUS. 1937. Vol. I. P. 641; Blum J. Op. cit. Vol. I. P. 458 — 459; Eden A. Op. cit. P. 597 — 598; Harrison R. A. Op. cit. P. 261.

²³ Harrison R. A. Op. cit. P. 264.

²⁴ FRUS. 1937. Vol. I. P. 98 — 99.

²⁵ FRUS. 1937. Vol. I. P. 648 — 649.

²⁶ Ibid. P. 99 — 100.

²⁷ Harrison R. A. Op. cit. P. 266.

²⁸ FRUS. 1937. Vol. I. P. 101, 102, 113, 645.

Б. В. Петелин

СУЩНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ХДС/ХСС В 70—80-е гг.

Бурные события, связанные с объединением двух немецких государств, вызвали повышенный интерес к христианским партиям ФРГ: Христианско-демократическому союзу и Христианско-социальному союзу — ХДС/ХСС, действующим в рамках единого блока с 1949 г. История распорядилась таким образом, что эти партии были причастны к расколу Германии после поражения нацизма, а спустя сорок лет они же сыграли немалую роль в процессе объединения ФРГ и ГДР. Находясь у власти с октября 1982 г., ХДС/ХСС в коалиции с СвДП проводили активную внешнюю политику, содержание которой, несмотря на известный «фактор Геншера», во многом базировалось на доктринах консервативных партий.

В отечественной германистике давно ведутся исследования политики и деятельности ХДС/ХСС¹. Но, как справедливо отмечает Л. Г. Истягин, в научной литературе мало аналитических работ о буржуазных партиях, течениях и группировках в них по вопросам мира и безопасности². Мимо этого не проходили в недавнем прошлом западногерманские политологи и историки. Так, В. Пфайлер, ссылаясь на ряд советских изданий, подчеркивал, что существующие представления о ХДС и ХСС как «партиях крупного капитала», политику которых «определяют реакционные и реваншистские организации», мешают пониманию действительной сущности этих партий, их роли и места в партийно-политическом механизме ФРГ. Безусловно, в ХДС и ХСС были и остаются приверженцы политики силы, хотя в то же время необходимо учитывать эволюцию этих партий и самого консерватизма, который в 70—80-е годы оказался восприимчивым к новым явлениям в современном мире. Консервативным партиям, особенно в 80-е годы, удавалось более «прагматично, без излишней идеализации, с учетом объективных условий подходить к оценке и решению актуальных международных проблем»⁴. Однако на пути консервативных партий к «прагматическому» подходу решения внешнеполитических проблем не обошлось без дискуссий и разногласий, порою довольно острых, в самих партиях.

Первые серьезные дебаты в этих партиях по вопросам внешней политики состоялись в период заключения и ратификации

«восточных договоров». К тому времени умеренные деятели в ХДС/ХСС еще не располагали достаточным влиянием, чтобы убедить руководство союза в необходимости эволюции не только внутриполитических, но и внешнеполитических концепций. Известный западногерманский политолог Г. Хакке указывал, что к решающему моменту обсуждения «восточных договоров» в союзе сложилось несколько группировок. Наиболее здравую позицию занимала «прогрессивная группа», но она была малочисленной. Вторая группа была более представительной: Г. Колль, Р. фон Вайцзеккер, К. Вирренбах, В. Хальштейн, Э. Майоника, которые имели «высшую внешнеполитическую репутацию». Но они действовали нерешительно и не могли, как пишет Хакке, сказать твердо «да» или «нет». Особо выделялась группа Г. Шредера, который, еще будучи министром иностранных дел в правительстве Л. Эрхарда, выдвинул собственную концепцию «восточной политики». «Консервативную группу» ХДС составили откровенные противники «новой восточной политики», правые деятели ХДС К. Кизингер, В. Маркс, Г. Винделен. Наконец, пятая группа — штраусовский ХСС — «единственное большинство против ратификации»⁵. Столкновения были настолько острыми, что Штраус позднее отмечал реальность раскола парламентской фракции, когда две трети ее, включая весь ХСС, были против договора и только одна треть и некоторые члены руководства фракции решились сказать «да»⁶.

Принятие западногерманским обществом «восточной политики», что убедительно проявилось на досрочных выборах в бундестаг в ноябре 1972 г., сняло остроту этой проблемы, и ХДС/ХСС получили возможность заняться внутренними делами и вновь «поднять вопрос о лидерстве в период нового бундестага»⁷. Действительно, без перемен в руководстве «Обновление союза» не могло состояться. При этом речь могла идти только в отношении ХДС, так как позиции Ф. И. Штрауса в «баварской партии» были настолько прочны, что ни о каком оппозиции внутри ее говорить не приходилось. Зато среди христианских демократов крепло желание порвать с недавним прошлым, с неприятными воспоминаниями о поражениях на выборах. Общественное мнение связывало эти поражения с личностью председателя партии Р. Барцеля, политика старшего поколения, десять лет возглавлявшего фракцию ХДС/ХСС в бундестаге, а в 1971 г. ставшего председателем ХДС. Барцелем были недовольны правые деятели за то, что он не проявил твердости при заключении «восточных договоров», «левые» — за нерешительность к «обновлению».

В мае 1973 г. Р. Барцель ушел с поста председателя фракции в бундестаге, а в июне того же года лишился и кресла председателя ХДС. Новым лидером партии на съезде в Бонне был избран Гель-

мут Коль. «Вельт» в связи с этим писала: «Оппозиция освободилась от своего нелюбимого вождя, но не решила этим самым свои политические проблемы»⁸. Сам Барцель сетовал, что с ним поступили «не по-джентльменски», а акции против него были похожи на «террор»⁹. Тем не менее избрание Г. Коля, как показали дальнейшие события, явилось оправданным шагом. Но ему требовалось время, чтобы укрепить собственные позиции, подобрать соответствующее окружение в партии на федеральном и земельном уровнях. Успеху Коля способствовала активная деятельность генерального секретаря ХДС Курта Биденкопфа, который считал эту должность более «политической», чем его предшественники.

Новое руководство сначала уделило больше внимания внутренней политике. Что касается внешней политики, то в условиях разрядки международной напряженности, характерной для середины 70-х годов, христианские демократы пока еще были не в силах конкурировать с СДПГ. К тому же приближались выборы в бундестаг 1976 г., и подготовка к ним оказалась для Г. Коля нелегким делом. В союзе дала о себе знать старая «болезнь» — выдвижение кандидата в канцлеры. У Коля были соперники по партии, но главным конкурентом мог стать Штраус. Последний рисковать не захотел, справедливо считая, что его политические воззрения мало соответствуют сложившейся ситуации. Штраус использовал время для сплочения правых сил, чтобы оказать противодействие возможным переменам в союзе. Показательна в этой связи его речь в ноябре 1974 г. в Зонтихофене, в которой он предупреждал «умеренных» деятелей из ХДС о сползании партии с выверенного ею курса¹⁰.

Выборы в бундестаг вновь были проиграны. Г. Витткемпер так прокомментировал неудачу ХДС/ХСС: «У человека с улицы создается впечатление, что оппозиция пунктуально работает над многими социальными проблемами, а затем складывает их в свой архив»¹¹. Союз партий так и не приобрел обещанного избирателям «социально-либерального профиля». Что касается внешней политики, то здесь ХДС/ХСС выглядели почти беспомощно. Фактически перед избирателями предстали «две различные европейские партии». Несмотря на это, полагал Витткемпер, оппозиция имеет «прекрасные шансы на обновление» и сможет через выборы прийти к власти»¹².

Третье подряд поражение на выборах в бундестаг заставило на конец руководство ХДС вплотную заняться внешнеполитическими концепциями. Продиктовано это было и нежеланием оказаться в политической изоляции на международной арене. «Умеренным элементам» в ХДС становилось все более очевидным, что подписание «восточных договоров» и Заключительного акта в Хельсинки не ослабляет, а, напротив, усиливает позиции ФРГ, так как Западная

Германия заняла ключевые позиции в отношениях между Западом и Востоком. «Восточная политика» на практике вела к расширению связей с ГДР, а это со временем могло оказаться весьма существенным фактором в разрешении «германского вопроса».

Естественно, что между партиями оппозиции сохранялись различия в подходах к внешней политике. ХСС, ведомый Ф. И. Штраусом, а равным образом правое крыло ХДС, были против каких-либо перемен, ослабляющих, как им казалось, прежние концепции. Опытный баварский политик, видимо, считал и, как показало время, не без оснований¹³, что разрядка в международных отношениях 70-х годов окажется недолговечной и спрос на жесткую внешнюю политику сохранится. Различия в подходах сказалась и на содержании основных программ (Программы принципов), принятых ХДС в 1978 г. и ХСС двумя годами ранее — в 1976 г. Эти программы имели долговременный характер. Не случайно тогдашний генеральный секретарь ХДС Х. Гайслер назвал Программу принципов «документом решающего духовного обновления ХДС в оппозиции».

К составлению программы были привлечены лучшие силы партии. Комиссию по ее подготовке возглавил Р. фон Вайцзеккер, обладавший большим авторитетом в рядах ХДС. В качестве «основных ценностей» консервативной партии он выдвинул «свободу», «справедливость» и «солидарность». Это создавало впечатление сходства с программными установками социал-демократов, но их воплощение, в отличие от последних, консерваторы увязывали с нормами христианской нравственности и морали. Обсуждение проекта программы сопровождалось острыми дискуссиями. Низовыми организациями ХДС было внесено более трех тысяч предложений и дополнений. В основном они затрагивали социальную политику партии. На состоявшемся 23—25 октября 1978 г. съезде ХДС в Людвигсхафене Программа принципов была принята. К этому моменту в партии насчитывалось около 700 тысяч членов, что свидетельствовало о более чем двукратном росте рядов ХДС за годы ее пребывания в оппозиции¹⁴.

Программа принципов ХДС состоит из преамбулы и шести разделов¹⁵. Ее составители стремились исходить из трезвой оценки реальной действительности, учитывая соотношение сил на международной арене в Европе и мире. Такой подход прослеживается в тех направлениях, которые были положены в основу внешнеполитической деятельности ХДС: европейская политика, политика безопасности, восточная политика, германская политика, политика по отношению к странам «третьего мира». В разделе программы «Германия в мире» были изложены главные цели внешней политики: необходимость преодоления раскола Германии и достижения единства Евро-

пы. Было бы странным ожидать от ХДС иного. Прогресс в отношениях ФРГ с восточноевропейскими странами вовсе не означал исчезновения германской проблемы. В историческом аспекте ХДС/ХСС никогда не отказывались от восточных территорий как части германского государства. Поэтому в их программах было записано, что «Берлин является столицей единой Германии, а свободный (Западный — Б. П.) Берлин является землей ФРГ». Вместе с тем ХДС не настаивал на немедленном решении германского вопроса. Более того, партия признавала реальное положение дел на европейском континенте: существование двух противоположных систем и двух немецких государств. В разделе «Восточная политика» Программы принципов говорилось о намерении жить в мире с восточными соседями, соблюдении договоров и соглашений со странами Восточной Европы, в том числе с ГДР.

В Программе принципов ее авторы выражали озабоченность существовавшей напряженностью в мире. Программа связывала это с «опасно возрастающим военным превосходством» Советского Союза. Отсюда следовал вывод о необходимости укрепления позиций ФРГ в Атлантическом союзе, ориентация на который являлась ключом к политике безопасности ХДС/ХСС. «Мы нуждаемся в НАТО, — подчеркивал Г. Коль, — хотя бы потому, что союз гарантирует нам мир, свободу и безопасность, и только усиление наших позиций в союзе позволит влиять на отношения между Западом и Востоком»¹⁶. Такая приверженность «атлантизму» была вполне понятна: ФРГ, находясь на рубеже противостояния двух систем, нуждалась в поддержке западных партнеров. При этом консерваторы не забывали и об усилении военной мощи самой ФРГ. Находясь в оппозиции, союз не имел возможности принимать непосредственное участие в формировании внешней политики правительства, но вне парламента деятельность консервативных партий была весьма активна.

В январе 1978 г. в Киле состоялся военно-политический форум, организованный руководством ХДС/ХСС. На нем присутствовали эксперты, военные специалисты из стран НАТО, представители бундесвера, политических кругов. Общее число участников форума составило 1200 человек. Основной доклад сделал М. Вернер, который изложил «девять пунктов политики безопасности». Все они сводились к одному — усилению военной мощи ФРГ. «Наша безопасность, — заявил Вернер, — основывается на силе бундесвера»¹⁷. Но одной мощи бундесвера лидерам ХДС/ХСС казалось недостаточно. В докладе Вернера речь шла также о возможности размещения нейтронного оружия в Европе, передаче американской новейшей технологии вооружений европейским странам НАТО. По существу уже в 1978 г. руководство

ХДС/ХСС высказало готовность поддержать агрессивные устремления США. При этом на форуме в Киле произошел отказ от политики поиска компромиссов. Правые деятели обеих партий охотно включились в пропагандистскую кампанию по нагнетанию страха перед «угрозой с Востока». Х. Гайслер в своем выступлении на форуме призывал Запад к «ответной реакции на глобальную экспансию Советского Союза».

Вряд ли может возникнуть сомнение в том, что политика СССР и его союзников по Варшавскому Договору в конце 70-х годов не давала повода для опасений. Но руководство **ХДС/ХСС** вовсе не собиралось отстаивать политику разрядки международной напряженности. В феврале 1978 г. в западногерманской печати появился документ под названием «Соображения о политике правительства **ХДС/ХСС** в отношении Советского Союза»¹⁸. Хотя до выборов в бундестаг оставалось более двух лет и оппозиция еще не определилась даже с кандидатом в канцлеры, тем не менее **ХДС/ХСС** поспешили заявить об основных направлениях своей восточной политики, которая будет отличаться от политики Брандта — Шееля и Шмидта — Геншера «реалиям», «определенностью» и «сбалансированностью». В чем авторы упомянутого выше документа видели эту «определенность»? Прежде всего в том, чтобы «убедительно настаивать на соблюдении прав человека в ГДР», на «восстановлении национального единства Германии», на требовании «безопасности Западного Берлина». По существу речь шла о «немецком вопросе», в решении которого союз увидел «новые перспективы» в конце 70-х годов. Будущее правительство, как уверяли руководители **ХДС/ХСС**, намерено было проводить политику сотрудничества с СССР на основе Заключительного акта, настаивая при этом на «свободном обмене идеями и информацией» и свободном «перемещении лиц немецкой национальности».

«Атлантизм» **ХДС/ХСС** был крепко привязан к европейской политике США. Данное отношение **ХДС/ХСС** отражено в их программах, в которых союз с Вашингтоном назван «вторым неписанным законом германской политики». Впрочем, и правительственно-коалиция СДПГ — СвДП в 70-е годы не ставила под сомнение необходимость военного сотрудничества с США. Именно правительство канцлера Г. Шмидта принимало решение о размещении американских ракет средней дальности на территории ФРГ. Данное решение следует рассматривать с учетом позиций как Запада, так и Востока, стремившихся к сохранению военно-стратегического паритета. Это на практике вело лишь к новому витку гонки вооружений. Такая ситуация позволяла **ХДС/ХСС** сохранять «верность» принципам политики «холодной войны». Поэтому наметившаяся в конце 70-х годов тенденция эволюции внешнеполитических доктрин хри-

стианско-демократических партий ФРГ фактически была «заморожена».

К началу 80-х годов милитаристские тенденции во внешней политике ФРГ заметно усилились. Это объясняется не только возросшей конфронтацией в мире и крахом политики разрядки международной напряженности, но и ростом влияния ВПК ФРГ на формирование внешней политики. Военная промышленность Западной Германии по своим масштабам значительно превысила разумные потребности обороны. Только за 1979—1980 годы военные расходы увеличились на 20,4 млрд. марок. Даже с учетом динамики цен их реальный прирост составил 25%¹⁹. Огромные военные расходы позволяли оснащать бундесвер самым современным оружием. В июле 1980 г. были сняты последние ограничения на строительство военных судов, и ФРГ получила возможность выпускать все виды надводных и подводных судов. Значительно вырос экспорт оружия. По этому показателю страна вышла на 4-е место в западном мире после США, Франции и Великобритании. Происходило укрепление военно-политических и военно-стратегических позиций ФРГ в НАТО. Многие ключевые должности и командные посты в НАТО оказались под контролем бундесвера. Возросшая экономическая и военная мощь ФРГ, как отмечал профессор Колумбийского университета Ф. Штерн, привела к тому, что ее «присутствие все сильнее ощущается в международных организациях, в отношениях внутри западного сообщества, в третьем мире и на Востоке»²⁰.

В 70-е годы военно-промышленные комплексы в странах Запада (впрочем, как и Востока) играли все возрастающую роль в проведении внешней политики. При этом ВПК, как правило, получали поддержку со стороны консервативных партий и их лидеров типа Р. Рейгана и М. Тэтчер. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ФРГ ВПК сделал ставку на ХДС/ХСС и лидера правого его крыла — Ф. И. Штрауса. Существенно и то, что центром ВПК в 70-е годы становится Бавария, где находились ведущие военные концерны «Мессершмидт — Бельков — Блом», «Дорнье» и другие, производившие более одной трети всей продукции ФРГ этого вида. Штраус, дождавшийся конца разрядки, получил достаточно сильную поддержку в борьбе за выдвижение кандидатом в канцлеры от ХДС/ХСС.

Ситуация в союзе по мере приближения выборов становилась все более запутанной. Кандидатура председателя ХДС Г. Коля, о чем поведала западногерманская печать, вдруг была признана «неубедительной»²¹. Кое-кто пытался списать конфликт на давние склоки и обиды, характерные для всех партий (известно, что «поход» против Коля начал бывший генеральный секретарь ХДС К. Биденкопф, у которого были причины «обижаться» на председа-

теля партии). Но это ни для кого не составляло секрета. Истинные причины лежали глубже. Полем борьбы в избирательной кампании должна была стать внешняя политика, на котором «неубедительный» Коль, как тогда многие полагали, явно уступал напористому баварцу, так как для последнего внешняя политика давно была любимым коньком. Ф. И. Штраус в своих мемуарах неоднократно подчеркивает, что внешняя политика и политика безопасности были всегда в центре его интересов. В такой ситуации председатель ХСС приложил немалые усилия, чтобы дискредитировать Коля. Это в конце концов принесло Штраусу успех. Правда, для этого пришлось прибегнуть к голосованию по двум кандидатурам: ХДС предложил кандидатуру Э. Альбрехта, возглавлявшего тогда земельное правительство в Нижней Саксонии. Несмотря на успехи политической деятельности в Нижней Саксонии, соперничать последнему с известным политиком, каким являлся Штраус, явно было не под силу. 2 июля 1979 г. при голосовании большинство членов парламентской фракции ХДС/ХСС предпочло Штрауса²².

Выдвижение Ф. И. Штрауса кандидатом в канцлеры следует рассматривать в контексте с другими социально-политическими сдвигами в странах Запада. В конце 70-х годов в ряде западноевропейских государств и США вполне обозначился неоконсервативный поворот, сутью которого стало наступление на социально-экономические права трудящихся в целях модернизации экономики, а на международной арене — возвращение к политике «холодной войны». Это стало возможным в силу многих причин, в том числе и в силу заметного ослабления позиций социалистических и социал-демократических партий, которые исчерпали кредит доверия избирателей, так и не справившись с массовой безработицей, инфляцией и спадом производства. Эти партии к тому же утратили динамизм в проведении внешней политики. С приходом к власти М. Тэтчера в Британии, Р. Рейгана в США и возникновением перспективы избрания Штрауса канцлером ФРГ без труда можно было предположить, что Западная Германия вновь окажется на острие противоборства между Западом и Востоком. Политическое лицо председателя ХСС воспринималось в той ситуации достаточно однозначно: последовательный антикоммунист, сторонник жесткой политики в отношениях с СССР и другими социалистическими странами, человек, в чьей биографии было немало громких скандалов и афер.

Избрание Ф. И. Штрауса канцлером вряд ли способствовало бы пересмотру внешнеполитических концепций блока ХДС/ХСС. Польский исследователь Э. Новак в книге «Штраусовский вариант внешней политики ФРГ» отмечал, что «концепции Штрауса претерпевали эволюцию в зависимости от соотношения сил на между-

народной арене и развития производительных сил в ФРГ. Однако они всегда были направлены на то, чтобы поддерживать функциональность капиталистической экономики и объединять капиталистические силы в борьбе против социализма»²³. Конечно, взгляды Штрауса в 80-е годы претерпели изменения. В последние годы своей жизни, особенно в связи с переменами в мире, его высказывания по внешнеполитическим вопросам стали носить более мягкий характер. Впрочем, и тогда, в 70-е годы, для него, истового консерватора и патриота, важным фактором политики представлялся подъем национального самосознания, чтобы немцы перестали себя казнить за преступления времен третьего рейха. Сам же он не оправдывал нацизм, не раз называл Гитлера преступником²⁴. Однако верно и то, что все крайне правые силы в ФРГ в личности Штрауса видели своего лидера. Поэтому не случайно, что именно эти силы развернули шумную кампанию по поддержке его кандидатуры в канцлеры от ХДС/ХСС на выборах в бундестаг 1980 г.

Общеизвестен тот факт, что к началу 80-х годов конфронтация в Европе заметно усилилась. Несут ли ответственность ХДС/ХСС за обострение ситуации? Безусловно! ХДС/ХСС — не карликовые партии, а ФРГ не Монако, чтобы считать себя сторонними наблюдателями. В сложной международной обстановке союзом был выбран не путь конструктивных переговоров и решений, а путь возврата к «холодной войне». На волне конфронтации между Западом и Востоком правый картель, ведомый Ф. И. Штраусом, намеревался доплыть до победы на выборах. Союз взял на вооружение внешнеполитические догмы, отвергнутые еще в 1969 г. Подтверждением тому может служить проходивший в январе 1980 г. в Бонне военно-политический форум ХДС, на котором преобладали не трезвые оценки сложившейся международной обстановки, а призывы к милитаризации, усилению политику антисоветизма и антикоммунизма. Выступая на форуме после Ф. И. Штрауса, М. Вернер заявил, что ФРГ сможет выстоять в 80-е годы, если она «мобилизует все силы, волю, желания и мораль». В целях реализации этого требования необходимо было, по его мнению, еще больше укреплять бундесвер и расширять влияние НАТО²⁵. В том же духе проходили дебаты по вопросам внешней политики в бундестаге, когда фракция ХДС/ХСС потребовала разрыва отношений с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Депутаты, выступавшие от фракции ХДС/ХСС, призывали «свободный Запад» показать, что и у него имеются «внутренние силы»²⁶. Поводом для таких заявлений послужил факт ввода советских войск в Афганистан, что, конечно же, не способствовало укреплению мира и безопасности. Но правых деятелей из ХДС/ХСС волновала не судьба афганского народа, что, собственно говоря, и должно было быть на первом месте.

Для них важнее было использовать предоставленную в связи с этими событиями возможность, чтобы заявить о своих политических амбициях.

В том же духе проходил очередной съезд ХДС в мае 1980 г. в Западном Берлине. Принятая съездом предвыборная программа получила достаточно точное название «программы по Штраусу». К этому времени умеренные деятели из ХДС капитулировали перед кандидатом в канцлеры, предоставив ему всю полноту свободы действий. Некоторые политологи усматривали в этом определенный тактический ход: набиравшая в стране силу антиштраусовская кампания была способна нанести чувствительный удар по баварскому политику и его правому курсу, что позволило бы тем же «умеренным» отодвинуть Ф. И. Штрауса после выборов на задний план. Предвыборная программа ужесточала постановку внешнеполитических целей союза. Предстоящие 80-е годы, говорилось в этой программе, станут годами «борьбы за энергоресурсы», причем главную опасность ее авторы видели в СССР, который, по их мнению, «стремится захватить государства, обладающие сырьем».

Постоянные и назойливые запутывания избирателей военной опасностью обернулись не их сплочением вокруг кандидатуры канцлеры от ХДС/ХСС, а движением «Остановить Штрауса!». Широкий размах этого движения объясняется еще и тем, что антиштраусовская кампания слилась с антивоенными выступлениями общественности против НАТО в связи с готовящимся размещением американских ядерных ракет на территории ФРГ. Даже самому Ф. И. Штраусу вскоре пришлось признать существование «народного фронта» против его кандидатуры. Все попытки представить Штрауса «миротворцем» провалились. 5 октября 1980 г. на выборах в бундестаг ХДС/ХСС потерпели сокрушительное поражение — результаты выборов оказались едва ли не наихудшими за всю историю ФРГ. Канцлером вновь стал Г. Шмидт, который заявил, что коалиция СДПГ — СвДП будет проводить внешнеполитический курс, направленный на восстановление и развитие политики разрядки международной напряженности. Но этого, как известно, не произошло, да и вряд ли могло произойти в ситуации, когда от самой идеи разрядки фактически отказались руководители сверхдержав.

После поражения на выборах ХДС поспешила заявить о своей готовности к переменам в области внешней политики. Премьер-министр земли Баден-Вюртемберг Л. Шпет сказал: «Необходимо, чтобы наша восточная политика не сводилась к одному слову «нет». Он же в обширном интервью журналу «Штерн» заявил, что руководство ХДС должно задуматься над многими политическими вопросами по-новому; один из главных таких вопросов — это внеш-

ния политика, где как правительство, так и союз должны вести переговоры с государствами восточного блока как само собою разумеющееся²⁷. В ХДС была создана «группа реформаторов», перед которой была поставлена задача вывести партию из «положения вне игры». Аналитики, в частности Г. Витткемпер, отмечали, что союз не учитывает глубоких перемен в западногерманском обществе, в котором идеи разрядки и сотрудничества укоренились в сознании населения. Это суждение Витткемпера отражало реальное положение. Известный французский политолог А. Гроссер подчеркивал, что к тому моменту ХДС располагала всем необходимым для «обновления»: главное, к руководству партией пришли политики, способные к пересмотру внешнеполитических концепций, приблизив их содержание к правительенным установкам²⁸.

Казалось, что христианские демократы находятся в преддверии больших перемен. Оставалось только начать движение. Но куда? Международная обстановка отнюдь не способствовала ревизии внешнеполитических концепций. Конфронтация между СССР и США, странами Варшавского Договора и НАТО, пледстоящее размещение американских ракет в Западной Европе, региональные конфликты в мире — все это фактически снимало постановку вопроса о кардинальных переменах в содержании внешнеполитических доктрин. Более того, приход к власти консервативных сил в Европе и США оказал влияние и на христианские партии в ФРГ. Ф. И. Штраус, несмотря на поражение, был по-прежнему активен, когда дело касалось внешней политики.

В этих условиях ХДС занялся разработкой своей концепции социальной политики. В 1981 г. было проведено два съезда партии, что само по себе было явлением примечательным. На фоне ухудшения социально-политической ситуации в стране, роста недовольства внутренней политикой правительства ХДС предложил собственные программы по жилищной, коммунальной, молодежной и рабочей политике. Все это сделано было умело и своевременно, во многом благодаря Х. Гайслеру, Н. Блюму и другим умеренным политикам. Эти усилия позволили ХДС приобрести столь долгожданный «социально-либеральный профиль», благодаря чему и состоялось сближение с социальной политикой СвДП. К этому следует добавить, что разногласия между христианскими демократами и либералами в области внешней политики в тот момент были незначительными. В силу данной причины распад прежней коалиции и переход СвДП на сторону ХДС/ХСС не стал громкой сенсацией в политической жизни ФРГ. Этот переход позволил правым партиям без выборов прийти к власти: 1 октября 1982 г. после голосования в бундестаге канцлером ФРГ стал председатель ХДС Г. Коль.

С каким внешнеполитическим багажом ХДС/ХСС пришли к власти? Союз подтвердил свою приверженность принципам внешней политики: «атлантизму», солидарности с США, решению германской проблемы. Новому правительству пришлось взять на себя реализацию решения НАТО: «довооружение», как заявило руководство ХДС/ХСС, должно «уравновесить» силы между Западом и Востоком, а ФРГ в силу «атлантической солидарности» следует пойти на размещение американских ракет средней дальности. По данному вопросу разногласий между партиями в бундестаге по существу не было. Сложнее обстояло дело с проблемой взаимоотношений с внепарламентской оппозицией, мощно заявившей о себе антивоенными выступлениями.

Руководство ХДС/ХСС было обеспокоено ростом антивоенных настроений среди верующих. Церковь, прежде всего евангелическая, приняла самое активное участие в акциях протesta против планов НАТО. Между тем внешнеполитические концепции ХДС/ХСС исключали «движение за мир» как форму политических действий. Г. Коль говорил, что «сейчас нет мира без оружия, эта прекрасная мечта страдает смертельной иллюзией»²⁹. Однако одних заявлений канцлера было недостаточно. Чтобы сохранить влияние на рядовых демохристиан, ХДС летом 1982 г. применил новую тактику. Партийная печать стала публиковать призывы к «истинным сторонникам мира», надеясь таким образом организовать собственные демонстрации. Однако попытка расколоть движение за мир мало что дала консерваторам. Вплоть до начала размещения ядерных ракет страну сотрясали мощные демонстрации протesta. Но они не смогли изменить решения правительства.

Возвращение ХДС/ХСС к власти общественностью ФРГ (по крайней мере представителями «левых сил») рассматривалось как «сдвиг вправо». Руководство германской компартии отмечало, что поворот вправо был неизбежен, но консервативно-либеральная коалиция вынуждена будет действовать, учитывая перемены, которые произошли на международной арене и в самой ФРГ³⁰. Такой «маятниковый» подход, оценивающий развитие страны как сдвиг «вправо» или «влево», сильно упрощает действительное положение и во многом является данью традициям марксистской историографии. Придя к власти, ХДС/ХСС намерены были проводить внешнюю политику в соответствии со своими концепциями. Г. Коль на съезде партии в 1983 г. заявил: «Мы выступаем против такой политики по отношению к восточным соседям, которая проводилась за счет нашей дружбы в союзе (НАТО — Б. П.) и за которую следовало платить нашей солидарностью в ЕЭС. Это отличает нас от иллюзорной политики безопасности СДПГ»³¹.

Руководство ХДС/ХСС проявило твердость на заключительной стадии решения вопроса об американских ракетах, придерживаясь «нулевого варианта», т. е. выступало за одновременную ликвидацию как американских, так и советских ракет средней и малой дальности. Это в конечном счете и совершилось. Непоследовательность СДПГ в этом вопросе не пошла ей на пользу — партия потерпела чувствительное поражение на досрочных выборах в бундестаг в марте 1983 г., выступив в полосу длительного внутреннего кризиса. В глазах многих избирателей именно консерваторы представили тогда «гарантами внешнеполитической и внутренней стабильности»³². При этом, конечно, необходимо учитывать «фактор Геншера». Ганс-Дитрих Геншер — председатель СвДП с 1974 по 1985 г. — в кабинете Г. Коля занял привычное для себя место вице-канцлера и министра иностранных дел, на которое, как известно, давно метил Ф. И. Штраус (в мае 1993 г. Геншер ушел в отставку). Не будучи консерватором, Геншер внес гибкость, умение приспосабливаться к обстоятельствам при проведении внешнеполитического курса ФРГ, не ставя при этом под сомнение ни союз с США, ни военные доктрины НАТО. Искусный тактик в политике и дипломат, он сумел придать «восточной политике» ФРГ респектабельность, выдержав массированные атаки со стороны крайне правых, реваншистских сил в 1984—1985 гг. Однако остается вопрос о внешнеполитическом кредо самого блока ХДС/ХСС.

Насколько внешнеполитические концепции ХДС/ХСС можно считать «реваншистскими»? Реваншизм, как общественное явление, в ФРГ существовал в прошлом и существует сейчас³³. Так, в 1984 г. состоялось более 150 различных мероприятий, организованных землячествами и крайне правыми политическими группировками с участием лидеров ХДС/ХСС, канцлера, тогдашнего президента ФРГ К. Карстенса. Известный немецкий журналист и антифашист Г. Херде указывал на связь милитаризма и фашизма. По его мнению, размещение американских ракет на территории ФРГ способствовало оживлению деятельности реваншистских землячеств, выдвижению притязаний на территории восточноевропейских стран, так как ракеты укрепляли дух реваншизма³⁴. Если Херде ограничивался анализом деятельности «землячеств» и их связей с политиками из ХДС/ХСС, то Н. В. Павлов в монографии о внешней политике ФРГ в 80-е годы напрямую отождествляет консерваторов с «реваншистскими партиями», для которых «война продолжает оставаться законным средством проведения политики»³⁵. В действительности руководство ХДС/ХСС в программных документах и официальных заявлениях проводило грань между германским вопросом и амбициями крайне правых, которые находились в рядах «республиканцев» и НДП. В этой связи отметим, что не следует

преувеличивать влияние и роль правых радикалов: в конце 1982 г. в ФРГ насчитывалось 74 правоэкстремистских организаций с общей численностью в 19 тыс. членов, причем в НДП было всего 6 тыс. (в конце 60-х годов в этой партии было более 20 тыс. членов)³⁶. Естественно, составным элементом неоконсервативной идеологии является национализм, но определить, насколько последний влияет на внешнюю политику ФРГ, можно лишь при взвешенном подходе к решению данной проблемы.

К середине 80-х годов внешнеполитическая активность ФРГ заметно возрастает. Политическая стабильность и благоприятная экономическая конъюнктура в самой стране позволяли сосредоточить усилия на решении внешнеполитических проблем. Этому способствовали и позитивные сдвиги в отношениях между Востоком и Западом. Начавшийся процесс ликвидации ядерного оружия в какой-то степени уравнивал шансы Западной Германии с другими партнерами по НАТО. Следует также учитывать и интеграционные процессы в Западной Европе, в которой ФРГ занимает доминирующее положение. В самих консервативных партиях крепнет убеждение в том, что ФРГ должна, наконец, взять на себя решение крупных международных задач и разделить в этом ответственность с другими индустриально развитыми странами. Уход с ответственных постов некоторых крайне правых политиков позволил руководству союза предстать перед собственной и мировой общественностью взвешенным и предсказуемым в своих действиях.

Консервативные партии ФРГ в рассматриваемый период (это необходимо иметь в виду) совершили определенную эволюцию от доктрины К. Аденауэра до сегодняшней политики. На первый взгляд, содержание этой эволюции малозаметно. Но суть консерватизма состоит не в отказе от наследия прошлого, а в приспособлении к тем переменам, которые происходят в мире. Даже признав во второй половине 70-х годов «восточные договоры», ХДС/ХСС не отказались от решения «германского вопроса», сформулированного еще Аденауэром, и, когда рухнул коммунистический режим в ГДР, взяли на себя ответственность за объединение страны. Вместе с тем, как потом не раз на этот счет высказывался Г. Коль, ХДС/ХСС оказались не готовы к столь стремительным переменам в Европе. Это вполне объяснимо. Прежние концепции союза, порожденные «холодной войной» и рассчитанные на период существования двух противоположных систем и военных блоков, изменились в зависимости от соотношения сил в мире. Сейчас этот период закончился. Учитывая один из принципов консерватизма — приоритет внешней политики и безопасности перед внутренней политикой, — а также вполне определенную зависимость ФРГ от искусственной внешней политики, следует ожидать, что руковод-

ство ХДС/ХСС в новых условиях не станет повторять ошибок прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: работы Л. Истигина, И. Кремера, Н. Павлова, С. Сокольского и А. Френкина.

² И с т я г и н Л. Г. Общественно-политическая борьба в ФРГ по вопросам мира и безопасности (1949—1987 гг.). М., 1988. С. 6.

³ Pfeiffer W. Deutschlandpolitische Optionen. *Forschungsberichte des Sowjetunion*. Melie, 1987. S. 88.

⁴ П а в л о в Н. В. Внешняя политика ФРГ: Концепции и реалии 80-х годов. М., 1989. С. 87.

⁵ H a c k e G. Die Ost- und Deutschlandpolitik der CDU/CSU: Wege und Irrwege der Opposition seit 1969. Köln, 1975. S. 76.

⁶ Marxistische Blätter. 1977. Н. 1. С. 1—2.

⁷ P r i d h a m G. Christian democracy in Western Germany. The CDU/CSU in government and opposition, 1945—1976. N. Y., 1977. Р. 207.

⁸ См.: Г у р ы я н о в а Г. А. Нормализация отношений между ГДР и ФРГ и позиция ХДС/ХСС // ЕГИ. 1980. М., 1981. С. 123.

⁹ B a r z e l R. Geschichten aus Politik: Personliches aus meinem Archiv. F. am Main. 1987. S. 154—155.

¹⁰ E n g e l m a n n B. Das neue Schwarzbuch: F.-J. Strauss. Köln, 1980. S. 177.

¹¹ Politische Meinung. 1977. Н. 174. S. 65.

¹² Ibid. S. 67—68.

¹³ См.: Ш т р а у с Ф. Й. Воспоминания. Пер. с нем. М., 1991.

¹⁴ P r i d h a m G. Op. cit. Р. 285.

¹⁵ См.: Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1979.

¹⁶ Bulletin. 1989. № 31. 6 April.

¹⁷ Ergebnisse des sicherheitspolitischen Forums der CDU in Kiel am 13/14 Januar 1978. Stuttgart, 1978. S. 33—34.

¹⁸ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 24. 2. 1978.

¹⁹ См.: Ш м и дт М. ФРГ в современном мире // МЭМО. 1982. № 4. С. 48.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Der Spiegel. 1979. № 3. S. 20.

²² О характере взаимоотношений Ф. Й. Штрауса и руководства ХДС см.: П е т е л и и Б. В. Христианско-демократический союз ФРГ и Франц-Йозеф Штраус в освещении периодической печати // Вопросы историографии германской истории в новейшее время. Вологда, 1982. С. 134—144.

²³ Н о в а к Э. К. Штраусовский вариант внешней политики ФРГ. Варшава, 1978. См.: рец. В. П. Кузнецова // РЖ. История. Общественные науки за рубежом. 1980. № 2. С. 74—77.

²⁴ Ф р е н к и н А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? М., 1990. С. 152—153.

²⁵ Deutsches Monatsblatt. 1980. № 1. S. 1.

²⁶ Ibid. 1980. № 2. S. 1—4.

²⁷ Stern. 1980. № 44. S. 242—243.

²⁸ G r o s s e r A. Erneuert die CDU? // Vorwärts. 9. 10. 1980.

²⁹ Unsere Zeit. 10. 3. 1981.

³⁰ М и с Г. Поворот вправо? После 13 лет пребывания СДПГ в правительстве: итоги и перспективы. М., 1983. С. 3.

³¹ A d a m o H. CDU/CSU: gestern und heute. F. am Main. 1983. S. 39.

³² Europa — Archiv. 1983. № 6. S. 157—164.

³³ См.: Реваншизм: идеология, практика. М., 1985. С. 7—25.

³⁴ H e r d e G. Revanchismus in der Bundesrepublik: Kein Thema mehr? Blätter für deutsche und internationale Politik. 1984. № 8. S. 912—928.

³⁵ П а в л о в Н. В. Указ. соч. С. 53—54.

³⁶ Rechtsextremismus in der Bundesrepublik. F. am Main. 1984. S. 290.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Die Fünff Artickel
des größte Streits
zwischen uns
und der Welt

Пять статей
величайшего спора
между нами
и миром*

* Публикация подготовлена в рамках проекта «Хуттеровское вероисповедание и его истоки», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом в 1994 г. (грант № 94-06-18801-а).

Вступительная статья М. В. Васильевой.

*Перевод с раннего нововерхненемецкого и примечания
М. В. Васильевой и В. Н. Павлова.*

«ПЯТЬ СТАТЕЙ» — ПАМЯТНИК ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ХУТТЕРОВСКИХ БРАТЬЕВ СЕРЕДИНЫ XVI в.

Анонимные «Пять статей»¹ являются одним из ведущих вероисповедных документов хуттеровских братьев — представителей религиозного течения анабаптистского толка, возникшего на территории Моравии во второй четверти XVI в.

Относительно времени появления и авторства этого документа существуют различные точки зрения. Так, Л. Мюллер склонна была считать автором первого варианта «Пяти статей» видного анабаптистского идеолога Ханса Денка, а вероятным временем его написания — 1526 г.² В отличие от нее, большинство исследователей связывает появление публикуемого документа с именем Петера Вальпotta (1521—1578), ведущего духовного лидера хуттеровского братства периода его расцвета (П. Вальпот стоял во главе братства на протяжении 1565—1578 гг.).³ Известный специалист в области источниковедения истории анабаптизма Р. Фридман в качестве исходного пункта истории возникновения «Пяти статей» указал на события 1545 г., когда в связи с присоединением к хуттеровцам группы габриэльских братьев (представителей одного из ответвлений «моравского» анабаптизма, названного по имени своего основоположника Габриэля Ашерхама) возникла насущная необходимость обоснования наиболее спорных положений хуттеровского учения⁴. Результаты состоявшихся в это время переговоров, с точки зрения Р. Фридмана, и легли в основу «Пяти статей», появление которых датируется им 1547 г. (что соответствует датировке, данной в «Старейшей хронике хуттеровских братьев»).⁵ По мнению Р. Фридмана, этот документ является результатом коллективной работы ряда хуттеровских духовных лидеров середины XVI в. (при этом ведущая роль в его составлении отводится П. Вальпотову).⁶ В пользу более позднего времени появления «Пяти статей», на наш взгляд, во многом говорит само содержание этого документа. В нем, к примеру, много внимания уделяется обоснованию принципа общности имущества, что представляется более соответствующим той ситуации, которая сложилась в моравских хуттеровских общинах к середине XVI в., когда общность имущества в них уже была реализована на практике.

«Пять статей» по значимости хуттеровские братья ставили рядом с ведущим сводом основоположений своего вероучения — «Отчетом о нашей религии, учении и вере» Петера Ридемана.⁷ Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что желающим при-

соединиться к ним хуттеровские братья предлагали ознакомиться в первую очередь именно с этими двумя документами (примером тому может служить вступление в общину в 1654 г. Даниэля Цвиккера)⁸. Вместе с тем следует отметить, что, в отличие от упомянутого «Отчета» П. Ридемана, «Пять статей» не являются сводом основоположений вероисповедания хуттеровских братьев в целом (не случайно при включении этого документа в хуттеровскую хронику делается оговорка: «Однако полное обоснование нашей религии, учения и веры, а также этих статей дано в нашем напечатанном Отчете»)⁹. В публикуемых статьях рассматриваются лишь те аспекты вероучения хуттеровцев, которые, как это подчеркнуто в самом документе, легли в основу их противостояния «миру» и стали причиной обрушившихся на них репрессий.¹⁰ «Пять статей», таким образом, являются собой своеобразный «взгляд изнутри» (с точки зрения самих братьев) на суть их разногласий с противниками проповедуемого ими учения и соответствующего ему образа жизни, что для исследователей, на наш взгляд, должно представлять особый интерес. Авторы публикуемого документа связывают эти разногласия с присущей им особой позицией по вопросам о крещении, причащении, об общности имущества, о возможности применения насилия и об отношении к властям, о разводе между верующими и неверующими. Как видим, их внимание сосредотачивается на тех вероисповедных принципах, которые составляют специфику хуттеровского братства. Стремление обосновать эти принципы ссылками на основной христианский авторитет — Библию (что в период Реформации приобретает особую актуальность) и таким образом оправдать их перед «миром» го многом определило структуру документа: при рассмотрении каждой из пяти статей сначала приводятся цитаты из Священного писания или опосредованное изложение соответствующих библейских сюжетов, после чего следует их краткое толкование. Подавляющее большинство ссылок делается на Новый завет, хотя в ряде случаев активно используются и ветхозаветные тексты.

Первая статья документа посвящена проблеме крещения младенцев¹¹. Этот вопрос не случайно поднимается в первую очередь. Для представителей иных конфессий отрицание необходимости крещения детей, проповедуемое хуттеровскими братьями, как, впрочем, и всеми остальными анабаптистами, стало наиболее язвительным отличительным признаком последних. При этом данное положение вероучения анабаптистов вызывало негативную реакцию со стороны их противников, так как, во-первых, крещение в сознательном возрасте подразумевало свободу выбора вероисповедания и, следовательно, возможность противостояния официальной церкви; во-вторых, согласно католической традиции, умерший некрещеным младенец ста-

новился добычей дьявола. В качестве главного аргумента против крещения детей в «Пяти статьях» выдвигается утверждение, что крещение должно следовать за сознательным обращением человека в истинную веру (которое невозможно в младенческом возрасте), а не предшествовать ему. Сам акт «водного» крещения является при этом только внешним знаком свершившегося прихода веры и следующего за ним осознанного вступления в «истинно святую» церковь. Отрицание необходимости крещения в детском возрасте также аргументировалось тем, что оно не было принято в раннехристианских общинах, преемниками которых считали себя хуттеровские братья, и сам Христос, являющийся образцом для подражания, был крещен будучи взрослым. Детей же, которые не в состоянии понять, что такое вера, с точки зрения авторов «Пяти статей», Бог прощает и принимает, даже если они умерли некрещеными (при этом акт крещения никоим образом не мог способствовать их спасению, так как без веры, с точки зрения хуттеровских братьев, он не имеет никакого значения).

Во второй статье речь идет о сущности причащения¹². В этом вопросе хуттеровцы занимают позицию, во многом близкую к цвинглианской. Для них хлеб и вино, вкушаемые во время причащения, не являются телом и кровью Христа. В словах Христа о вине и хлебе, сказанных им во время Тайной вечери, они видят только метафору. Причащение в «Пяти статьях» — не таинство, а «вспоминание о жертве Христа», символ единения общин истинно верующих. Каждый, кто принимает в нем участие, признает тем самым, что он — член этой общины, которая и есть тело Христа. Отстаивая свою позицию по вопросу о причащении, как и в случае с крещением, авторы «Пяти статей» прибегают к рационалистической аргументации.

Отстаиваемая в третьей статье позиция хуттеровских братьев о необходимости проведения в жизнь в рамках общин истинно верующих принципа общности имуществ¹³ является, пожалуй, наиболее своеобразным пунктом их учения (именно этим они в первую очередь отличались от представителей большинства других течений анабаптистского толка). Обосновывая необходимость введения общности имуществ, авторы «Пяти статей» ссылаются на пример раннехристианских общин и самого Христа, на завет любви к ближнему, на подобие общины тelu, все члены которого должны быть едины как в вечных (духовных), так и в преходящих (материальных) ценностях. Мистические мотивы явственно прослеживаются в рассуждениях о том, что стать «нищим духом» (а это необходимо для достижения отрешенности, свободы, покоя и совершенства) может только тот, кто откажется от всего земного, включая имущество. Именно благодаря обобществлению имуществ,

осуществляемому в общинах «божественных избраников», можно было, отказываясь от собственности, не впасть при этом в реальную нищету, на которую в таком случае был бы обречен человек в миру. О важности, которая придавалась хуттеровцами осуществлению принципа общности имуществ, и о том, что именно этот пункт хуттеровского учения подвергался многочисленным нападкам со стороны их противников и был наиболее уязвим, свидетельствует то, что в «Пяти статьях» ему уделяется особенно много внимания (около 1/4 части документа посвящено этой проблеме). Желание иметь веские основания для подтверждения и оправдания учения об общности имуществ приводило к тому, что некоторые места из текста Священного писания (из-за отсутствия других, более подходящих) привлекались для аргументации данного положения с определенными натяжками. Интересно, что развернутое теологическое обоснование данного аспекта хуттеровского вероучения появилось в период, когда введение общности имуществ в хуттеровских общинах было уже свершившимся фактом. Это является подтверждением того, что оно было обусловлено не только религиозными мотивами, но и социально-экономическими факторами¹⁴.

В четвертой статье документа рассматриваются вопросы об отношении к войне и насилию как таковому, о возможности участия истинно верующих в деятельности государственных органов и об их отношениях со светскими властями в целом¹⁵. В рассуждениях на эту тему отчетливо просматривается учение о двух царствах: христианском, где правит слово Божье, и светском, где правит меч. И то, и другое установлено Богом со своей строго определенной целью. Воплощением первого царства, как стремятся показать авторы «Пяти статей», является хуттеровское братство — святая церковь и тело Христово. Это сообщество святых: здесь господствует любовь, а грех и насилие отсутствуют. Полная противоположность христианскому, с точки зрения хуттеровцев, — царство светское. В силу того, что в последнем преобладают грешники, необходимо, чтобы кто-то держал их в узде. Эта функция возложена Богом на представителей светской власти, которые обладают правом вершить суд над нечестивыми и в случае необходимости прибегать к насилию («право меча»). При этом, так как светская власть — божественное установление, ей следует подчиняться в том, что не «идет против Бога и против совести». Однако истинно верующие (как представители христианского царства) ни в коем случае не должны были с этой властью сотрудничать. Отсюда — аполитичная ориентация учения хуттеровских братьев, их отказ занимать светские должности и т. п. Такая позиция по отношению к светским властям в сочетании с отказом хуттеровцев участвовать в военных действиях и платить налоги, связанные с войной, зачастую вызывала серьезное

недовольство со стороны власть имущих и принятие ими соответствующих мер, поэтому вопрос об отношении со светскими властями долгое время оставался для хуттеровских братьев одним из самых злободневных.

В связи с тем, что противники хуттеровских братьев часто обвиняли их в разрушении семьи¹⁶, в «Пяти статьях» также поднимается вопрос о возможности расторжения брака¹⁷. Эта проблема не была надумана. Из-за преследований со стороны властей приверженцы хуттеровского учения зачастую вынуждены были менять места своего проживания, в результате чего достаточно распространенным явлением являлась ситуация, когда супруги, один из которых был «истинно верующим», а другой — нет, должны были решать: обязан ли «верующий» отказаться от своих взглядов и остаться в семье, или «неверующий» должен последовать за ним. Из этого, вполне естественно, следовал вопрос: может ли «истинно верующий» пренебречь семейными обязанностями и расторгнуть брачные узы в том случае, если «неверующая половина» отказывается за ним следовать и становится для него препятствием в делах веры. В тексте публикуемого документа мы находим на него следующий ответ: «верующий» не только может, но и должен это сделать. Вместе с тем в том случае, если «неверующий» супруг (или супруга) пожелает остаться при «истинно верющем», то он (или она) может это сделать, но при условии, что при этом «верующий» будет иметь возможность жить и воспитывать детей в соответствии со своими убеждениями.

Итак, содержание публикуемого документа свидетельствует о том, что «величайший спор» между хуттеровскими братьями и «миром» выходил далеко за рамки чисто теологических проблем. Помимо разъяснения отношения хуттеровских братьев к важнейшим христианским таинствам, в «Пяти статьях» дается соответствующее духу времени теоретическое обоснование особой позиции, занимаемой приверженцами хуттеровского учения по ряду важных общественно-политических и социально-экономических вопросов.

«Пять статей» по праву заняли видное место как во внутриобщинной жизни хуттеровских братьев, так и в их миссионерской деятельности. Основные идеи этого документа позднее были развиты и детально обоснованы в так называемой «Большой статейной книге»¹⁸, различные варианты которой имели широкое хождение внутри братства и пользовались большой популярностью среди его членов.

Перевод публикуемого документа с раннего нововерхненемецкого выполнен по изданию: Die älteste Chronik der Hutterischen Brüder / Hsg. von A. J. F. Zieglschmid. Ithaca, New York, 1943. S. 269—316.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В научной литературе этот документ часто фигурирует под более широким названием — «Пять статей величайшего спора между нами и миром», закрепившимся за ним по первым строкам текста, вошедшего в «Старейшую хронику хуттеровских братьев».

² Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter. Tl. 1. / Hrsg. von L. M ü l e r. Leipzig, 1938. S. 236—237 (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte. Bd. XX.)

³ О нем см.: G r o s s L. The Golden Years of the Hutterites: The Witness and Thought of the Communal Moravian Anabaptists During the Walpot Era 1565—1578. Scottsdale (Pa.); Kitchener (Ont.), 1980.

⁴ Die Älteste Chronik der Hutterischen Brüder / Hrsg. von A. J. F. Z i e g l s c h m i d. Ithaca, New York, 1943. S. 252 ff.

⁵ Ibid. S. 269.

⁶ Friedmann R. Die Schriften der Hutterischen Täufergemeinschaften: Gesamtkatalog ihrer Manuskriptbücher, ihrer Schreiber und ihrer Literatur, 1529—1667. Wien, 1965. S. 112, 129, 132, 143.

⁷ См. вошедшую в данный сборник статью: Васильева М. В. Хуттеровское вероисповедание по «Отчету о нашей реligии, учении и вере» Петера Ридемана.

⁸ Beck J. Die Geschichtsbücher der Wiedertäufer in Österreich-Ungarn // Fontes Rerum Austriacarum. Bd. 43. Wien, 1883. S. 487.

⁹ Die Älteste Chronik... S. 316.

¹⁰ Ibid. S. 269.

¹¹ Ibid. S. 270—276.

¹² Ibid. S. 277—285.

¹³ Ibid. S. 285—296.

¹⁴ См., например: P l ü m p e r H.-D. Die Gütergemeinschaft bei den Täufern des 16. Jahrhunderts. Göppingen, 1972. S. 129—158.

¹⁵ Die Älteste Chronik... S. 296—308.

¹⁶ См., например: F i s c h e r Ch. A. Vierundfunftzig Erhebliche Vrsachen/ Warumb die Widertauffer nicht sein im Land zu leyden. Ingolstadt, 1600. S. 33.

¹⁷ Die Älteste Chronik... S. 308—316.

¹⁸ См.: Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter. Tl. 2. / Hrsg. von R. Friedmann. Gütersloh, 1967. S. 59 ff. (Quellen zur Geschichte der Täufer. Bd. 12.)

Намь статей

величайшего спора между нами* и миром**, из-за которых погибли все те из нашей общины, кого казнили огнем, водою или мечом. От тех же статей и в наше время идет все мучение, гонение, тюрьма и смерть благочестивых, а именно: о крещении, о вечере Христовой, об общности, о власти, о разводе между верующими и неверующими.

С этими главными статьями накрепко связаны события и истории в этой нашей хронике***. Мы представили их здесь так, как они были ясно обоснованы в Священном писании, и что эта вера не сорокалетней давности и не выдумана или не вышла через какого-то

* Повествование ведется от имени членов хуттеровского братства.

** В тексте оригинала в качестве заголовка выделены только первые два слова — «Пять статей».

*** Имеется в виду хуттеровская хроника, опубликованная в оригинальной форме в 1943 г. А. И. Фридрихом Цигльшицом под названием «Старейшая хроника хуттеровских братьев».

человека, Якоба Хуттера* или кого другого, а установлена Иисусом Христом, Господом нашим и спасителем, и его святыми апостолами, их учением, Евангелием и посланиями, в которых таковое ясно сказано. Во-первых:

Об истинном христианском крещении и почему крещение детей против неад

Матф. 28.

Христос говорит: мне дана вся власть на небе и на земле, поэтому идите и учите все народы и крестите их во имя Отца, Сына и Святого Духа. Уча их, соблюдайте все, что Я вам повелел.** Он велит прежде учить, потом крестить. Поэтому они должны прежде быть научены и уверовать, после этого будут крещены те, которые учение охотно принимают, сами пожелав, сами узнав, сами уверовав и сами исповедуя. Иначе это не в счет.

Марк. 16.

Идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всей твари. Кто уверует и будет крещен, тот будет спасен, но кто не уверует, тот будет проклят. Тут снова стоит: во-первых, следует проповедовать; затем веровать; в-третьих, крестить тех, кто верует. Дети не могут веровать, они не знают о Боге, о Христе, о Евангелии, о страданиях и смерти Иисуса Христа. Поэтому не надо их крестить в детстве, Бог не требует от них веры, пока они дети, подобно этому и крещения.

Матф. 3, Марк. 1, Лук. 3.

Иоанн Креститель тоже проповедует прежде покаяние и исправление. Тех, кого он на это подвиг, он крестит и дает крещение рас-

* Я. Хуттер — один из известных анабаптистских лидеров первой половины XVI в., сыгравший выдающуюся роль в сплочении и организационном укреплении анабаптистских общин в Моравии. С его именем связано происхождение названия «хуттеровские» братья. Казнен по приказу властей в 1536 г. в Инсбруке.

** Цитаты из Священного писания и ссылки на него даются в том виде, как они представлены в тексте оригинала публикуемого документа. При этом частично сохранена пунктуация оригинала (главным образом при оформлении цитат и прямой речи). Характер написания географических названий и имен собственных соответствует русскому синодальному переводу Библии.

каяния, чтобы уверовали в Того, Кто придет после него. А дети все это не могут. Поэтому Иоанн детей и не крестил.

Матф. 3, Марк. 1, Лук. 3.

Сам Христос, пример всем нам, был крещен только тогда, когда было Ему тридцать лет, и пожелал начать Свое служение. И пример вто нам, что мы тоже должны принять крещение только тогда, когда мы приходим к добруму разумению и можем исполнять божественную волю.

Матф. 16.

Христос говорит: если кто хочет Мне следовать, пусть отречется от себя самого, и примет на себя свой крест, и следует Мне. Дети при детском крещении сами не желают, они также не могут отречься от самих себя, хотя и должны. Поэтому крещение детей во всем наперекор Христу.

Лук. 14.

Кто из вас, пожелав построить башню или затеять войну, не сядет прежде и не подсчитает издержки? Так и тот, кто себя хочет отдать Богу в крещении, должен быть в состоянии подсчитать плату за вто.

Лук. 24.

Так надлежало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых на третий день, и должно было быть объявлено во имя Его покаяние и прощение грехов среди всех народов. Видишь, тут Он указует только учение и покаяние, не чтобы крещение было изъято, а чтобы учение и покаяние шло впереди, а крещение следовало за этим.

Деян. 2.

Апостол Петр проповедует народу, и пронзается сердце народа: и вопрошают: возлюбленные братья, что нам делать? Петр сказал: покайтесь и да креститесь каждый во имя Иисуса Христа к прощению грехов. Итак, следует, чтобы прежде могли спросить о воле Божией и прежде покаяться, а потом получить крещение. Охотно принявшие его слова крестились и были присоединены к общине, так говорит он.

Деян. 8.

Апостол Филипп проповедовал в Самарии. Когда они поверили проповеди Филиппа о Царствии Божием и об имени Иисуса Христа, были крещены мужчины и женщины. Не стоит: дети, ибо это не детское дело.

Деян. 8.

Филипп проповедовал евнуху и вельможе царицы Кандакии из страны мавров прежде всего Евангелие Иисуса. И когда он возжал крещения, сказал ему апостол: если ты веруешь от всего сердца, то можно. Словно он хотел сказать: если ты не веруешь или не понимаешь, то это нельзя. Итак, когда крещение должно совершиться, его надобно захотеть, иначе оно не действительно.

Деян. 10.

Петр проповедовал дому Корнилия Божие слово, и что они должны делать. И тут сошел Святой Дух на всех, внимавших слову, и заговорили языками, и возвеличивали Бога. Тогда Петр повел их крестить. Дети не могут говорить языками или возвеличивать Бога, потому не были крещены.

Деян. 16.

Набожная женщина по имени Лидия, торговка багряницею^{**} из города Фиатир, слушала слово Павла, и Господь отверз ей сердце, чтобы она внимала тому, что было сказано Павлом. И была она и весь дом ее крещены. Отсюда следует то же: во-первых, учить; из чего верить; в-третьих, крестить. А кто в ее доме был крещен, те так же, как она, прежде слово слушали, внимали и в вере его воспринимали.

Деян. 16.

Тюремщик пал к ногам Павла и Силы и сказал: любезные государи, что мне делать, чтобы обрести спасение? Они сказали: веруй в Господа Иисуса, тогда будешь спасен ты и твой дом, и поведали слово Господа ему и всем, бывшим в его доме. И он в тот же час велел крестить себя и домашних своих и возврадовался со всеми своими домочадцами, что он уверовал в Бога. Дети плачут и не могут радоваться тому, что они уверовали в Бога. Но если они сделают это, как тот тюремщик и его домочадцы, то можно их крестить.

* В тексте Библии фигурирует Эфиопия.
Багряница — багряная (пурпуровая) ткань.

Деян. 19.

Двенадцать учеников Иоанна из Ефеса, которые были крещены только во Иоанново крещение, снова были крещены во имя Господа Иисуса, ибо они не приняли Святого Духа и не слышали, есть ли Дух Святой. Если не достаточно иметь только Иоанново крещение, детское крещение не значит ничего. Дети о Святом Духе знают еще намного меньше и не слышали, есть ли Он.

Рим. 6.

Павел говорит: разве вы не знаете, что все мы, крестившиеся в Иисусе Христе, крестились в Его смерть. Итак, мы с Ним через крещение в смерть погребены, дабы подобно тому, как Христос воскрес из мертвых величием Отца, так и мы должны пребывать в новой жизни. Если дети понимают этот смысл крещения и знают его, то их можно крестить. Если нет, то это значит исказить и опорочить истинное крещение.

Рим. 6.

Предайте сами себя Богу (смотри: сами) как оживших из мертвых и ваши члены сделайте орудиями справедливости. Дети не могут сами предать себя Богу. Если же другие вместо них предают их Богу, то это ничего не значит.

Рим. 14.

Каждый за себя сам должен давать отчет Богу, говорит Павел. Поэтому в крещении каждый должен тоже сам себя отдавать и позволять это.

1 Кор. 1.

Среди домочадцев Стефана, которые были крещены, также не были крещены дети. Ибо Павел говорит, что домочадцы Стефана сами себя предназначили ко служению святым. Если это делают дети в колыбелях, то давайте их крестить.

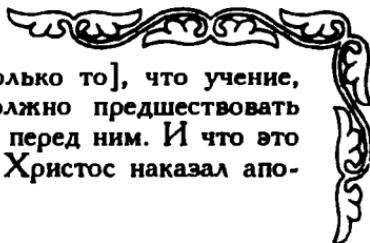
1 Кор. 1.

Павел говорит: Христос послал меня не крестить, а проповедовать Евангелие.^{**} Далее: я породил вас через Евангелие. Я сажал, Аполлос поливал, но Бог давал произрастание.^{***} Он не имел ^в

* 1 Кор. 16. Ссылки на Священное писание даются по источнику. В оригинале значительная их часть вынесена на поля.

** 1 Кор. 4.

*** 1 Кор. 3.

виду, что он вовсе не послан крестить, а [только то], что учение, рождение через слово, насаждение веры должно предшествовать водному крещению и должно быть поставлено перед ним. И что это было апостольским обычаем и порядком, ибо Христос наказал апостолам и проповедовать, и крестить.

Гал. 3.

Сколько вас крестилось, все облеклись во Христа. Дети не могут облекаться во Христа, они не знают, что есть Христос. Повторяю речь идет только о понимающих, взрослых и верующих.

Евр. 6.

Оставим учение о начале христианской жизни и обратимся к совершенству. Не будем заново обосновывать раскаяние в мертвых делах и веру в Бога, крещение, учение, возложение рук, воскресение из мертвых и вечный приговор. Здесь он* еще раз описывает порядок, который соблюдался изначально апостолами и их церковью.

Евр. 10.

Праведнику дает жизнь его собственная вера. Он не говорит, что праведнику дает жизнь крещение, а говорит: своя вера, и ставит собственную веру прежде всего другого, ибо крещение должно за ней следовать. Поэтому поступают неправедно и грешат те, которые крещение ставят перед верою.

1 Пет. 3.

Крещение есть не смыывание грязи с плоти, но понимание союза доброй совести с Богом через воскресение Иисуса Христа. Дети ничего не знают о союзе доброй совести с Богом, поэтому им не предписано крещение, пока они не придут к знанию, разумению и вере.

Деян. 2 и 4.

Верующие остались тверды в апостольском учении, в общности, в хлебопреломлении и в молитве. Когда дети это тоже делали, то их крестили, только тогда. Как было бы нелепо, если бы младенцам надо было преломлять хлеб во время причащения Христова, так же нелепо, что их хотят крестить.

* Апостол Павел.

Рим. 10.

Вера приходит от слушания проповеди, а проповедь от слова Божия.

Еф. 4.

Есть только одна вера и одно крещение, говорит Павел. Поэтому не может быть двух вер, одной своей и одной заимствованной, как и истинного крещения, которое обильно обосновано в Писании, и детского крещения, о котором там нет ни слова.

Еф. 2.

Вера есть дар Божий. Потому она не дар крестного отца, который ставит себя на место ребенка, чтобы за него отвечать и веровать, тем показывая, что ребенок сам не имеет веры.

Рим. 4.

Авраам поверил Богу, и это было вменено ему в праведность. Потому в Новом завете ни один, кто не уверовал, не может быть принят в союз детей Авраамовых.

Если бы не вера, не могли бы язычники войти в союз Авраама, ибо Бог язычников через веру оправдывает, делает благочестивыми и принимает в союз Авраама.* Не через детское крещение, в котором нет веры. Поэтому крещение не должно и не может восприниматься и даваться без веры.

Евр. 11.

Вера есть знание и уверенность в том, на что следует надеяться. Дети ничего не знают о такой надежде, как же им иметь веру?[†]

1 Иоан. 5.

Кто верует, что Иисус есть Христос, тот рожден от Бога, говорит Иоанн. Дети не веруют и не могут верить, что Иисус есть Христос.** Поэтому им не надлежит крещение, купание возрождения, в их детстве.

Втор. 1.

Дети не знают ни добра, ни зла.

Ион. 4.

И говорит Господь пророку, что дети не знают разницы между левой и правой рукою. Поэтому остаются дети по праву своего со-

* Рим. 3.
** Иоан. 3, Еф. 5, Тит. 3.

стояния чистыми и невинными добрыми Божьими созданиями, они искони Господни, и Бог принимает их такими, какие они есть, хотя они и не крещены, раз Христос и их искупитель. А потому, кто полагает детей без крещения обречеными, мнит, что в них дьявол, которого они должны изгнать заклинанием, все это мерзкое богохульство.

Иоан. 15.

И говорит Христос: все, что Я слышал от Моего Отца, Я вам возвестил. А о детском крещении Он нам нигде не возвестил ни словом. Значит, Он и не слышал никогда от Отца Своего об этом, и не Его это насаждение, а человеческое, которое надо искоренить.

Деян. 20.

Апостол Павел, который после всех других апостолов призван был, заверил старейшин Ефеса в том, что он от них ничего полезного не утаил. Поэтому не падет на него их кровь, ибо он возвестил им все указания Божьи. Однако о крещении детей он не учит и не пишет ни словечка. Тем самым оно указано не Богом, а указано антихристом, который извращает весь Божий порядок.

⊗ вечери Христовой и почему поповское причастие против нее^{**}

Матф. 26, Марк. 14, Лук. 22, 1 Кор. 11.

Господь Иисус в ночь, когда Он был предан, взял хлеб, и возблагодарил, и сказал: берите, вкушайте, сие есть тело Мое, которое за вас ломимо будет. Подобно же взял чашу и сказал: пейте из нее, сие есть кровь Моя Нового завета, которая за многих пролита будет. Сие творите в Мое воспоминание. Смотри: в Его воспоминание мы это должны делать. И надлежит это толковать так.

Хлеб Он называл Своим телом и вино Своей кровью только Фигурально, ибо это есть знак Его тела и крови, что Он за нас отдал и пролил. Чтобы не забылось, откуда пришло нам спасение и

Матф. 15.

Используемое в источнике выражение «das Abendmahl Christi» (современное написание «das Abendmahl») — «вечера Христова» означает обряд причащения. При этом причащение как символическое действие, лишенное мистического смысла, противопоставляется католическому таинству с используемыми в нем хлебом и вином, воплощающими тело и кровь Христа («das Sacrament»).

избавление, мы при этом постоянно освежаем в душе, заново осмыслив, вбираем в сердце и должны возносить Ему благодарение за то, что Он нас, потерянных, к Себе возвратил и спас.

Во-вторых, мы также признаем и указываем, что мы являемся из великой милости Божией членами тела Христова. Ибо каждый, кто совершает вечерю Христову^{*}, должен быть настоящим виноградом, зеленым ростком на истинной виноградной лозе^{**}, стало быть, членом общинны, членом тела Христова и Его церкви. На это нам указывает хлеб, который стал хлебом из многих размолотых, соединенных вместе зерен. А вино сделано напитком из многих гроздьев и раздавленных ягод. Поэтому Павел говорит: хлеб, который мы преломляем, есть общность тела Христова. Ибо мы, многие, суть один хлеб и одно тело, потому что все мы едины в одном хлебе.^{***}

Матф. 26, Марк. 14, Лук. 22.

Тело Христа не было в хлебе, когда Он совершал вечерю со своими учениками, а оставалось сидеть при них за столом и не обращалось из одного кусочка хлеба в другой. Еще меньше оно делает это теперь.

1 Кор. 11.

Всякий раз, когда вы вкушаете от сего хлеба и пьете сей напиток, вы должны возвещать смерть Господню, пока Он не придет. Если бы Он был в хлебе телесно с плотью и костями, с руками и ногами, как висел Он на кресте, то апостол не сказал бы: пока Он не придет, если бы Он там был и присутствовал телесно.

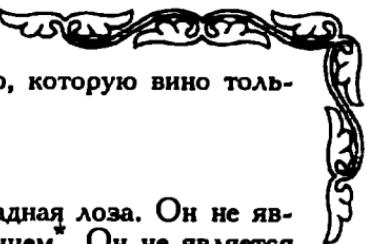
Лук. 22, 1 Кор. 11.

Лука и Павел пишут, что Христос на вечере сказал: напиток есть Новый завет в Моеи крови. Таким образом, должно быть вино в крови, а не кровь в вине. Где тогда чаша, если это следует понимать внешне и телесно, и нет ли другого понимания?

Матф. 26.

Сказываю вам, говорит Христос по свершении Его вечери, отныне не буду больше пить от плода виноградного до того дня, когда Я буду пить его новое с вами в Царстве Отца Моего. Тут Он еще называет вино вином и, чтобы это хорошо и еще яснее поняли,

* То есть совершает обряд причащения.
** Иоан. 15.
*** 1 Кор. 10.

плодом винограда, а не действительной кровью, которую вино толькоfigурально означает.

Иоан. 15.

Христос говорит: Я есмь истинная виноградная лоза. Он не является от этого ею телесно. Он называется агнцем^{*}. Он не является от этого им телесно. Он называет Симона Петром, то есть камнем.^{**} Тот не является от этого настоящим камнем, а остается человеком.^{***} Павел говорит о Сарре и Агари: эти женщины суть два завета^{****}. Рааве они от того действительные заветы? Нет, они только означают таковые. Христос говорит: Я есмь дверь в овчарню и путь.^{*****} Далее: кто верует в Меня, у того из чрева потекут потоки живой воды:^{*****}. Из того не следует, что это ручей. Он говорит: бревно в глазу лицемера.^{*****} Не следует из этого, что тот в глазу имеет кусок дерева. Он сказал на кресте Марии: смотри, Женщина, это твой сын; сын, это твоя Мать.^{*****} Был бы Иоанн Христу братом по плоти, если слово так понимать, как написано. Нет, Иоанн имел другую мать. Далее, семя значит слово Божие. Поле значит мир.^{*****} Семь тучных и тощих коров значат семь лет.^{*****} И такого рода мест в Писании можно было бы назвать много. Если это считать действительно сущим, то получилось бы много неподобающих вещей. Таким образом, тем, что Христос говорит о хлебе: это Мое тело, а о вине: это Моя кровь, Он подразумевает, что это не телесно, а только знаки.

Иоан. 20.

Когда Фома не хочет поверить в воскресение Христа, ясно из этого следует, что ученики слова Христа «это Мое тело» поняли не так, что Он им свое тело давал вкушать телесно. Ибо, если бы они поняли таким образом и придерживались того, что они Христа ели во время вечери в хлебе, и ели телесно, то Фома гораздо легче

* Иоан. 1, Откр. 5, 19.

** Матф. 16.

*** Гал. 4.

**** Иоан. 10.

***** Иоал. 7.

***** Матф. 7.

***** Имеется в виду следующий отрывок из 19-й главы Евангелия от Иоанна: «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик внял Ее к себе».

***** Матф. 13.

***** Быт. 41.

поверил бы, что Ему суждено было восстать из мертвых и Он восстал.

Деян. 2.

Пишет Лука: они постоянно пребывали в учении апостолов, в сообществе и в преломлении хлеба. Смотри, он говорит: в преломлении хлеба. Он не говорит: есть Его тело.

Иоан. 6.

И говорит Христос: Я есмь хлеб живни. Кто ко Мне придет, не будет голодать. И кто поверит в Меня, у того больше никогда не будет жажды. Здесь «приходить» стоит вместо «есть», и «верить» стоит вместо «пить». Из той же шестой главы Иоанна очевидно: вкушать плоть и пить кровь Христову означает не что иное, как верить в Того, Кто за нас пострадал и своей кровью искупил. Это вовсе не значит есть ртом. Как Он говорит в том месте: нет пользы вкушать плоть, понимая телесно, как поняли иудеи, а слова, которые Я произношу, суть Дух и жизнь, говорит Он.

Иоан. 4.

Когда ученики напомнили Христу, что Он должен есть, Он сказал: у Меня есть пища, о которой вы ничего не знаете. Тут Он не имеет в виду, что Он стал бы вкушать телесно самарян, побужденных к Нему прийти веровать благодаря слову женщины, а указывает, что пища Его есть спасение людей, что Он творит волю Своего Отца. Ибо так же, как мы вожделеем пищи, Христос желает спасения рода человеческого. Таким образом, так же, когда Он говорит: примите, вкушайте, сие есть тело Мое, которое за вас отдам, Он не желает сказать, что Его тело должно быть вкушаемо плотски, а указывает, что спасение, которое Он уготовил для нас на кресте, это наша пища, если мы веруем в Него. Ибо, как люди для переходящей жизни вкушают естественную пищу, так же, раз мы веруем в Христа, мы воистину вкушаем Его к жизни вечной.

Матф. 24, Марк. 13, Лук. 17.

И говорит Христос, что когда кто-либо скажет вам: смотрите, вот здесь Христос или там, вы не должны этому верить. Ибо восстанут ложные Иисусы Христы и лжепророки и произведут великие знамения и чудеса. Это совратит в заблуждение по возможности даже избранных.

Матф. 24.

Смотрите, Я наперед сказал вам, говорит Христос. Поэтому, если скажут вам: смотрите, Он в пустыне, то не выходите; Он в этой комнате, то не верьте. Это то же, как если они сейчас скажут: Он здесь, в хлебе, Он там, в вине, или Он тут, в ковчеге. Но мы не должны этому верить, ибо подобно тому, как молния исходит от востока и сияет до запада, таким же будет приход Сына человеческого.

Евр. 2.

Он не восприемлет на Себя ангелов, но Он восприемлет на Себя семя Авраамово. Однако, если тело Христово было бы действительно в хлебе, то следовало бы, что Христос, и стало быть Бог, принял хлеб в свою природу.

Деян. 1.

Они видели, как Христос был поднят, и облако унесло Его на их глазах. И ангелы сказали: мужи галилейские, что вы стоите и смотрите в небо? Как вы видите этого Иисуса возносящимся на небо, так Он и возвратится. Итак, как Он вознёсся на небо не в хлебе, Он и спустится не в хлебе и не в виде хлеба.

Далее.

Следует признавать главное положение христианской веры: Христос вознёсся на небо, сидит одесную своего небесного Отца. Оттуда Он грядет судить живых и мертвых, а не в хлебе. Если бы Христос пришел в хлеб, то они съели бы Судию живых и мертвых.

Кол. 3.

И говорит апостол: ищите то, что наверху, где Христос сидит одесную Бога. И он не велит искать Его внизу, в хлебе для причащения.

Пс. 40*, Евр. 10.

Царь-пророк Давид говорит и апостол вслед за ним^{**}: Ты Мне уготовил тело, чтобы Я, Боже, пришел исполнить волю Твою. Он говорит, что Бог уготовил Ему одно тело, ибо Он имеет не сто

Здесь и далее нумерация псалмов расходится с нумерацией, принятой католиками и православными. Последняя соответствует Септуагинте и обычно отстает на единицу от нумерации, принятой иудеями и протестантами.

Апостол Павел передает слова Христа.

тысяч тел, как говорят священники, превращая всюду Его тело в хлеб.

Иоан. 1.

Иоанн Креститель говорит: за мной придет Муж. Далее: за мной идет Некто, Кто сильнее меня. Если Христос им является, то не может быть столько Христов, сколько у священников причастий.

Матф. 28.

Христово тело, говорит нам Писание, может быть в одно и тоже время только в одном месте, также и после воскресения. Ибо ангелы сказали женщинам, которые Его искали в гробу: Он не здесь, Он воскрес. И знали же хорошо, что Он был истинным Богом и человеком. К тому же, хотя ангелы и женщины собирались во имя Его, чтобы Он был среди них, они говорят: Он не здесь, словно желают сказать, что Он не бывает телесно в одно время в двух или более местах. Подобно этому, когда ученики пришли к Нему в Галилею, Христос, Которого они несли при себе в сердцах, был, несомненно, при них не телесно, иначе им не нужно было бы к Нему идти.

Матф. 26, Марк. 14.

Нищих вы имеете всегда, говорит Христос, а Меня вы не всегда имеете. Пойми: в телесном присутствии, как считают священники.

Пс. 16.

И говорит Давид: Ты не допустишь, чтобы Твой святой узрел тление. Если бы Христос был хлебом, то Он был бы гораздо более тленным и более бренным, чем люди. Ибо, что съедается, то переваривается.

Матф. 15.

Все, что входит в рот, проходит через чрево и вновь извергается естественным ходом, говорит Христос.

Рим. 14.

Царство Божие это не еда и питье, но праведность, мир и радость во Святом Духе. Если кем-то Христос должен был бы вкушаться телесно, и из этого происходило бы что-либо благое или полезное для Царствия Божия, апостол ему бы об этом коротко сказал.

Евр. 13.

Не дайте совратить себя чуждыми учениями, говорит Павел, ибо хорошо укреплять сердце благодатью, а не пищей и питьем, от чего не получили пользы те, которые так поступали.

1 Кор. 15.

Апостол Павел говорит: тленное не унаследует нетленного. Поскольку люди тленны, а Христово тело нетленно, то не может их тленное тело нетленное тело Христа вкушать и воспринимать. Земные тела не могут вкушать небесные тела.

Евр. 1 и 5.

Апостол говорит о Христе, что Он был воплощен в подобие человека, за исключением греховности. И поскольку ничто человеческое, кроме греха, у Него не отнято, то это касается и возможности быть повсюду в одно и то же время. Если в этом Он не был исключением, то Он и не присутствовал во всяком кусочке хлеба. Так же, когда Он по земле ходил и учил, не был сразу во всех местах, а переходил с одного места на другое.

Далее.

Если [полагать, что] тело Христа повсюду, то как тогда оно попадает в рот человека? Если же оно попадает в рот, то оно не всюду. Если оно попадает в рот по частям, то это не Христос, каким Он висел на кресте, не плоть и кровь Его.

Еф. 2.

Христос живет в наших сердцах благодаря вере. Он^{*} не говорит, что через телесное вкушение.

Иоан. 14.

Кто Меня возлюбил, тот будет соблюдать Мое слово, и Мой Отец его возлюбит, и мы придем и сотворим у Него обитель. Он не говорит, что благодаря вкушению Его тела.

2 Иоан. 1.

Кто преступает и не остается в учении Христа, тот не имеет Еgo. То есть в причастии он Его тоже не будет воспринимать. Кто в учении Христа остается, тот имеет обоих, Отца и Сына. Он^{**} не говорит, что, кто вкушает причастие, тот воспримет Христа.

* Апостол Павел.
** Апостол Иоанн Богослов.

Иоан. 10.

Христос говорит: Я есмь добный паstryръ. Так что те, которые едят причастіе, поедали бы своего паstryря, а считают себя овцами, да, овцами. Волки те, кто пожирает паstryря, овцы паstryря не едят.

Обречены, и будущее их среди мертвых, те, кто творение рук своих называют богами: золото, серебро и все, что изобрело разумение человеческое. Поэтому те, которые хлеб и/или причастіе называют Господом Богом или Христом, суть обреченные идолопоклонники.

1 Кор. 12.

Павел пишет коринфянам: вы знаете, что вы были язычниками и ходили к безгласным идолам, как вас водили. А извращенное священниками причастіе есть не что иное, как безгласный идол. Ибо, что воздвигают вне Христа, Который вознесся на небо, и вместо Него этому поклоняются, есть идол. Ходить к такому идолу, принимать и почитать его, это дело языческое.

Если кто-то говорит, что все это происходит в духе и есть пища духовная, то тело Христа должно бы быть духом, а не телом с плотью и костями. Если ты спрашиваешь, ест ли тело твое или душа твоя, то ест тело. А как же может тело есть духовно? А если душа, то при чем здесь тело? Разве душа есть плотскую пищу?

Говорят, что Христово тело зачленено от Святого Духа, потому Он может быть повсеместно и в любом образе. Ответ: это означает отрижение того, что Христос обрел плоть и стал истинным человеком.

Ты скажешь, что Он теперь преобразился, и потому Он повсюду, ибо что же иное означало бы преображение. Ответ: не был же Он преображен, когда устроил вечерю и совершал ее со своими учениками. Стало быть, Он имеет и после преображения также только одно тело, как и перед этим.

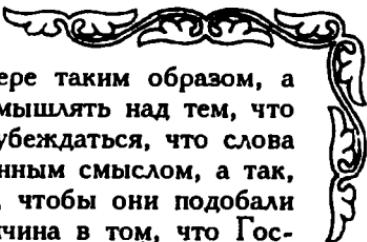
Говорят: слово стало плотью, потому, где слово, там и Христос, ибо слово не может быть отделено от плоти, поэтому оно не тут или там, а повсюду, где через веру есть слово.^{***} Ответ: слово не в хлебе (ибо он не может ни слышать, ни верить), а потому нет в нем и плоти.^{****} Что слово есть повсюду, истинно само по себе, как Бог через сущность и могущество, а не через веру к спасению, иначе у евреев и язычников было бы так же.

* Иоан. 20, Лук. 34.

** 1 Иоан. 4.

*** Иоан. 1.

**** Рим. 10.

Ты скажешь: не следует рассуждать о вере таким образом, а должно верить простым словам Христа и размышлять над тем, что за ними. Ответ: следует испытывать души и убеждаться, что слова толкуются не ложно в сравнении с их подлинным смыслом, а так, как их понимали апостолы.* А следовательно, чтобы они подобали и соответствовали нашей вере в Христа. Причина в том, что Господь так повелел и говорит: примечайте, что услышите.** Итак, мы должны сами себя испытывать, проверять и узнавать, действительно ли мы стоим в вере.

Поэтому, как Израиль, народ Божий в Ветхом завете, ежегодно резал и ел пасхального ягненка в память и напоминание о том, как Бог помиловал их, спас и вывел из Египта.*** Так же в Новом завете Христос установил, что мы должны брать, преломлять, вкушать хлеб и в общем совершать причащение в память и напоминание о Его страдании, смерти и пролитии крови, о том, что Он спас нас своею смертью, добыл нам милость и вечное блаженство. Что заключено в следующих словах: делайте сие в память обо Мне.

Об истинном покое и христианской общности и имуществе

Исх. 16.

Когда Господь Бог вывел детей Израиля из Египта, и они пришли в пустыню Син, Он дал им небесный хлеб, манну. Они собирали ее (кто много, кто мало) и мерили гомором, чтобы тому, кто имел много не было лишнего, а тому, кто имел мало, не было недостатка. Кто же что-нибудь оставил до утра, у того в оставленном завелось черви и оно стало смердеть.

Таким образом, поскольку ныне Бог вывел христианскую церковь из нынешнего Египта****, они должны в пустыне этого мира делать так же, чтобы богатый не имел больше, чем бедный, и бедный получал не больше, чем богатый, но должны они вносить в общее одинаково. На то нам и указывает Писание. И сам Павел в этом смысле его толкует.

* Иоан. 4, Матф. 7.

** Марк. 4, 2 Кор. 13.

*** Исх. 12.

**** Вероятно, имеется в виду переселение в Моравию во второй четверти XVI в. скрывавшихся от преследований властей анабаптистов (главным образом швейцарских и тирольских).

***** 2 Кор. 8.

Лев. 25, Втор. 15.

Шесть лет каждый из народа Израиля мог собирать свои плоды. Седьмой же год был объявлен и стал освобожденным годом, чтобы земля исполняла Господу праздничную субботу. И что уродилось на седьмой год стало им общее: главе дома и его рабу, и служанке, и поденщику, живущему в доме и пришлому, домашнему скоту и диким зверям. Таким же образом тот, кто своим близким и братьям что-либо дал взаймы, тот уже не мог этого требовать на седьмой год, а должен был долг простить. Ибо это превосходное и торжественное провозглашение Господнего года освобождения, говорит Он. Этот год свободы должен быть образцом для времени Нового завета во Христе, ибо истинный год свободы есть желанный год Господа, как это толкует пророк*. Поэтому мы также все имущества, которые нам даровал Господь в это время, из христианской любви должны иметь общими, пользоваться ими вместе с нашими братьями, близкими и домашними, а не собирать и не взыскивать, как прежде (в течение шести лет), считая их собственными. Ибо сейчас это более, чем в Ветхом завете, превосходное и торжественное провозглашение Господнего года освобождения, года милосердия даже.

Втор. 15.

Бог повелел Израилю: не должно быть среди вас ни одного нуждающегося в чем-либо. В Новом завете мы должны это исполнять еще более ревностно через христианскую общность.

Чис. 18, Втор. 11, Ос. 13, Иез. 44.

Господь говорит Израилю: священники должны владеть уделом. Да, Я буду их уделом, а сверх того вы не должны давать им владения среди народа, ибо Я их владение. Это конкордат^{***} всего народа в Иисусе Христе, в котором в то же время все суть священники Бога, царя нашего^{****}, и Христа. Священники эти содержатся друг другом при помощи жертвы, которая, когда была по жертвована, никогда уже не принадлежала тому, кто ее жертвовал. Такова ныне христианская церковь.

* Ис. 61.

** 2 Кор. 8.

*** Выделено в оригинале.

**** 1 Пет. 2, Откр. 2.

Ис. 23.

И повествует пророк, как Бог намеревался наказать город Тир: пусть все плоды их промысла (смотри: все) и прибыль будут посвящены Господу, тогда не будут они ничего прятать и складывать, а плоды их промысла будут принадлежать всем, живущим в городе Господнем, для пропитания и проживания голодных и для одевания старых. Это пророчество обращено ко всей церкви во Христе.

Ис. 60.

Это желает дать понять Господь, когда Он говорит через своего пророка: и соберутся ко Мне острова (то есть язычники) и прежде всего морские корабли, чтобы они тебе^{*} принесли издалека сынов и с ними их серебро и золото, во имя Господа Бога твоего, Святого Израилева, который тебя прославил.

Зах. 14.

И говорит пророк: в это время (то есть во времена ^{**}Нового завета) не будет более в доме Господа ни хананея^{***}, ни торговца, ни купца, как говорится в некоторых переводах.

Лук. 3.

Иоанн Креститель сказал народу, который спросил, что им делать: кто имеет две одежды, тот пусть поделится с тем, у кого ее нет, и кто имеет пищу, тот пусть поступит так же. Смотри, как ясно!

Матф. 5.

И говорит Христос: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны и те, кто отвергнет и покинет все бренное ради Христа и не будет больше иметь собственности. Кого дух подвигнет в нищету и покой, те и есть нищие духом, которых ждут небесные блага и которым воздастся. Но кто делает обратное тому, не будет спасен.

Матф. 6, Лук. 6.

И говорит Христос: никто не может служить двум господам. Либо он будет одного ненавидеть, а другого любить, либо одному будет предан, а другого будет презирать. Вы не можете служить

Подразумевается Иерусалим.

В данном случае слово «хананей» (представители языческих народностей Ханаана) употребляется как синоним купца или торговца.
2 Кор. 6.

Богу и мамоне, то есть собственному, бренному существу, деньгам и богатству. Здесь Христос говорит, что невозможно им обоим быть преданным и угодить. Да не скажет никто, что это возможно. Ибо, кто раб мамоны, тот, ведомо, не может быть рабом Христа. Потому, кто хочет иметь одно, должен оставить другое.

Далее.

Главное положение христианской веры таково: признавать святую христианскую церковь, признавать общность святых. Она же есть не частичная, а полная общность, то есть общность и духовных, и проходящих ценностей и даров. Кто устами признает общность святых, а на деле не исполняет, тот ложный, а не истинно верный член церкви.

Матф. 8.

Птицы небесные имеют гнезда, говорит Христос тому, кто предложил себя, чтобы за Ним последовать и стать Его учеником, и лисы имеют норы, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову. Будто Он желает сказать: такой покой ты должен принять, отречься от собственности и стать свободным от всего, если хочешь быть Моим учеником.

Матф. 13.

Христос говорит: посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но пребывает в заботах этого мира и обольщении богатством, которые заглушают слово, так что оно становится бесплодным. Поэтому не может то и другое быть рядом. И обманщик тот, кто желает их удержать и иметь вместе.

Матф. 14, 15, Иоан. 6.

Христианской общности Христос учит на примере, как Он когда-то дважды, один раз 5000 мужчин без женщин и детей, пришедших к нему в пустыню, и таким же образом 4000, накормил хлебом и рыбами. Когда ученики малым бренным охотно делились с другими, им было велено давать всякому по его нужде и сообща все делить. Это нас учит, чтобы мы, покинувшие подобно им наше жилье, родину и друзей ради слова Божия, которого мы придерживаемся и которому следуем в этой пустыне, и сегодня должны поступать так, чтобы иметь общими и сообща употреблять нашу бренную пищу и наше добро, чтобы из любви к ближнему складывать все для равной с ним пользы.

Матф. 13.

Царство Небесное подобно скрытому в поле сокровищу, которое человек нашел и утаил его, и от радости о нем пошел и продал все (смотри: все), что он имел и купил то поле. Так же должны поступать те, кто находит сокровище божественной истины, и делать это следует с радостью.

Царство Небесное подобно купцу, ищущему хорошие жемчужины. Когда он обнаружил одну драгоценную жемчужину, пошел он и продал все (смотри: все), что он имел, и купил ее. Так же должны поступать те, которым Бог открывает свою истину, то есть охотно отдавать преходящее.

Матф. 19, Марк. 10, Лук. 18.

Богатому юноше, спросившему, чего ему не хватает, Христос сказал: тебе не достает еще одного. Если хочешь быть совершенным, то пойди и продай, что ты имеешь, и отдай нищим. Тогда ты обретешь сокровище на небесах, и приходи и следуй за мной. Смотри! Он назвал совершенством, когда все (смотри: все) продают и отдают нищим. Ибо любовь есть узы совершенства, где оно присутствует, там оно производит не частичную, а совершенную и полную общность. Однако давать нищим (понимай: духовно нищим) не означает, что дающего делают блаженным нищие, а означает, что делает его блаженным то, что он следует Христу и Его повелению.*

Далее.

Трудно будет богатым войти в Царство Божие. Говорю вам: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие. Если бы Христос не требовал отрешенности и общности имущества в своей церкви от всех тех, кто желал бы прийти к вечной жизни и наследовать вместе с другими небесное добро, то богатым было бы не трудно, а так же легко, как бедным, войти в Царство Божие.

Далее.

Петр сказал (и так должен быть вправе сказать каждый благочестивый): смотри, мы все покинули (смотри: все) и за Тобой последовали. Господь сказал: всякий, кто оставит дома и братьев или сестер, отца или мать, жену, детей или земли во имя Мое, тому воздастся сторицею и тот наследует жизнь вечную. Это значит, что никто не должен оставаться при доме, хозяйстве и имуществе.

* Матф. 5, Иак. 2.

Матф. 20, Марк. 11, Лук. 19, Иоан. 2.

Иисус вошел в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы менял и скамьи торговцев голубями, и сказал им: написано, что дом Мой должен называться домом молитвы, а вы сделали из него вертеп разбойников. Поэтому Христос не желает иметь в своем доме торговлю, покупку и продажу, а желает иметь в нем христианскую общность. И такая покупка или продажа есть знак, по которому всякий должен узнать ложную церковь, постигнув, что Христос когда-то изгнал то и другое благим бичом.

Матф. 22, Марк. 12, Лук. 10.

Ты должен возлюбить Господа Бога твоего всем сердцем, всей душой, это первейшая заповедь. Вторая (которая отсюда вытекает) подобна первой. Ты должен возлюбить ближнего своего, как самого себя. Кто желает так поступать, тот должен всегда делиться поровну со своим ближним и братом и все иметь общим. Иначе же это не будет: возлюбить, как самого себя, а будет лишь фарисейская, языческая и мерзкая любовь.

Матф. 25.

Христос скажет своим в Судный день, в день последнего приговора: вы Меня накормили, вы Меня напоили, вы Меня одели, а не только самих себя, скажет Он. Ибо, что вы сделали одному из Моих меньших братьев, то вы сделали Мне. Идите в жизнь вечную. Другие же, которые это не делали, будут поставлены по левую руку и будет им определено вечное проклятие.

Лук. 12.

Продавайте, что вы имеете, и подавайте милостыню. Сделайте себе сумы, которые не ветшают, сокровище, которое никогда не оскудеет на небесах (куда вору не войти), а останется вечным. Однако Он подразумевает не милостыню, как ее подает мир. Ибо, когда подают бродячему попрошайке, который, что имел, проиграл, заложил, пропил, растратил попусту, либо по-иному себя загубил, либо по причине лени ничего не имеет, то, хотя он подобен убогому, он полон пороков, как любой другой. И нельзя сказать, что это угодно Христу, ибо таковые не Его члены. Это не неправедно, это человеческое милосердие и сострадание. Однако Христос говорит здесь о полноте подаяния в общности святых со всем, что кто-либо имеет и чем распоряжается.

Лук. 14.

Всякий из вас, кто не откажется от всего (смотри: всего), что он имеет, не может быть Моим учеником. Итак, не каждый может и должен свое сохранять, владеть им и оставаться при нем, и самому быть его господином, управляющим и владельцем, ибо это не значило бы отказаться.

Лук. 16.

Приобретайте друзей неправедным богатством, чтобы, когда вы обнищаете, они приняли вас в вечную обитель. Эта обитель есть истинная община Божия, которая их в нее направляет в возникающей их нужде всегда в братской любви, чтобы она о них заботилась в духовном и преходящем. Поэтому они по праву приобретают друзья богатством. Однако это истинные друзья, которые из христианской любви отдают друг другу на равных свое имущество. Кто верен в малом, тот и в большом верен. И кто нечестен в малом, тот и в большом нечестен. Малое есть бренное. Кто в этом не праведен и не проявляет себя таковым через общность Божию в христианском сообществе, тот и в большом, то есть в духовном, есть ничто перед Богом. Если вы не были верны в неправедном богатстве, кто захочет вам доверить истинное? И если вы в чужом не были верны, кто захочет вам дать то, что является вашим? Он называет временное чужим, поэтому, кто его считает своим, чтобы владеть им и иметь его, тот неправеден и поступает неправедно.

Лук. 21, Марк. 11.

Христос взглянул и увидел богатых, как они складывали свои пожертвования в сокровищницу Божию, и многие богатые клали много. Но Он увидел также бедную вдову, положившую два геллера*. И Иисус сказал: истинно говорю вам, эта бедная вдова положила больше, чем все они. Ибо они положили в жертву Богу от своего избытка, она же от скудости своей положила все свое пропитание (смотри: все свое пропитание), какое она имела. Поэтому Господь требует для христианской общности все имущество и всю душу. О богатых Он говорит в случае с богатым юношей, что они должны свое отдать и притом, чтобы бедные не сказали: я имею мало, Он их учит делать то же самое.** Поэтому все мы должны приобщаться к христианской общности.

* Геллер — мелкая разменная монета (имела хождение в германских и австрийских землях). В библейском тексте в данном случае фигурирует лепта — мелкая медная монета Древней Греции.

** Матф. 19.

Иоан. 13.

Новую заповедь даю Я вам, чтобы вы любили друг друга, как Я возвлюбил вас, по тому всякий узнает, что вы Мои ученики, ибо вы возвлюбили друг друга. Итак, Христос нас возвлюбил, сделал нас сонаследниками на небесах и все земное со своими учениками имел общим. А мы должны брата сделать здесь с нами наследником земных вещей, любовь и страдание, зло и добро вместе встречать и переживать. В том их особая примета среди всех народов, что они одной веры во Христа и суть Его истинные последователи. Ибо любовь есть главное отличие благочестивых святых людей.

Иоан. 17.

И говорит Христос: Отец, все, что Мое, это Твое; и что Твое, это Мое. Так же должно быть между детьми Божьими в земных имуществах и дарах.

Иоан. 12 и 13.

Христос, наш предтеча, установил со своими учениками общность и имел общую казну. Управлял ею Иуда, который носил, что давали.

Деян. 2.

Когда пришел Святой Дух, Он устроил совершенную общность, такую, что 3000 и 5000* человек в Иерусалиме, все, которые стали верующими, были вместе и владели всем сообща. Они продавали свое имущество и собственность и делили между всеми, каждому по его нужде.

Деян. 4.

У множества же верующих были одно сердце и одна душа. И никто не говорил о своем имуществе, что оно его, но все у них было общее. Не было между ними никого, кто бы нуждался. Сколько бы ни было тех, кто имел земли или дома, продавали это и приносили деньги за проданное добро и клади к ногам апостолов, и каждому давалось то, в чем у него была нужда.

Деян. 5.

Другого рода людей они к себе не допускали. Когда Анания и его жена Сапфира продали свое имение и часть денег принесли апостолам, а часть утаили (без сомнения, чтобы все-таки что-то иметь, если они не смогут остаться, из чего понятно, что тем, кто отдал

* Деян. 4.

ся, после этого отданное не возвращалось), обоих постигла скорая смерть от их жадности и козней Велиала^{*}.

Деян. 2.

Охотно принявшие его^{**} слово просили себя крестить и были крещены в один день около 3000 душ, и остались они навсегда в апостольском учении, в общности, в хлебопреломлении и в молении. Потому, как нам необходимо придерживаться апостольского учения, хлебопреломления и моления, так же нам необходимо придерживаться христианской общности.

Деян. 11 и 13.

В Антиохии целый год существовала община, и были там пророки и учителя. Если они там собирались вместе, как в Иерусалиме, то они и хозяйство вели в общности, как в Иерусалиме. Ибо рассеявшись от гонения, бывшего после Стефана, придя туда из Иерусалима, сотворили то же в Антиохии.

2 Кор. 8.

Таким же образом поступала и община в Македонии, которую сам Павел прославляет и говорит: изо всех сил и сверх сил они сами желали и просили нас со многими увещеваниями, чтобы мы приняли их благодеяние и помочь в служении святым, и [поступили] не как мы ожидали, а отдали себя сначала Господу, потом и нам по воле Божией. Не такая ли это общность, как в Иерусалиме? Никто не может это отрицать.

1 Фес. 3.

Подобно этому община в Фессалониках проживала в общности, чьбо Павел пишет им, что те, кто живет без порядка, не трудится, пробавляется дерзостью, тот должен есть свой хлеб. Следовательно, они ели общий хлеб, иначе Павел не мог бы так написать, если бы каждый до этого ел свой хлеб.

1 Кор. 10.

Мы, многие, суть один хлеб, говорит Павел. А именно потому, что мы, как хлебные зернышки, наше состояние целиком отдаем и стоим в христианской общности.

* Велиал (Велиар) — в иудаизме и христианстве демоническое существо, дух лжи и небытия.
** Апостола Петра.

Рим. 12, 1 Кор. 12, Еф. 4, Кол. 3.

Мы суть одно тело и между собой члены друг друга. Так же мы и жить должны, учат апостолы. Задумайся, что значит быть членами одного тела. У тебя нет более важного учения для христианского сообщества.

1 Кор. 10, Филип. 2.

Павел учит: пусть никто не ищет своей собственной пользы, а ищет пользы другого. Если так должно быть, то нам следует всегда искать равной общей пользы.

1 Кор. 13.

Любовь не ищет своей пользы. Стало быть, она явно ищет только общности.

Филип. 2.

Каждый должен подражать умонастроению Иисуса Христа. Он, хотя и имел божественный образ, не счел Себя ограбленным, когда будучи равным Богу, Сам Себя преобразил и принял вид раба, стал подобен другому человеку и по обличию был всеми почитаем за человека. Он унишил Сам Себя, а потому Господь Его и возвысил. Этим он желает сказать, чтобы мы тоже, даже если бы мы в миру стояли высоко и были богаты, не должны были считать себя ограбленными, если бы мы всего этого лишились, но должны были самих себя преобразить и принять рабский образ в доме Божием. Хотя мы прежде сами из-за собственности были господами, однако сейчас мы должны стать такими, как любой из наших собратьев во Христе, и самих себя унизить, и до смерти быть в повиновении Богу, тогда Бог нас возвысит. Это причина того, почему богатым трудно войти в Царство Божие и не могут они сами проложить себе [туда] путь.

2 Кор. 8.

Вы знаете милость нашего Господа Иисуса Христа, что, хотя Он богат, Он все же ради нас стал бедным, дабы мы благодаря Ему стали богатыми. Стало быть, Он подал нам пример, чтобы мы тоже один другого ради охотно становились бедными и возлюбили друг друга, как Он нас возлюбил, другими словами, чтобы мы облеклись во Христа и оставили прежнего человека.^{**}

* Апостол Павел.
** Еф. 4.

1 Иоан. 1.

Если мы ходим во свете, подобно тому, как Он во свете, то мы имеем между собой общность.

1 Иоан. 4.

Мы имеем заповедь от Господа, чтобы любящий Бога также возлюбил брата своего.

Поэтому мы видим многократно, что Христос и апостолы прилежно учили общности, и как часто это было возможно, и в какой бы стране, в каком бы месте или городе они ни имели бы случай, и сколько раз это ни могло бы случиться, они, собравшись вместе, являли собою христианскую общность. Так, находят, что община была в доме Прискиллы и Акилы.* Также община была в Лаодикии в доме Нимфана.** И в доме Архиппа, соратника Павла, жила община.*** И Павел пишет, что брат Гай в Коринфе был его хозяином и всей общиной, когда он оттуда писал в Рим и тех в Риме в послании увещевал, говоря: принимайте друг друга, как Христос вас принял во славу Божию.**** Апостол не желает, чтобы ему кто-либо присматривал обособленное жилище или чтобы только он один владел им. Павел так не поступал. Напротив, когда он был схвачен и прибыл в Рим, два года находился в своем жилище, принимая всех, кто к нему приходил,***** чтобы исполнилось, как предсказал пророк , что они будут говорить: пусть все подвинутся, чтобы и я мог сесть. И пусть будет так, чтобы мы не покинули наше собрание, как в обычae у некоторых народов, но увещевали друг друга, и тем больше, чем больше мы замечаем, что приближается день.

-
- Рим. 16.
 - .. Кол. 4.
 - ... Филим. 1.
 - ... Рим. 15, 16.
 - Деян. 28.
 - Ис. 49.
 - Епр. 10.

• **Что христиане не должны
вести войну, вершить светский суд и насилие,
а те, кто этому служит,
не могут считаться
христианами**

Быт. 9.

Вначале Бог сказал Ною: Я желаю взыскать вашу кровь, в которой ваша душа, от всякого зверя и желаю взыскать душу человека от рук человека, душу каждого от рук другого. Кто прольет кровь человеческую, того кровь также должна быть пролита человеком. Ибо Бог создал человека по своему подобию.

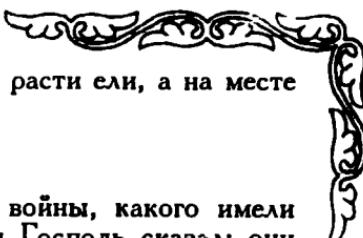
Быт. 49.

Патриарх Иаков прорицает о том, что скипетр будет отнят у Иуды^{*}, когда придет герой, то есть Христос. Так как правление иудеев (которые до того времени были Божиим народом) во Христе окончится, прекратится и будет у них отнято, то очевидно, что во Христе этого больше не будет, и впредь новый народ Божий не должен больше ни носить светский меч и применять его, ни править с помощью него. Христос один намерен править своим народом с помощью духовного меча.

Суд. 9.

В Книге Судей мы находим этот тайный смысл в иносказании о доме Гедеона, который сказал Израилю: я не желаю быть господином среди вас и мой сын тоже не будет господином над вами, но Господь будет господином над вами.^{**} Но Авимелех, сын его наложницы, пришел туда и стал царем. Тогда рассказывает им Иофам притчу о маслине. Когда ее призвали деревья, она не пожелала царствовать. Так же и смоковница не пожелала. Равным образом виноградная лоза не пожелала. Однако терновник охотно согласился. Из этого мы видим и знаем, что тем более христианин (христиане в Писании сравниваются с маслинами, смоковницами, виноградной лозой и другими благородными деревьями) не может быть светской властью. Иначе он должен был бы оставить христианские плоды мира, кротости, смиренния и идти драться, царапаться, враждовать и ссориться с миром, как терновник. Но мы не должны так поступать, возлюбленные братья, мы должны быть не такими, а

• Сына Иакова.
** Суд. 8.

как говорит Исаия: на месте терновника будут расти ели, а на месте колючих изгородей мирт.*

1 Цар. 8.

Когда Израиль возжелал царя, ведущего войны, какого имели все язычники, это не понравилось Самуилу, и Господь сказал: они не тебя, а Меня отвергли, чтобы Я не был царем над ними. И дал им в гневе царя

1 Цар. 18, 23, 29.

Царь Давид пожелал построить Господу дом или храм, но пришло к нему слово Господне и было сказано: ты воин и кровь проливал, и вел большие войны. Поэтому ты не должен строить дом имени Моему, потому что ты пролил много крови на земле предо Мною. Смотри, сын, который будет тебе рожден, будет человеком мирным, и Я дам ему мир и покой в Израиле на всю его жизнь. Он построит дом имени Моему. Это означает, что домом Христовым будет весь не запятнанный кровью мирный народ.

1 Цар. 6.

И когда Соломон дом, храм (который должен был быть подобием и образом церкви Христовой в Новом завете) построил, был он построен из целых камней, чтобы, когда строили дом, не слышно было ни молотка, ни топора, ни какого-либо другого железного инструмента. Это, несомненно, означает то, что церковь Христова не должна воздвигаться с шумом или насилием и принуждать к вере, а должна стоять по добной воле ко дню Его воцарения.

Пс. 46, 76, Ос. 1 и 2, Зах. 9.

Когда Давид пророчествовал о церкви Христовой, он сказал: в Силоме Его шатер, Его жилище в Сионе, там же сломает Он стрелы лука, щит, меч и войну.

Ис. 2, Мих. 4.

Два пророка, Исаия и Михей, ясно предсказывали о доме и общине Христовой так: от Сиона выйдет закон и слово Божие из Иерусалима. И будет [Он] судить язычников и привлечет многие народы, чтобы они мечи свои перековали на орала, и копья свои на ящи для винограда, серпы и пилы. Тогда не поднимет один народ меч против другого народа, и не будут они впредь учиться воевать. Смотри, как ясно! Таким мирным народом будет народ Христа.

• Ис. 55.

Ис. 11 и 65.

Тогда будет жить волк рядом с ягненком, барс лежать рядом с козленком. Быки, всякий скот и львы будут рядом друг с другом так, что их будет водить малое дитя. Корова и медведица будут пастись вместе и вместе укладывать своих детенышей. Лев будет есть траву, как скот. Никто другому не будет причинять зла, никто не будет губить другого на всей горе Моей святости. Поэтому, где бьют, рубят, колют стреляют и друг с другом враждуют, дерутся, друг друга увечат, губят, убивают и проливают кровь, там дьявольская нечистая безбожная гора и Люциферово место.

Ос. 13.

Во гневе Моем Я дал тебе царя, в Моем негодовании Я отнял его. Что дано во гневе, не желает ни покориться, ни подчиниться во Христе благодати и милости. И так же не может быть дитя мира и благодати служителем возмездия или гнева.

Матф. 5.

И говорит Христос: блаженны кроткие. Блаженны милосердные. Блаженны мирные. Блаженны будут гонимые за справедливость. Все это против права меча и насилия.

Далее.

Вы слышали, что сказано древним: ты не должен убивать, но кто убивает, тот должен предстать перед судом. А Я говорю вам: кто разгневается на брата своего, тот должен предстать перед судом. В Ветхом завете сказано: ты, ты не должен убивать. И это касается каждого отдельного лица, насилия или мести, им совершаемых, и возмездие за таковое возложено на судей и других служителей власти. Но Христос говорит об этом случае: Я говорю вам, вам. И это касается не отдельных людей, а всех христиан в общине без исключения. Этому должен следовать каждый христианин. Поэтому в доме Христовом и Его церкви упразднен мирской суд меча. Мир же оставляет его за собой.

Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб. А Я говорю вам, что вы не должны противиться злу, а если кто ударит тебя по правой щеке, тому подставь и другую. Это значит: поежде чем ты пожелаешь отомстить и воздать ударом за удар, желай претерпеть большего. Так надлежит поступать всегда каждому христианину. Но светская власть полностью против этого, ибо она поставлена для возмездия.

И если кто желает с тобою судиться и взять твою рубашку, тому оставь и плечо. Если христиане не должны судиться, то на-

добность вести судебные разбирательства или вообще иметь суд в христианстве сама собой отпадает.

Вы слышали, что сказано: ты должен любить своего ближнего и ненавидеть своего врага. А Я говорю вам: любите ваших врагов, заступайтесь за тех, которые вас проклинают, благоворите тем, которые вас ненавидят. Это подобает каждому христианину. Светская же власть с ее правом меча прямо этому противоположна, поэтому христианин не может и не должен принадлежать к светской власти.

Матф. 6.

Христос учит своих молиться: прости нам долги наши, как мы прощаем нашим должникам. Христиане не должны мстить, ибо если бы кто-то отплачивал за несправедливость и зло местью, мечом, убийством или пленением, ему пришлось бы в молитве «Отче наш» просить: как я поступил с моим братом и ближним, пусть Бог сделает мне то же.

Матф. 7.

Не судите, говорит Христос, да не судимы будете. Ибо каким судом вы судите, таким и вас судить будут, и какою мерою вы мерите, такою же вам мерено будет. Поэтому никогда больше не должны меч, суд и отмщение быть причастными к церкви Христовой.

Матф. 10.

И говорит Христос: смотрите, я посылаю вас, как овец, в волчью стаю. Овца — животное дружелюбное, беззащитное, терпеливое. Ей самой по себе не дано иного спасения, кроме как бежать насколько хватит сил. Под овцами подразумеваются христиане, а власть с мечом так же мало похожа на овцу, как мало похожа овца на волка или льва.

Матф. 13.

В притче о плевелах* рабы сказали: господин, хочешь ли ты, чтобы мы пошли и выпололи их? Он говорит: нет, чтобы вы не вырвали пшеницу, оставьте расти то и другое вместе до жатвы. Этим Христос говорит, что Он желал предотвратить войну и кровопролитие. Ибо Он не запрещает, чтобы плевелы удалялись вла-

* В притче повествуется о посевных и взошедших среди пшеницы плевелах (сорниках).

стью ключей* из Его общине, а изгонять их мечом, убивать и душить Он своим запрещает.

Матф. 16.

Если кто хочет следовать Мне, отрекись от себя самого и возьми свой крест на себя. Он не говорит «меч», ибо подобное не имеет места при кресте. Они стоят вместе, как Христос и Пилат. И как Христа нельзя представить рядом с Велиалом, так и светский меч рядом с крестом Христовым.

Матф. 16 и 18, Иоан. 21.

Христос дает апостолам в своей общине и церкви ключи, и Он говорит Петру: Я желаю дать тебе ключи от Царства Небесного. Далее, им всем: примите в себя Духа Святого. Когда вы кому отпустите грехи, тем они будут отпущены, а кому вы грехи не простили, тому они не будут прощены. Эту власть дал Христос своим апостолам и своей церкви. Властью меча он ни одного апостола или ученика в своей общине не наделял и не допускал ее. Бани, или власть ключей, дарованная церкви Христовой, и право меча, установленное в мире, так же различны, как вечер и утро, и так же несравнимы, как смерть и жизнь, поэтому они не должны быть смешиваемы друг с другом. Право ключей, или христианская власть, изгоняет из общине совершившего зло, и он может быть через покаяние возвращен, если пожелает этого. Право меча и светская власть стирает с лица земли, и покаяние больше невозможна вовек.

Матф. 10 и 24, Марк. 13, Лук. 21, Дан. 11.

Все евангелисты свидетельствуют христианам, что Христос им предвещал, и Он говорит: вас будут отводить в их ратуши и будут вас бичевать в их школах, и будут ставить вас перед князьями и царями из-за Меня. Они будут вас исключать из собрания. Грядет время, такое, что, кто вас убьет, будет думать, что этим он служит Богу.** Заметьте, христиане ли [действительно] власть имущие, ибо такое происходит и сегодня, как в прежние времена, в дни апостолов.

* Под «властью ключей» в данном случае подразумевается право общине истинно верующих изгонять из своих рядов провинившихся перед Богом. Подробнее об этом см. далее: Матф. 16, Иоан. 21.
** Иоан. 16.

Матф. 20.

Тогда два сына Зеведеевых настоятельно просили Христа, чтобы позволил им сидеть в Его Царстве, одному по правую, другому по левую руку Его, и так домогались самых первых и высших мест, ибо принимали Царствие Божие за светское царство, потому что они еще были неразумные. Христос отказал им в этом и призвал их принять на себя невзгоды и страдания и испить чашу Его.

Матф. 20, Марк. 10, Лук. 22.

Иисус возвзвал к своим ученикам и сказал им: вы знаете, что светские властелины господствуют над народами и власть имущие правят насилием. Этого не должно быть среди вас. Смотри, Он устанавливает светскую власть и господ, говорит о насилии и о том, что этого не должно быть среди вас. Он говорит это не только двенадцати апостолам, а каждому христианину и члену Его церкви.

Матф. 26, Марк. 14, Лук. 22.*

Когда Христа схватили, Петр извлек меч и отсек ухо рабу первосвященника. Господь упрекнул его и сказал: возврати меч твой на его место, ибо все, взявшие меч, от меча и погибнут. Этим Он полностью отменяет меч и желает, чтобы христиане (как те, у которых нет места для меча) его отложили. Ибо духовный и светский меч имеет каждый свои ножны. Духовному мечу место в общине Христовой, светскому в мире среди носителей зла. И нигде не говорится, что Петр или другой апостол еще хоть раз извлекали меч или носили его, а оставляли его в надлежащем ему месте.

Лук. 9.

Однажды Его ученики пришли в одно самарийское селение, чтобы Ему подготовить ночлег, а те не захотели Его принять, на что Его ученики Иаков и Иоанн сказали: Господи, если хочешь, то мы скажем, чтобы огонь пал с неба и истребил их, как сделал Илия.** Тут оборотился Иисус, упрекнул их и сказал: не знаете, какого Духа вы дети? Сын человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. Поэтому не требует многих слов, а очевидно то, что не место возмездию в Царстве Христовом, и что христианину не дозволено ни воевать, ни мстить. Но кто это делает, тот покинул и отверг Христа или природу Христову. И не поможет ***, что ты говоришь: Давид был царем, и многие благочестивые прибегли к силе меча и вели войны. Как ученики ни ссылались

* Кроме того, Иоан. 18.
** 4 Цар. 1.

также на Илию, Христос им отвечал: не знаете, какого духа вы дети?

Лук. 12.

Тут некто из народа сказал Иисусу: Учитель, скажи моему брату, чтобы он разделил со мной наследство. Сказал ему Он: человек, кто поставил Меня над вами судить и делить наследство? Так же ни один Его ученик, который желает быть христианином и имеет Дух Христов, не может посягать на должность судии, ни занимать ее и судить в мирских делах.

Иоан. 6.

Когда Иисус увидел, что народ собирался пойти и принудить Его стать царем, Он удалился. Он поступил так нам в назидание, чтобы мы следовали по Его стопам. Ибо, кого Бог призвал, говорит апостол Павел, тем Он предписал, что они должны быть подобны образу Его Сына.* Этим окончательно, подлинно и ясно доказано: кто желает быть светской властью, тот не имеет Духа Христова. Если он не имеет Духа Христова, то он никак не христианин, поэтому христианин не может быть светской властью.

Иоан. 8.

Христос не хотел осудить на пролитие крови женщину, уличенную в прелюбодеянии, хотя это предусматривал закон. Стало быть, и сегодня не может христианин, который есть часть тела Христова, так поступать. Ибо Христос говорит: подобно тому, как Отец послал Меня в мир, так же Я вас послал.

Иоан. 18.

Мое Царствие не от мира сего, говорит Христос Пилату, иначе бы Мои слуги стояли тут и сражались за Меня. Итак, Царство христиан не от мира сего, а при Христе. Власть же и ее царство от мира сего. Поэтому они никак не могут быть одно в другом и не могут сравняться.

Рим. 12.

Апостол Павел так поучает христиан: никому не воздавайте злом за зло, не возвышайтесь, а принижайте себя. Насколько вы способны, живите в мире со всеми людьми. Не мстите за себя сами, мои возлюбленные, а уступите место гневу [Божию]. Ибо напи-

* 1 Пет. 2, Рим. 8.
** Иоан. 17, 20.

само: Мне отмщение. Я воздам, говорит Господь.* Поэтому никогда не дано христианам право мщения.

Рим. 13, 1 Пет. 2, Тит. 3.

Всякий пусть будет покорен власти и силе, говорит Павел, ибо нет власти, которая не от Бога. Так и апостолы усердно учат, что христиане должны быть покорны власти, но они не должны и не могут сами быть властью.

1 Кор. 5.

Ибо, что мне до сторонних, говорит Павел, что я должен их судить? Поэтому ни один ученик или последователь Христа не может править миром.

1 Кор. 6.

Неправильно у вас то, говорит Павел коринфянам, что вы судитесь друг с другом. Почему вы не предпочитаете, чтобы вам причинили несправедливость? Почему вы не предпочтете, чтобы вас обделили? Напротив, вы сами поступаете к своей выгоде, причем по отношению к братьям. Из этого снова следует, что суда и судебных споров не должно быть в церкви Христовой.

2 Кор. 2.

И говорит апостол Павел: мы не господа над вашею верой. И Петр призывает старейшин, чтобы они ревностно оберегали очаг Господа, не как те, которые там господствуют над наследием Бога.

2 Кор. 10, Еф. 6.

Оружие нашего воинства не плотское, а духовное и имеет силу перед Богом ниспрровергнуть все, что восстает против познания Божия.

Рим. 12, 1 Кор. 10 и 12, Еф. 4, Кол. 3.

Верующие, или христиане, суть единое тело во Христе, и все крещены в одно тело.* Потому не подобает, чтобы тело имело меч и направляло его против себя самого. Только от отчаяния можно было бы самого себя увечить, убивать, удушать. Следовательно, не подобает общине Христовой, чтобы она применяла внутри себя меч, ибо она, как сказано, одно тело во Христе. Разве не было бы без-

* Втор. 32.
** 1 Кор. 12.

рассудно и глупо, если бы обе руки одного тела, каждая с мечом, друг друга кололи, рубили и были друг с другом в раздоре? То же самое, когда ты говоришь, что христианам можно воевать и применять меч

1 Кор. 13.

Любовь смиренна и дружелюбна, меч и его слуги набрасываютя яростно, грубо и враждебно. Любовь незлопамятна, меч скор на расплату. Любовь не пререкается и не чванлива, меч и его слуги прекословят и гордятся большой силой. Любовь не ищет своей выгоды, меч ограждает собственную выгоду. Любовь не позволяет доводить себя до гнева, меч — сплошь гнев и орудие гнева. Любовь ничего не истолковывает в дурном смысле и все переносит, меч мстит и расплачивается за все. Любовь все терпит, а меч ничего не терпит, но наносит удар за удар.^{*} Поэтому христианская любовь и светский меч не могут быть рядом.

Откр. 1 и 19.

Христос явился святому апостолу Иоанну в Апокалипсисе с обьюдоострым мечом в своих устах. Из этого мы, его ученики и верующие, узнаем, что нам надлежит иметь меч не в руках, а в устах и, стало быть, действовать мечом духовным, а не кровавым.

Откр. 4.

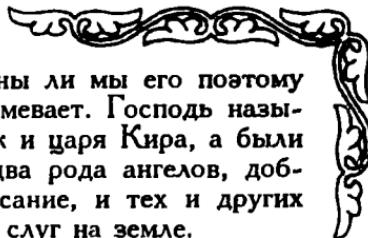
Двадцать четыре старца, которые явились вокруг престола Божия, положили свои венцы перед престолом. Где же останутся те, которые здесь не желают снять с себя свои венцы, а желают всеми людьми быть венчаны и почитаемы, ссорятся здесь из-за венцов и сражаются до крови? Им не будет места в этом зале со старцами вокруг престола Божия, а место им вокруг престола Люцифера.

Откр. 13.

Имеющий уши, да услышит: если кто захватывает в плен, сам попадет в плен. Если кто-то убивает мечом, тот от меча и погибнет.

Говорят, что власть имущие поставлены от Бога и суть слуги Бога. Почему им тогда не быть христианами? Ответ: если во имя этого звания высокое положение делает человека христианином, то римские тираны, императоры Клавдий и Нерон, тоже должны были бы быть христианами, потому что Павел называет их с их скипетром слугами Божими. И раз Павел так же говорит о власти, которая существует повсюду, и называет ее носителей слугами Божьи.

• Иов. 19, Рим. 9.

ими,* то и турок такой слуга Божий. Должны ли мы его поэтому считать христианином? Павел это не подразумевает. Господь называет и царя Навуходоносора своим рабом, как и царя Кира, а были они лишь язычники.** Ибо как существует два рода ангелов, добрые и злые, о которых часто упоминает Писание, и тех и других называя ангелами, так же Бог имеет два рода слуг на земле.

Поэтому не должен ни один христианин становиться светской властью, но власть имущий может стать христианином, когда он, следя Христу, оставляет богатство, принижает себя, откладывает меч, берет на себя крест и идет за Ним. Так власть меча издревле имела разные имена. Причина того, что она называется светской властью в том, что она не соединима с христианской церковью.

Наша воля и намерение не в том, чтобы отменить светскую власть или не подчиняться ей в добром и справедливом, ибо власть должна существовать в мире среди людей, как хлеб насущный, и так, как учитель должен иметь розги для детей. Ибо, раз людская толпа в миру противится притяжению и правлению слова Божия, она должна быть под притяжением и правлением меча, чтобы воры и мошенники или дети этого мира, которые не желают вести себя по-христиански благочестиво, все же жили в мирском благочестии, помятуя о виселице. И чтобы для них были узда и шпоры, иначе ни один бы не имел защиты от другого, а земля была бы обильно полита кровью. Поэтому власть есть установление Господа, которое мы обязаны держать в чести, выказывать ей благожелание, подчиняться ей и исполнять положенное. Ибо как Господь назначил воздаяние служителям слова Его в церкви Его, так же Он и светским властям (потому что они не могут заниматься другим трудом) назначил пропитание и подати,*** как то: десятину, ценз, службы, повинности и тому подобное, что может исполнять христианин. И что не против веры или совести, то он по справедливости и исполняет. Однако, что идет против Бога и против веры, то благочестивый исполнять не обязан. Петр и апостолы сами этого тоже не исполняли, ибо, хотя он учит: подчиняйтесь всем человеческим установлениям;**** однако, когда ему запрещали поступать по истине и понуждали к неправедному, он говорит: Богу обязаны быть послушными более, нежели людям.***** Как и Седрах, Мисах и Авденааго поступали пред царем Навуходоносором , подобно же

* Рим. 13.

** Иср. 42.

*** 1 Кор. 9, 1 Фес. 5.

**** 1 Пет. 2.

***** Деян. 4.

Дан. 3.

Маккавей и его люди во времена царя Антиоха*. Ибо должно отдавать кесарю и властям, что их, а Богу, что Богово.** Потому христианин должен это различать и примечать и не возносить властям хвалу, которую должно обращать к Богу, как то: милостивый, мудрый, сиятельный, непобедимый и тому подобное (чем свет им лицемерно льстит), кланяясь, преклоняя колени и падая в ноги, все это принадлежит одному Богу. Только Он мудр. Пред Ним должно преклонять колени. Он никому не уступает славу Свою. Поэтому христианин не может так поступать.

⊕ разводе между верующими и неверующими

Быт. 12.

Когда Аврам, прародитель всех верующих, был призван Богом уйти со своей родины и с земли отцов и от своих друзей, если бы его жена Сара не пожелала за ним последовать, то он должен был бы развестись с нею, раз он намеревался следовать Богу. Так должно быть, когда это случается между мужем и женою.

Быт 19

Зятья Лота не поверили, когда он сказал им про наказ Бога, что они должны собраться и уйти из Содома, ибо Господь разрушит этот город, а насмехались. Он все же увел от них по указанию ангелов двух своих дочерей.

Откр. 18.

О том же говорит и небесный глас в Новом завете: выйди от нее***, народ Мой, чтобы вы не стали причастны ее грехам, дабы вы не приняли что-либо от ее мук. Ибо ее грехи достигли неба, и Господь обратил мысль Свою к ее преступлениям. Такую причину, равно как и право, имеет верующий супруг, как один, так и другой, выйти из брака, чтобы верующий супруг не стал причастным миру и грехам неверующего, дабы ему не довелось принять на себя что-либо от их кары и мучений.

* 1 Мак. 2.

** Матф. 22.

*** Дан. 3, Рим. 16, Филип. 2, Ис. 48.

**** Имеется в виду «великая блудница» — Вавилон.

Втор. 13.

И говорит Господь, что если будет тебя уговаривать тайно твой брат, сын твоей матери, или твой сын, или дочь твоя, или жена на лоне твоем, или друг твой, который тебе, как твоя душа, и скажет: пойдем и будем служить другим богам, то не соглашайся с ним, и да не пощадит его глаз твой, и не жалей его, а удави его. Твоя рука первой должна быть на нем, чтобы его убить, ибо он покушается отвратить тебя от Господа, Бога твоего. Если те своих жен, желавших отвратить их от закона Божия, должны были убивать и побивать камнями, то нам теперь тем более должно и правильно отделяться и уходить от жен, когда они нам вредят и препятствуют.

Исх. 34, Втор. 7.

В Израиле, ветхозаветном народе, никто не смел брать или иметь неверующую, ибо Господь сказал через Моисея: если вы возьмете вашим сыновьям дочерей из другого народа или отадите ваших дочерей сыновьям другого народа, то они отвратят ваших сыновей от Меня, чтобы те служили другим богам. Разразится тогда над вами гнев Господа и скоро истребит вас.

3 Цар. 11.

Когда Соломон, самый мудрый царь среди всех, пренебрег этой заповедью, ему хорошо известной, он был чужестранками введен в большое безумие и был подвергнут Божией каре, и это ввергло его в падение и в значительный ущерб. Так же царь Ахав был завлечен чужестранкою Иезавелью, и стал он служителем Ваала^{*} и повелел служить Ваалу. Потому народу Божию никогда не подобало, не было во благо, не было полезно и не надлежало проживать с чужеродными, неразумными, неверующими супругами.

1 Езд. 9, 3 Езд. 10, 11.

Во времена Ездры, когда народ согрешил перед Господом, взяв чужестранок в жены, и затем они снова обратились к Богу, они должны были все развестись с ними, хотя они все и вступили в брак и имели от них детей, несмотря на что они должны были их удалить и прогнать от себя. И они велели людям из высших во всей общине, чтобы добились от всех мужчин, которые имели чужестранок в женах, чтобы те развелись.

* Ваал (Баал) — производное от Балу, одного из наиболее употребимых прозвищ языческих богов в западносемитской морфологии.

Неем. 13.

Были иудеи, которые взяли к себе в дом жен из Азота, Аммана и Моава, и их дети говорили наполовину по-аэзотски и не могли говорить по-иудейски, а по языку замечался каждый народ. И Неемия бранил их, проклинал их, бил некоторых мужей, вырывал у них волосы и брал с них клятву перед Богом, что они не отдадут своих дочерей их сыновьям и не возьмут их дочерей своим сыновьям, и сами не будут на них жениться. Разве не согрешил в том Соломон, царь Израиля, а ведь не было среди племен царя подобного ему, и был он любезен своему Богу, и такого чужеземные жены ввели в грех.

Если уж древние держались в этом такой строгости и больше уважали союз Божий, нежели брак с неверующими, то тем более мы, христиане, должны ставить союз с Богом перед человеческим брачным союзом. Когда мы видим, что чьи-то дети говорят по-мирски и не умеют говорить по-христиански, но злобе мира научаются и по ней живут, надо требовать, чтобы верующий отделился от неверующего и вышел из брака.

Матф. 5 и 18.

И говорит Христос: если твоя рука или твоя нога или твой глаз тебя соблазняет, то вырви и отбрась от себя, ибо лучше ты хромой и увечный или одноглазый войдешь в Царство Небесное, нежели со всеми членами в вечный огонь. Под этим Он не подразумевает внешние члены тела, а через руки, ноги и глаза Он обозначает тех, кто нам ближе всех привержен, и других, в которых мы нуждаемся. Как бы ни были они нам нужны и полезны, все же их следует отсечь, когда они угрожают воспрепятствовать нашему спасению. Поэтому, если мужу жена или жене муж учиняет помехи, вред и пагубу (и бывает, что неверующий супруг может сильно вредить), и никакое лекарство и никакие старания не помогают, тогда верующий супруг по праву отворачивается от другого согласно слову Господнему.

Матф. 5, 19, Марк. 10, Лук. 16.

Чтобы никто не получал повода для развода и ухода, кроме как ради спасения души, Христос далее говорит: сказано, что кто разводится со своею женой, тот должен дать ей разводное письмо.* Я же говорю вам: кто разводится со своею женой (кроме разве что из-за неверности), тот вводит ее в прелюбодеяние, а кто будет разведенную брать в жены, тот совершаet прелюбодеяние.

* Втор. 24.

Матф. 10.

Когда преследуют вас в одном городе, бегите в другой. Истинно Я говорю вам: не успеете вы обойти города Израилевы, как придет Сын человеческий. Эту дарованную свободу Христову имеет верующий супруг, ибо при неверующем он будет совращен. Также допускается и разрешается, чтобы верующие супруги, когда их преследуют, вместе убегали и перебирались в другое место, где живут их единоверцы.

Матф. 10, Лук. 12, Мих. 7.

И говорит Христос: вы не должны думать, что Я пришел принести на землю мир. Не мир пришел Я принести, но меч. Ибо Я пришел разделить людей и направить сына против его отца, дочь против ее матери, невестку против ее свекрови, и врагами человека станут его же домашние. Из этого видно, что не мы учинили сей раздор, а Христос и Его слово.

Далее.

Кто отца или мать любит более, нежели Меня, тот не достоин Меня. И кто сына и дочь любит более, нежели Меня, тот не достоин Меня. В десяти заповедях наказано любить и почитать отца и мать, равно как блюсти брак. И любовь к детям, как и к жене, образует равно природные узы. Еще Он говорит: кто их любит более, нежели Меня, тот не достоин Меня. И кто не берет на себя свой крест и не следует за Мной, тот не достоин Меня.

Матф. 19.

И говорит Христос: что соединил Бог, то не должен разделять человек. Здесь хорошо бы прежде всего спросить и обдумать, соединил ли это Бог или нет, когда сходятся в миру. Много и часто сходятся, как распутницы и мошенники, и если поп (который обычно таков же) их потом сочетает браком, разве это соединено Богом? Да, злой враг скорее их соединил, который над такими имеет власть. Если женятся ради денег и имущества, должно ли считаться, что Бог это соединил? Жадность и деньги их соединили. Но как бы то ни было, если кто разводится или собирается разводиться, чтобы спасти свою душу ради веры и Христа, тех разводят не человек, а Христос, и это совершаются по Его слову. Хотя мы и называем разводом, все же еще не есть развод, когда один супруг уходит от другого, другой же через некоторое время, прияя к нему, улучшает свою жизнь, тогда брак почитается действительным. Где что разделяет не Христос и Его слово, а человек, как часто делают

мошенники этого мира, то несправедливость и грех, и это запрещено в десяти заповедях Божьих.

Матф. 19, Марк. 10, Лук. 18.

И говорит Христос: всякий, кто покидает дома и братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену (смотри: жену), или земли, или детей во имя Мое, тому воздается сторицею, и он наследует жизнь вечную. Посмотри, где Он говорит здесь о прелюбодеянии, что ничто, кроме него, не может быть причиной развода? Здесь Он его не упоминает.

Лук. 14.

Христос, беседуя о призвании и собрании своей церкви, рассказывает, как однажды человек, который сделал большой ужин и пригласил к себе многих, послал своего раба ко времени ужина сказать гостям: приходите, ибо все готово. И когда они отговаривались, первый землею, второй своею упряжкой волов, третий свою жену, которую он взял, не могут де из-за этого прийти, что говорит господин? Он разгневался на них и в гневе объявил, что никто из них не отведает его ужина, и пусть мир говорит, что хочет.

1 Кор. 7.

Так же говорит апостол Павел коринфянам: вступившим в брак (понимай, когда оба стоят в вере) не я повелеваю, а Господь, чтобы жена не разводилась с мужем. Если же она разведется, чтобы она оставалась без брака или примирилась с мужем. И чтобы муж не отпускал жену от себя.

Прочим же я говорю (словно он хочет сказать из милосердия и сострадания к человеческой слабости, потому что он имеет повод), а не Господь, что я имею особую заповедь о том, что верующий должен быть при неверующем, что, если какой-либо брат имеет неверующую жену, и ей нравится у него жить, ему не должно разводиться с нею. Здесь Павлу от Святого Духа (которым он себя прославляет) было сообщено различие: между теми, из которых один верующий, а другой неверующий, брак соблюдается иначе, нежели когда оба верующие, и что в таком браке должны быть некоторые послабления. Иначе соединил бы он их так же, как двух верующих в браке по божественному повелению и сказал бы: ты верующий, поэтому ты единожды соединился со своей половиной браком и должен при ней оставаться, как бы вам ни жилось. Нет, он этого не делает, а дает такой совет и ставит во главу угла сначала взаимное согласие. Когда оно присутствует, верующему следует оставаться. А именно: где неверующей жене нравится и приятно,

чтобы он жил при ней не как прежде, а теперь как верующий в новой жизни и иным образом, соответствующим вере способом и по христианскому порядку в воспитании детей и во всех христианских делах, если ей это приятно и она ему не желает быть помехой, то тогда ему не следует разводиться с нею, говорит апостол, до тех пор, пока все складывается таким образом, что у них есть где проживать, и община также там живет и хозяйствует. А если жена имеет неверующего мужа, и ему приятно (смотри: приятно) жить с нею, то ей не должно разводиться с ним. Об этом сказано так же, как и ранее. Если неверующему мужу приятно, желательно и нравится, чтобы верующая жена, которая есть сестра, жила с ним и жила по вере, так что она могла бы ходить слушать слово Божие, быть с верующими, отречься от мира и от того, что противно ее вере и совести, также детей побуждает отвернуться от мира к святыни и благочестию (ибо иначе они были бы нечистыми) и тому подобное делает, что идет от веры, если такое приятно неверующему мужу, и он ей не препятствует, отклоняя ее с пути истинного и чиня преграды, то не должно жене разводиться с ним, а должно оставаться. Отсюда также следует: где у неверующего мужа нет согласия (о чем говорит Павел), но он старается всякою хитростию отклонить ее от веры, либо кричит на нее, ропщет, бранит, бушует, богохульствует, бьет ее, пинает, истязает, никак ее не щадит, либо как-нибудь иначе непристойно с нею обращается, и даже, когда у них есть дети, и муж отдает их в детское крещение и старается воспитать и вырастить их сообразно мирским обычаям или же, убоявшись тиранства власть имущих и других безбожных дел, лишает мальчика, часто из страха, возможности надежно сохранять себя в вере, то верующая жена вправе оставить его и уйти. Брат или сестра не связаны в таких случаях, говорит Павел, словно он провозглашает, что союз с Богом значит в тысячу раз больше, чем брачный союз с человеком, и служение Богу следует блести прежде всего остального, не лишать силы Его мирный союз, привязанность, не давать отделяться от этого ни высшему, ни низшему и никакому творению. Поэтому апостол Павел, обращаясь к верующей половине, которая хочет жить с неверующей, убедительно ей внушает: знаешь ли ты, женщина, сделаешь ли ты блаженным мужа? Или ты, мужчина, знаешь ли, сделаешь ли ты жену блаженною? Как бы долго ты ни была с ним терпелива и ни пытались бы его обратить в веру, будет скорее так, что ты не только его не обратишь, но и себя к тому же потеряешь, как чаще всего и случается. Из всего этого, из услышанных слов и Евангелия Христова, явствует, что при апостолах и первой церкви случались отделения и уход неверующих, неразумных супругов. И в нынешней церкви, и в малых стадах Христовых нередко случается то же. Как бы ни кричали, ни

жаловались, ни осуждали это и ни бралились мир и лжебратья, кто же в этом повинен? Кто дружен с миром и ему приятен, тот не раб Христов, против которого повсюду поднимают голос.* Нам не по душе, когда один из супругов должен оставить другого, и не могли мы это советовать никому без великой озабоченности, желали бы лучше, чтобы и неверующая половина, и оба вместе могли предаться Богу, следовать Ему в вере. Однако потому что вера дана не всякому, то и поступает каждый по своему разумению и как ему предписано, и оставляет другую половину стоять на своем. Когда придет Христос, Судия живых и мертвых, муж не должен будет отвечать за жену, либо жена за мужа, а каждый за себя самого, и будет каждый сам нести свою ношу.^{**}

2 Кор. 6.

Павел учит: не преклоняйтесь под чужое ярмо вместе с неверными, ибо что общего у праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой? Какое согласие между Христом и Велиалом? Или что разделяет верующий с неверующим? Что имеется сходного у храма Божия с идолами? Вы же суть храм Бога живого. Как говорит Бог: буду пребывать в них и ходить в них, и буду их Богом, и они станут Моим народом. И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому, тогда приму вас и буду вам Отцом, а вы будете Моими сыновьями и дочерьми, говорит всемогущий Господь. К такому выходу и отделению всегда допущен верующий супруг, и ему вольно так поступить. Если ты скажешь, что выход этот духовный, а не ногами, то знай, что кто выходит в Духе из мира и его безбожия и соединяется с народом Божиим, тот и телесно не пощадит ног своих и придет к народу Божию. Если ему это по силам, то наибольшее он совершил в Духе и, воистину, он заведомо и самое малое не упустит сделать, ибо все это воедино связано. Так сделал Аврам, когда призван был, хотя он уже и ранее в сердце своем от халдеев и их идолов ушел.^{***} Так же Лот из Содома.^{****} То же сделал апостол Павел в Ефесе, где некоторые закостенелыми были и не верили, а ~~засловили~~ о пути Господа. Он ушел от них и увел учеников.^{*****} Так и впредь должно быть, чтобы держались вместе народ Божий и члены тела Христова.

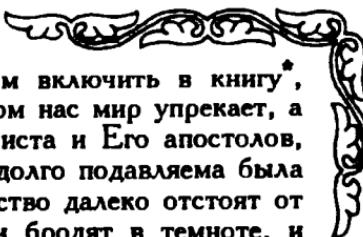
* Иак. 4, Гал. 1, Лук. 1, Деян. 28.

** Рим. 14, Гал. 6.

*** Быт. 12, Евр. 11.

**** Быт. 19.

***** Деян. 19, 20.

Эти главные статьи мы почитаем нужным включить в книгу*, чтобы видели, что это не новая вера, как в том нас мир упрекает, а в конечном счете исконная вера и учение Христа и Его апостолов, которая совершенно извращена, разрушена и долго подавляема была антихристом, так что мир и ложное христианство далеко отстоят от нее, от пути истины во Иисусе Христе, и бродят в темноте, и пребывают в заблуждении. Однако полное обоснование нашей религии, учения и веры, а также этих статей дано в нашем напечатанном Отчете**.

-
- То есть в уже упоминавшуюся выше «Старейшую хронику хуттеровских братьев».
 - ** Имеется в виду Гессенский отчет П. Ридемана (см. вошедшую в данный сборник статью: Васильева М. В. Хуттеровское вероисповедание по «Отчету о нашей религии, учении и вере» Петера Ридемана).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ (к приложению)

- Быт. — Бытие. Первая книга Моисеева
- Исх. — Исход. Вторая книга Моисеева
- Лев. — Левит. Третья книга Моисеева
- Чис. — Числа. Четвертая книга Моисеева
- Втор. — Второзаконие. Пятая книга Моисеева
- Суд. — Книга Судей Израильских
- 1 Цар. — Первая книга Царств
- 3 Цар. — Третья книга Царств
- 4 Цар. — Четвертая книга Царств
- 1 Пар. — Первая книга Паралипоменон
- 1 Езд. — Первая книга Ездры
- 3 Езд. — Третья книга Ездры
- Неем. — Книга Неемии
- Иов. — Книга Иова
- Пс. — Псалтирь
- Ис. — Книга пророка Исаии
- Иер. — Книга пророка Иеремии
- Иез. — Книга пророка Иезекииля
- Дан. — Книга пророка Даниила
- Ос. — Книга пророка Осии
- Ион. — Книга пророка Ионы
- Мих. — Книга пророка Михея
- Зах. — Книга пророка Захарии
- 1 Мак. — Первая книга Макавейская
- Матф. — Евангелие от Матфея
- Марк. — Евангелие от Марка
- Лук. — Евангелие от Луки
- Иоан. — Евангелие от Иоанна
- Деян. — Деяния святых апостолов
- Иак. — Послание Иакова
- 1 Пет. — Первое послание Петра
- 1 Иоан. — Первое послание Иоанна
- 2 Иоан. — Второе послание Иоанна
- Рим. — Послание к Римлянам
- 1 Кор. — Первое послание к Коринфянам
- 2 Кор. — Второе послание к Коринфянам
- Гал. — Послание к Галатам
- Еф. — Послание к Ефесянам
- Филипп. — Послание к Филиппийцам
- Кол. — Послание к Колоссянам
- 1 Фес. — Первое послание к Фессалоникийцам
- Тит. — Послание к Титу
- Филиим. — Послание к Филимону
- Евр. — Послание к Евреям
- Откр. — Откровение Иоанна Богослова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
- ЕГИ — Ежегодник германской истории
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- ПНИОН — Институт научной информации по общественным наукам
- ИСУ — История социалистических учений
- КГПИ — Кемеровский государственный педагогический институт
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- МГПИ — Московский государственный педагогический институт
- МГУ — Московский государственный университет
- МЭМО — Мировая экономика и международные отношения
- РЖ — Реферативный журнал
- СВ — Средние века
- СГ — Средневековый город. Межвузовский научный сборник. Саратов
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- СЭ — Советская этнография
- УЗ — Ученые записки
- АБВР — Die Abschlede der Bundnis- und Bekentnistage protestierenden Fürsten und Städte zwischen den Reichstagen zu Speyer und zu Augsburg 1529—1530 / Hrsg. Von E. Fabian, 1960
- BOSS-1 — Die Beschlüsse des oberdeutschen schmalkaldischen Städtetags. 1. Tl.: 1530/31 / Hrsg. von E. Fabian. Tübingen, 1959
- BOSS-2 — Die Beschlüsse der oberdeutschen Schmalkaldischen Städtetage. 2. Tl.: 1531/32 / Hrsg. Von E. Fabian. Tübingen, 1959
- CDS — Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
- CJ — Codex Justinianus
- C. R. U. S. — U. S. Department of State. Commercial Relations of the United States with Foreign Countries for the years 1877—1878. — Washington, 1878—1879
- Cth — Codex Theodosianus
- The Economist — The Economist. Weekly Commercial Times, Bankers' Cazette and Railway Monitor: A Political, Literary and General Newspaper
- FDR and F. A. — F. D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vol. 1—3 / Ed. By E. Nixon. Cambridge, 1969.
- FRUS — Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers.
- IGI — Inscriptiones Grecae insularum maris Aegei
- ILS — Inscriptiones Latinae Selectae. Ed. H. Dessau. Bd. 1—3. Berlin, 1892—1916
- JbGF — Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin
- JGVV — Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich. Leipzig
- JNÖS — Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. Jena
- MGN — Mitteilung für die Geschichte Nürnberg's
- PA-1 — Politisches Archiv des Landgrafen Philipp des Grossmutigen von Hessen. Leipzig, 1904. 1. Bd.
- PWRE — Pauly-Wissowa-Kroll Real-Encyclopädie der klassischen Alterthumswissenschaft
- RTA-7 — Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe. 7. Bd. / Bearb. von J. Kuhn. Stuttgart, 1935
- RTA-8 — Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe. 8. Bd. / Bearb. von W. Steglich. Göttingen, 1970
- SBA-1 — Die Schmalkaldischen Bundesabschiede 1530—1532 / Hrsg. von E. Fabian. Tübingen, 1958
- SBA-2 — Diesschmalkaldischen Bundesabschiede 1533—1536 / Hrsg. von E. Fabian. Fübingen, 1958
- URA -2 — Urkundenbuch zu der Geschichte des Reichstags zu Augsburg im Jahre 1530. Halle, 2. Bd.
- VSWG — Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart
- ZfG — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin
- ZHV — Zeitschrift des Historischen Vereins für Schwaben und Neuburg. Augsburg

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о юбиляре	5
Научные труды Ю. К. Некрасова	7
Коптев А. В. Рим и Альба: к проблеме наследования царской власти в архам- ческом Риме	11
Коптев А. В. Распространение римского гражданства в Империи и правовое положение сельского населения провинций в III в.	31
Некрасов Ю. К. Эволюция социального строя и отношения собственности в средневековом городе XIV—XVI вв. (на примере Швабии и Швейцарского Союза)	50
Чуянов А. Ф. Становление Протестантского союза в Германии (20—30-е гг. XVI в.)	76
Микешин А. А. «Гейльброннская программа» и цвинглианская реформация	105
Васильева М. В. Хуттеровское вероисповедание по «Отчету о нашей религии, учении и вере» Петера Ридемана	114
Киселева О. А. О характере экономических отношений США и Великобрита- нии в период реконструкции Юга (1865—1877 гг.)	133
Вахрамеева Т. В. Ф. Д. Рузвельт и англо-американское сотрудничество (1936—1937 гг.)	147
Петелин Б. В. Сущность и эволюция внешнеполитических концепций ХДС/ХСС в 70—80-е гг.	162
Приложение	
Васильева М. В. «Пять статей» — памятник вероисповедания хуттеровских братьев середины XVI в.	179
Пять статей величайшего спора между нами и миром. Перевод с раннего но- воверхненемецкого и примечания М. В. Васильевой и В. Н. Павлова	184
Список сокращений	229

**ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**
Сборник научных трудов

Редакционная подготовка — *Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудрявцева*

Художественное оформление — *А. В. Суворов*

Компьютерный набор — *Г. В. Степанова*

Оригинал-макет — *С. В. Кудрявцев*

ЛР № 021076 от 18. 09. 96. Сдано в набор 20. 06. 96. Подписано к печати 25. 11. 96.

Формат 60x84/16. Бумага писчая. Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 15,2.

Тираж 300 экз. Заказ № 74. Цена договорная.

160600, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6, ВГПУ, издательство «Русь».
Отпечатано в литографии Северного лесоустроительного предприятия
160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.

